

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
Т. Т. МУСТАФАЗАДЕ

АЗЕРБАЙДЖАН
И
РУССКО-ТУРЕЦКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в

Баку—Элм—1993
Редактор д. и. н. Ф. М. Алиев

Мустафазаде Т. Т.

Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в.—Баку: Элм, 1993.—240с.

15ВЫ—8066—0577—9

В монографии всесторонне изучены вопросы истории Азербайджана и русско-турецкого соперничества в Прикаспийском регионе в первой трети XVIII в. На основе многочисленных первоисточников объективно исследованы и проанализированы такие вопросы, как стамбульские мирные переговоры 1723—1724 гг., народное движение за независимость под руководством лжепринца Исмаила мирзы, Абдурразак хана, Сафи хана и др. Показана роль Азербайджана в русско-османо-иранских отношениях, освещена политика Османской и Российской империй в Прикаспийских областях, раскрыта военно-феодалная, колониальная сущность этой политики и методы ее осуществления

В работе также впервые подробно показаны попытки российского правительства заселить прикаспийские земли христианами, происки русской дипломатии, стремившейся, столкнув интересы Ирана и Турции, подготовить таким образом почву для русского проникновения в этот регион.

Книга рассчитана на историков и широкий круг читателей.

0503020907— 336 заказное

м 655(07)~9

ВВЕДЕНИЕ

Первая треть XVIII в.—сложнейший и трудный период в истории азербайджанского народа. В это время разгорелось упорное русско-турецкое соперничество в прикаспийском регионе, в результате чего Азербайджан был оккупирован войсками Османской империи и России. Этот кратковременный период оставил довольно заметный след в истории Азербайджана и русско-турецких отношений, так как повлиял на последующее политическое развитие страны и стал предысторией русско-турецкой войны 1735—1739 гг. Оккупация Азербайджана иноземными захватчиками в 20—30 гг. XVIII в., а также опустошительные походы Надир шаха Афшара, разорявшие страну и приведшие к упадку производительных сил, как бы передвинули Азербайджан на более низкую ступень исторического развития. На наш взгляд, именно в этом кроется одна из основных причин того, что в середине ХУШв. на территории Азербайджана не сложилось единое государство, а возникли мелкие государственные образования—ханства. Иными словами, страна вернулась на ту стадию, которую она уже проходила в своем историческом прошлом (IX—XII и XIV—XV вв.). Уроки истории показывают, что порой достаточно одной войны, чтобы потерять все достигнутое и вернуть страну назад на много лет или даже веков. В связи с вышеизложенным, изучение периода османской и русской оккупации Азербайджана, истории соперничества этих двух крупнейших империй в Прикаспийском регионе в первой трети XVIII в. и связанных с этими событиями вопросов имеет, несомненно, немаловажное научное значение. Справедливости ради отметим, что эта тема не раз привлекала внимание исследователей. Начиная еще с XVIII в. различные аспекты ее были затронуты в работах ряда историков. Прежде всего следует отметить появившиеся в XVIII—начале XIX вв. работы,¹ посвященные периоду царствования Петра I и в частности его т. н. «персидскому походу». Однако в этих трудах внимание уделено исключительно военным действиям русской армии в Прикаспье, а русско-турецкое соперничество из-за Азербайджана и происходившие в

это время в Азербайджане общественно-политические события их авторов не интересовали.

Особо следует выделить известную работу П. Г. Буткова². В первой части ее излагаются события XVIII века до 1774 г. включительно. В книге приводятся все доступные автору материалы, касающиеся того или иного вопроса, что имеет немаловажное значение для объективного понимания происходящих событий. Поэтому сочинение П. Г. Буткова имеет, несомненно, источниковедческое значение. В то же время следует отметить, что, будучи слабо знаком с историей ближневосточных стран, в том числе Азербайджана, Бутков допускал много ошибок и неточностей в изложении событий, происходивших там. Работы крупнейшего русского историка второй половины XIX в. С. М. Соловьева³ превосходят во многих отношениях произведения других дооктябрьских русских историков. В его трудах собран большой фактический материал и по рассматриваемой нами проблеме. С. М. Соловьев уделил особое внимание политике России в Прикаспийском регионе, ее взаимоотношениям с Османской империей. В то же время следует отметить, что Соловьев не показывает место Азербайджана как одного из узловых пунктов противоречий между Россией и Османской империей. Вообще в его работах, как и в работах всех других дооктябрьских историков, отсутствует понятие «Азербайджан»: азербайджанские земли именовались «персидскими», а азербайджанцы—то персами, то турками. Для большинства русских историков характерно стремление к оправданию завоевательной политики России в Прикаспье необходимостью обеспечения ее южных границ. Многим из них присущ великодержавный шовинизм. Эти историки на завоевание Кавказа и Закавказья смотрели как на «цивилизаторскую миссию» русского самодержавия по приведению к покорности «диких» азиатцев. Они оправдывали военные и даже карательные действия русской армии, повествуя о них с особой гордостью. Многие из этих историков на азербайджанский народ смотрели сверху вниз—как на объект а не субъект истории, считая его отсталой, дикой массой (С. М. Соловьев в этом отношении составлял некоторое исключение).

Некоторые из дооктябрьских историков обосновывали русскую военную экспансию в Закавказье идеальными побуждениями Петра I. Так, армянский историк Г. А. Эзов, угождая

царизму, утверждал, что на протяжении первой половины XVIII в. Россия стремилась освободить единоверцев от преследования тамошних мусульман и якобы религиозные мотивы были основной причиной русско-турецких противоречий. Переоценивая роль вероисповедания во взаимоотношениях государств и народов, он стремился тем самым завуалировать колониальные устремления царизма. На самом же деле по пытки разжигания вражды между народами по религиозным мотивам являлись средством проведения экспансионистской политики российского самодержавия. Из азербайджанских историков событиям первой трети XVIII в. впервые должное внимание уделил А. А.

Бакиханов в своем известном историческом произведении «Гюлистан Ирам» («Райский цветник»). Азербайджанские историки советского периода касались изучаемой темы уже в публикациях 20—30-х годов. В то время в изучении внешней политики России большим авторитетом пользовались исследования М. Н. Покровского, сыгравшие огромную роль в раскрытии несостоятельности точки зрения дооктябрьских историков, оправдывавших внешнюю политику царизма. Однако критика внешней политики самодержавия и раскрытие ее сущности зачастую превращались под пером Покровского и его последователей в голое обличительство, анализ же классовых корней политики давал-ся односторонне. Непосредственным отражением концепции М. Н. Покровского явились труды Е. С. Зевакина и М. А. Полиэвктова⁶. Их работы в определенной степени помогают восстановить картину экономического состояния прикаспийских провинций Азербайджана и социально-экономическую политику русского правительства в этих провинциях в период вхождения их в состав Российской империи (1722—1735). Представляют научный интерес, в частности, приводимые Е. С. Зевакиным таблицы доходов русской казны с прикаспийских провинций. Однако при освещении политической обстановки в прикаспийских провинциях Е. С. Зевакин и М. А. Полиэвктон доводят до словесных утверждений о том, что «за немногими исключениями мусульманское население завоеванных провинций относилось враждебно к русскому владычеству и искало поддержки то у Турции, то у шаха Тахмасиба (на самом деле азербайджанское население в одинаковой степени ненавидело всех завоевателей.- Г. М.), все это население, разоренное войной, все от низов и до верхов, и эксплуатируемые и большинство эксплуататоров, попросту разбежалось».

Большую работу по изучению истории Азербайджана XVIII века проделал В. Н. Левиатов⁸. Он широко использовал

опубликованные источники и работы дореволюционных русских историков, а также ряд трудов западно-европейских авторов. Однако следует подчеркнуть, что работа В. Н. Левинтова мало базируется на архивных материалах, в ней использованы документы только из Центрального Государственного архива Морского Флота. Отсюда и определенная скудность в освещении ряда важнейших вопросов, а также ряд неточностей, порою ошибочные утверждения и оценки событий. Так, говоря об османо-русском договоре 1724 г., В. Н. Лебиатов неправоммерно утверждает, будто к концу 1723 г. Россия и Османская империя фактически в значительной мереуже произвели раздел Закавказья, в частности Азербайджана, и подписанный 12 июня 1724 г. в Стамбуле договор лишь уточнил владения этих государств в Закавказье⁹. Для ясности отметим, что к концу 1723 г. Османской империи в Закавказье удалось оккупировать лишь Восточную Грузию, а России—только города Дербенд, Баку и Сальяны и незначительную часть прилегающих к ним территорий. Впервые ставится как самостоятельный вопрос выяснение места и значения Азербайджана в отношениях между Россией, Османской империей и Ираном в упомянутый период в исследовании А. А. Абдуррахманова, подготовленном и изданном после смерти автора проф. Г. Б. Абдуллаевым¹⁰. В этой работе более подробно освещается место Азербайджана в русско-иранских переговорах в первой половине XVIII в. В то же время османо-русское соперничество в Прикаспье освещено поверхностно, хотя при написании "работы автор ввел в научный оборот некоторые не использовавшиеся до него документы, но тем не менее, немало архивных источников, помогающих раскрытию сущности событий, как констатирует и редактор книги, осталось вне поля зрения автора. Ценнейшие документы, хранящиеся в фонде «Сношения России с Турцией» (№ 89), которые должны служить одной из главных источниковедческих баз при освещении вопроса о месте Азербайджана в русско-турецких отношениях, автором не использованы совсем. В работе А. А. Абдуррахманова встречается немало неточностей. В частности, ошибочна оценка автором позиции Франции в 1722—1724 гг. при решении османо-русского конфликта. Он считал, что Франция наравне с Англией разжигала османо-

русский конфликт, в то время как она занимала в тот период иную—гораздо более умеренную, а порой и прямо противоположную—позицию¹¹. В книге А. А. Абдуррахманова слишком преувеличена определенная зависимость Османской империи от западно-европейских держав в указанный период. Создается ошибочное впечатление, что уже в тот период Османская империя не могла проводить более или менее самостоятельную политику¹².

Ф. М. Алиевым впервые самостоятельно исследована борьба азербайджанского народа против османской оккупации в 20—40-х гг. XVIII в¹³. Автор, пользуясь богатыми рукописными материалами российских архивов, первоисточниками и опираясь на результаты своих предшественников, комплексно изучил данную тему, внося в то же время коррективы и дополнения к высказывавшимся ранее положениям и оценкам конкретных исторических событий. В работе показаны русская ориентация и ее противники в Баку, обговорено существование двух группировок по внешнеполитической ориентации¹⁴, подробно освещено овладение Баку русскими войсками¹⁵. Однако автор, сосредоточив внимание на освещении борьбы азербайджанского народа против наступления османских армий в 1723—1725 гг.,¹⁶ упустил из вида народное движение за независимость в последующем периоде. В других трудах Ф. М. Алиева также освещены некоторые аспекты изучаемой нами темы. Так, в одной из его работ описана миссия посланника Русского государства А. П. Волынского в Азербайджане в 1716—1718 гг.,¹⁷ в другой— обобщены и рассмотрены азербайджанско-русские отношения в XV—XVIII вв¹⁸. В диссертации Г. М. Мамедова¹⁹ впервые объектом специального изучения стала налоговая система, введенная османами в Азербайджане и изучаемый период. Вводя в научный оборот документальные источники, хранящиеся в отделе ориенталистики Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия (г. София), автор раскрыл функции и сущность османской налоговой системы, выявил основные ее направления, статьи расходов накопленных средств, характер их использования. В работе Л. И. Юнусовой²⁰ раскрыта роль Азербайджана как одного из основных центров, где сталкивались интересы Англии и России в Прикаспийском регионе. Однако этот вопрос был тесно связан также в указанный период и с позицией Англии в османско-русском соперничестве в Прикаспье и поэтому должен рассматриваться взаимосвязанно, что автором не учтено. В последнее время появились еще несколько трудов азербайджанских исследователей²¹, в которых в различной степени затронуты интересующие нас вопросы, в частности азербайджано-русские отношения в первой половине XVIII в.

Отличительной чертой вышедших в свет в 60—80-е годы трудов, освещающих азербайджано-русские отношения, является идеализация прогрессивной роли России и утверждение о русской ориентации якобы подавляющей части азербайджанского народа (в противовес безудержному обличительству царизма историками 20—30-х годов). Хвала по существу не подготовленные и авантюрные действия Петра I в отношении Прикаспийского региона, эти авторы упрекали его преемников в «недальновидности», «близорукости». Заметим, что последние, однако, руководствуясь пусть и недальновидными, но вполне реальными интересами государства, своевременно ушли из названного региона.

Такой подход исследователей диктовался господствовавшим в то время в обществе ложным интернационализмом и соответствующей неверной концепцией о том, что якобы присоединение всех нерусских народов, в первую очередь восточных и южных (с очень древней цивилизацией), было однозначно прогрессивным. Основой для таких выводов служило отдельно взятое суждение Ф. Энгельса о роли России в отношении народов Поволжья, и Черноморья.

Интересующая нас тема затронута, помимо азербайджанских, и другими советскими историками. Она нашла свое отражение в общих чертах в «Очерках истории СССР», изданных в 50-х годах²². Однако все эти авторы по существу оправдывали завоевательную политику царской России на Кавказе и в Закавказье,

утверждая, что якобы вмешательство русского правительства в дела Кавказа «в первую очередь было вызвано опасением турецкой военной экспансии в страны Закавказья и захвата Турцией каспийских портов, что несло бы большой ущерб дальнейшему развитию торговых связей Азербайджана и России»²³. По сути ими игнорировались колониальные устремления царизма в отношении Закавказья, заинтересованность России в Прикаспье как сырьевой базе и стратегическом плацдарме. Ведь Петр I, независимо от намерений Османской империи вторгнуться в Закавказье, начал готовиться к каспийскому походу. Опасность турецкого нашествия лишь ускорила этот поход. Многие вопросы изучаемой нами темы затронуты в известной работе В. П. Лысцова²⁴. Он подробно осветил экономические и политические предпосылки похода Петра I в прикаспийские провинции, хотя, продолжая традицию предшествующих авторов, называл поход Петра «персидским», в то время как известно, что этот поход был организован в первую очередь в прикаспийские провинции Азербайджана.

8

Иностранные дипломаты даже называли его «шемахинской экспедицией»²⁵. Автор ограничился рассмотрением русско-иранских отношений в связи с походом и не остановился на позиции Османской империи, а также не показал отношения западно-европейских стран к данному походу. В. П. Лысцов называет азербайджанцев то «тюрками», то «персами», причем при каспийские провинции Азербайджана, его города не отделяет от Ирана, представляя их как персидские, а иногда даже как армянские.

Изучаемая нами тема затронута и в объемистой монографии известного дагестанского историка В. Гаджиева-. В этом труде, в целом посвященном взаимоотношениям русского и дагестанских народов со средних веков до 1917 г., освещен и поход русских войск на побережье Каспийского моря в 1722—1723 гг. Автором подробно рассмотрен период русской оккупации, при этом особое внимание уделено процессу присоединения восточных дагестанских областей, а также азербайджанского города Дербенд, ныне входящего в состав

Дагестанской Республики. В. Гаджиев также подготовил и опубликовал критический текст сочинения И. Г. Гербера²⁷.

В изучении политики России в Закавказье в XVIII в. большое значение имеет работа О. П. Марковой «Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке» (М.: Наука, 1966). Как отмечает сам автор, центральной темой ее исследования является изучение политики России в Закавказье после Кючук-Кайнаржийского мира (1774 г.)²⁸. В монографии дается также «представление о внешнеполитическом положении Закавказья и о восточной политике России в 20—60-х годах».²⁹ О. П. Маркова в определенной степени права, когда утверждает, что «в развязывании русско-турецкой войны (1735—1739. гг) особое значение приобрели персидские и кавказские дела»³⁰. Она пишет, что «Россия надеялась, что ирано-турецкая война оттянет сроки ее войны с Турцией, но именно эта война и привела к разрыву Турции с Россией. Турция постоянно обвиняла русских в оказании помощи персам, неудачи своей войны с ними она относила на счет России. По мнению великого везира, Турция, воюя с Ираном, фактически воевала с Россией»³¹.

Другой исследователь—Е. Т. Шульман, справедливо критикуя существующую в литературе точку зрения о программе русского канцлера Остермана как выражении стремления добиться раздела Турции, в то же время впадает в другую крайность. Он утверждает, что инициатором конфликта, который

9

Привел к войне, явилась Османская империя³². В какой-то мере можно согласиться с Шульманом в том, что в 1735 г. Россия к войне не была готова и даже не помышляла о продолжительной борьбе ради далеко идущих целей³³. Однако в то же время не следует сбрасывать со счета завоевательные намерения царизма. В работах грузинского историка Г. Г. Пайчадзе³⁴, посвященных освещению развития политических отношений между Россией и Грузией в 1725—1735 гг., затрагиваются и вопросы, связанные с походом русских войск в Прикаспье в 1722—1723 гг.

Надо особо отметить и труд Т. Дж. Боцвадзе³⁵, посвященный месту Северного Кавказа во внешней политике России в XVI—XVIII вв. Автор в целом правильно

отмечает основную цель похода русских войск в Прикаспье в 1722—1723 гг. — присоединение прикаспийских провинций к России; он пишет, что Грузия и Армения были нужны Петру лишь как вспомогательная сила для достижения данной цели³⁶.

В то же время нельзя согласиться с автором, когда он, примыкая к Н. Смирнову, Г. Накашидзе и С. Жигареву, объявляет поход Петра «оборонительным» по отношению к Турции и Ирану³⁷, тем самым затушевывая завоевательный характер данной акции. Выходит, что развалившаяся Сефевидская держава представляла в то время какую-то угрозу России. Нельзя раздувать и османскую угрозу южным границам России — ведь Петр I давно, еще не зная о планах османского двора в отношении сефевидского наследства, намеревался завоевать западное и южное Прикаспье.

В книге Г. А. Некрасова очень кратко затрагивается каспийский вопрос и русско-иранские отношения 20—30-х годов XVIII в. — и то лишь в связи с русско-турецкими отношениями в 1725—1735 гг., хотя и последним автор уделил не слишком много места³⁸.

Отдельные аспекты интересующих нас вопросов затронуты в работах З. А. Арзуманяна³⁹, П. Т. Арутюнян⁴⁰, К. З. Ашрафяна⁴¹, С. Б. Ашурбейли⁴², П. П. Бушева⁴³, Г. А. Галояна⁴⁴,

А. Н. Гулиева⁴⁸, А. Гусейнова⁴⁶, Г. Н. Кукановой⁴⁷, В. И. Лебедева⁵¹ и др., а также в обобщающих трудах «История Азербайджана»⁵², «История Ирана»⁵³ и т. п. Некоторые вопросы истории Азербайджана первой трети XVIII в. и османорусских отношений затронуты и в работах турецких, иранских, а также западноевропейских историков. Некоторые из них объективно подходят к изучению данной проблемы. Одним из них является турецкий ученый

И. Х. Узунджаршили, в объемистом обобщающем труде которого по истории Османской империи кратко освещена временная оккупация Азербайджана османскими войсками в 1723—1735 гг., а также русско-турецкие отношения в Прикаспийском регионе⁵⁴. Интересно утверждение другого турецкого историка Мунира Актепе о том, что

русско-турецкая война 1735—1739 г. началась из-за польского вопроса и перехода крымских татар через Кавказ⁵⁵. Он пишет, что, несмотря на заключение русско-турецкого договора 1724 года, османо-русские противоречия не смягчились, а лишь стали замаскированными и в первые годы правления Махмуда I, в связи с неудачами Османской империи в Иране, вновь приобрели первостепенную важность⁵⁶. Однако и для некоторых турецких историков характерно стремление оправдать захватническую политику господствующих классов своей страны. По И. Х. Данишменду выходит, что причиной вторжения турков в Закавказье явился поход русских войск в Прикаспье и возникшее опасение выхода русских даже к Черному морю⁵⁷.

Отличительной чертой трудов современных иранских историков⁵⁸, в которых затрагивалась изучаемая нами проблема, является использование в основном западно-европейских источников и литературы. Объективной причиной тому является практическое отсутствие иранских документальных источников по этой проблеме и скудное освещение ее в иранских хрониках того времени. Из сочинений западно-европейских историков, в которых имеются сведения по истории Азербайджана, следует отметить труд И. Хаммера «История Османского государства». тт. VII и VIII на немецком языке, изданный в 1831 г. и переизданный в 1965 г., где сообщаются весьма ценные, почерпнутые из турецких рукописей сведения, относящиеся к периоду османской оккупации Азербайджана в 1723—1725 гг., и отдельные сведения из периода правления Надир-шаха. Английский историк Л. Локкарт⁵⁹ привлек в своем исследовании, помимо западно-европейских, и некоторые русские источники. Он в целом верно представляет позицию Франции в русско-турецком конфликте, когда пишет: «Сильное влияние против вспышки военных действий между Турцией и Россией оказывалось Францией... Франция желала видеть Турцию просто сильным государством для того, чтобы она могла бы действовать в качестве эффективного противовеса против ее врага—Австрии»⁶⁰. Однако, говоря о И. Х. Узунджаршили, в объемистом обобщающем труде которого по истории Османской империи кратко освещена временная оккупация Азербайджана османскими войсками в 1723—1735 гг., а также русско-турецкие отношения в Прикаспийском регионе⁵⁴. Интересно утверждение другого турецкого историка Мунира Актепе о том, что русско-турецкая война 1735—1739 г. началась из-за польского вопроса и перехода крымских татар через Кавказ⁵⁵. Он пишет, что, несмотря на заключение русско-турецкого договора 1724 года, османо-русские противоречия не смягчились, а лишь стали замаскированными и в первые годы правления Махмуда I, в связи с неудачами Османской империи в Иране, вновь приобрели первостепенную важность⁵⁶. Однако и для некоторых турецких историков характерно стремление оправдать захватническую политику господствующих классов своей страны. По И. Х. Данишменду выходит, что причиной вторжения турков в Закавказье явился поход русских войск в Прикаспье и возникшее опасение выхода русских даже к Черному морю⁵⁷. Отличительной чертой трудов современных иранских историков⁵⁸, в которых затрагивалась изучаемая нами проблема, является использование в основном западноевропейских источников и литературы. Объективной причиной тому является практическое отсутствие иранских документальных источников по этой проблеме и скудное освещение ее в иранских хрониках того времени. Из сочинений западно-европейских историков, в

которых имеются сведения по истории Азербайджана, следует отметить труд И. Хаммера «История Османского государства». тт. VII и VIII на немецком языке, изданный в 1831 г. и переизданный в 1965 г., где сообщаются весьма ценные, почерпнутые из турецких рукописей сведения, относящиеся к периоду османской оккупации Азербайджана в 1723—1725 гг., и отдельные сведения из периода правления Надир-шаха. Английский историк Л. Локкарт⁵⁹ привлек в своем исследовании, помимо западно-европейских, и некоторые русские источники. Он в целом верно представляет позицию Франции в русско-турецком конфликте, когда пишет: «Сильное влияние против вспышки военных действий между Турцией и Россией оказывалось Францией... Франция желала видеть Турцию просто сильным государством для того, чтобы она могла бы действовать в качестве эффективного противовеса против ее врага—Австрии»⁶⁰. Однако, говоря о «настроенности в пользу

мира» с Россией султана и главного везира, Л. Локкарт не раскрывает причину такой «настроенности»⁶¹. У Л. Локкарта встечаются и заведомо неверные суждения. Так, колонизаторское стремление Петра I «убавить мусульман и поселить армян в прикаспийских провинциях» он квалифицирует чуть ли не как проявление гуманизма, «искреннюю заботу» с целью «оказания помощи христианскому населению в Грузии и Армении»⁶². В статье английского ученого Дж. Ф. Чейнса «Георг I и Петр Великий после Ништадского мира»⁶³ довольно правильно определена позиция Франции в османо-русском конфликте в первой половине 20-х годов XVIII в. Он отмечает, что длительное время политика Франции заключалась в сохранении мира между Турцией и Россией с тем, чтобы первая не оказалась бы ослабленной и смогла бы противостоять Австрии. В книге Я. Якоба, написанной на немецком языке и опубликованной в 1945 г. в Базеле, освещены отношения между Англией, Россией и Турцией в период с 1718 по 1727 гг.⁶⁴. В работе раскрывается роль Англии в раздувании османо-русского конфликта в Прикаспье. Я. Якоб верно оценивает роль Франции в османо-русском конфликте, отмечая, что французский представитель в Стамбуле де Бонак старался сгладить русско-турецкие противоречия⁶⁵. Как видно из краткого историографического обзора, некоторые вопросы истории Азербайджана первой трети XVIII в., в частности, антииранские выступления в Ширване, состояние сельского хозяйства и торговли, налоговая политика Османской империи в Азербайджане, освещены достаточно хорошо, другие же вопросы, такие как положение Азербайджана в период османского господства (1723—1735 гг.), прикаспийских провинций во время их кратковременного пребывания в составе Российской империи изучены лишь частично. Такие важные моменты истории Азербайджана указанного периода, как административно-политическое устройство страны в первой трети XVIII в., антиосманское движение во второй половине 20-х годов XVIII в. освещены слабо или вообще оказались упущенными из вида. Борьба за политическую независимость в Азербайджане в указанный период тоже исследована далеко не полностью. Так, если борьба против османской оккупации в 1723—1725 гг. и первой половине 30-х гг. XVIII в. изучена довольно широко, то антиосманское движение во второй половине 20-х гг. XVIII в. выпало из поля зрения историков. Антиколониальные выступления в русской оккупационной зоне рассмотрены поверхностно, причем в

большинстве случаев они тенденциозно квалифицированы как измена отдельных сепаратистские настроенных местных владетельных феодалов. История Азербайджана первой трети XVIII в. тесно связана с политикой России и Османской империи, но взаимоотношения их в Прикаспийском регионе исследованы недостаточно. Особенно слабо изучена роль Азербайджана в османа русских отношениях 20—30-х гг. XVIII века. Причем надо отметить, что многие советские историки в оценке внешнеполитической деятельности России проявляли тенденциозность. Учитывая вышеизложенное, мы при написании настоящей монографии поставили перед собой целью исследовать вопросы политической истории Азербайджана в первой трети XVIII века, политику России и Османской империи в Азербайджане в указанный период, место Азербайджана в стамбульских переговорах 1723—1724 гг., русско-турецкое соперничество за влияние в Прикаспийском регионе, борьбу азербайджанского народа против иноземного господства в 20—30-е годы XVIII. Автор при подготовке книги ставил перед собой задачу пополнить наши знания об этом сложном и богатом политическими событиями периоде истории Азербайджана. В книге также сделана попытка вскрыть сущность внешней политики царской РОССИИ и Османской империи, ее захватнический, колониальный характер, показать военно-феодалные методы осуществления этой политики. История международных отношений, политика России и османской империи в Азербайджане освещены в тесной связи с внутренним и внешнеполитическим положением этих и других стран рассматриваемого региона. В процессе подготовки и написания настоящей работы автором было изучено и проанализировано большое количество документов и первоисточников. Часть архивных материалов, относящихся к данной проблеме, публиковалась раньше⁶⁶. Тем не менее, в архивах ряда стран, в первую очередь России, оказалось много неопубликованных материалов, касающихся интересующей нас темы. В архивах России большинство материалов по истории Азербайджана первой трети XVIII в. связано с временной оккупацией прикаспийских провинций. В исследовании мы в основном опирались на неопубликованные материалы Архива Внешней Политики России, хранящиеся, главным образом, в фондах 77 (Сношения России с Персией) и 89 (Сношения России с Турцией). Они относятся к самым разнообразным вопросам. Мы находим в них указы

о строительстве кораблей для плавания на Каспийском море, о заготовке провианта в Астрахани, об отправлении войск; донесения командующих войсками и их частями; ведомости доходов, получаемых русской казной из прикаспийских провинций; грамоты и письма, направленные местным азербайджанским владетелям; договоры и трактаты, заключенные между Россией, Ираном и Османской империей, в которых имеются пункты, относящиеся к Азербайджану. Здесь же рескрипты русского правительства своим резидентам в Стамбуле, реляции резидентов и других дипломатических представителей из Турции. Указания русского правительства своим представителям в Турции дают представление о направлении и задачах внешней политики России и о месте, отведенном в ней Азербайджану. Ряд материалов по исследуемой теме находится в вентральном Государственном архиве Актов, в частности, в фонде Кабинета Петра I. Они относятся главным образом к событиям до 1725 г. включительно. Много ценных документов по исследуемым вопросам выявлено в Центральном Государственном Военно-историческом архиве (в фонде Военно-ученый архив, а также в фондах 20; 47 и др.). Немало интересных материалов содержится в Центральном Государственном архиве Военно-Морского Флота в Санкт-Петербурге (фонд графа Апраксина и др.), в государственном архиве Астраханской области (ф. 394 и др.). Ценными и надежными источниками являются донесения русских представителей в Турции и Иране. При их составлении русские резиденты были заинтересованы в том, чтобы сообщать только достоверные сведения. Если у них имелись какие-то сомнения, то они обязательно эти сведения перепроверяли; если же это не удавалось, то при сообщении каких-либо фактов они оговаривали степень их достоверности. Например, русский резидент Братищев в реляции от 15 июля 1744 г. из Тебриза, сообщая о полученном известии якобы об отравлении лжепринца Сефи Мирзы османскими воинами, тут же добавлял, что «на том утверждаться нельзя, поскольку пока достоверного известия не получено»⁶⁷. Конечно, и русские делопроизводительные документы страдают некоторыми недостатками: иной раз имена существительные и географические названия искажались, русские чиновники при составлении документов старались преувеличить свои заслуги и т.

п. Например, генерал Левашов в письме к императрице от 26 сентября 1730 г. приписал себе заслугу в

14

что вызвал к себе находившихся в Реште двух турецких купцов и якобы по дружбе просил их сообщить тебризскому паше оставлении османскими войсками Тебриза без боя. Он писал, о сосредоточении иранских войск для наступления на Тебриз, после чего якобы паша без боя оставил город⁶⁶. Иногда сведения, приводимые русскими военными властями, не соответствуют действительности. В таких случаях их подвели их же информаторы. Наиболее богатый и ценный материал по истории политики России в Азербайджане и османо-русских отношений в Прикаспийском регионе содержат архивы России. Однако по ряду вопросов этот материал нуждается в дополнении сведениями, данными восточных и западно-европейских источников. Особое значение для исследования интересующей нас темы имеют османские документальные и нарративные источники. Османские официальные документы, имеющие отношение к данной проблеме, хранятся в основном в архивах и книгохранилищах Стамбула и Каира. Немало (около 150) документов по истории Азербайджана 20—30-х годов XVIII века хранится в отделе ориенталистики Народной Библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии. В незначительном количестве османские документы находятся также в Ереване. Однако, не имея доступа к вышеупомянутым архивам и книгохранилищам, мы довольствовались использованием документов или отрывков из них, опубликованных разными исследователями⁶⁹. При написании работы автором использованы также путевые записки русских и западно-европейских путешественников, описания похода российских войск в Прикаспье, сделанные его участниками, другие сведения. Среди источников этой категории следует особо выделить сочинение И. Г. Гербера⁷⁰. Его книга написана на немецком языке. В 1760 г. в Санкт-Петербурге полный текст труда Гербера опубликован впервые в русском переводе под заглавием «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря

между Астраханью и рекою Курой народах и Землях и о их состоянии в 1728 году»—в июль-декабрьской серии «Сочинений и переводов к пользе и увеселению служащих». В 1958г. М. О. Косвеном по архивной копии, хранящейся в ЦГАДА, было осуществлено вторичное издание полного текста сочинения Гербера под названием «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря 1728 г.»—в сборнике «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», изданном в Москве. «Описание» имеет форму своеобразной

15

ведомости, в то время как текст, опубликованный под названием «Известия», представляет собой «связно изложенную статью». Учитывая вышеизложенное, мы использовали оба текста труда Гербера, который приводит сведения преимущественно о народах Дагестана и лишь частично о населении Азербайджана, что, очевидно, объясняется продолжительным пребыванием Гербера в Дагестане. Определенный интерес представляет и сочинение штабс-капитана Селезнева⁷¹, в котором дается полный текст русско-иранских договоров 1717 и 1723 гг., русско-турецкого—1724 г., русско-афганского—1728 г., русско-иранских—1732 и 1735 гг. Приводятся и тексты инструкций Петра I генералу Матюшкину. Однако эта работа носит чисто описательный характер, основное внимание уделяется описанию военных действий, маршей и т. д. Из исторических хроник, составленных в XVIII веке, можно отметить сочинение Есаи Хасан Джалаляна «Краткая история Агванская», в котором имеются сведения об антииранском движении в Азербайджане в первой четверти XVIII в.⁷². Определенный интерес вызывают также сочинения Абрама Ереванци⁷³, а также Армянская анонимная хроника⁷⁴. Ценнейшим источником по нашей теме является хроника османского летописца Исмаила Асима Челебизаде⁷⁵, известного под именем Кючюк Челебизаде. Асим Челебизаде с 1725 г. был назначен официальным летописцем Османского двора вместо Рашида Эфенди. Сочинение Челебизаде включено в «Тарих-и Рашид» в качестве последнего, VI тома. Эта работа повествует о событиях периода с 1722 по 1728 гг. Сведения, сообщаемые Челебизаде, проливают свет на многие вопросы истории

Азербайджана 20-х годов XVIII века. В целом этот труд является важным источником, освещающим различные аспекты османской оккупации в Азербайджане, политическое положение Азербайджана в указанный период. Однако в работе встречаются повторы, часто нарушается последовательность изложения, неясна датировка событий. Недостатком данной работы является также излишняя детализация, автор порой приводит совершенно не нужные подробности: например, в такой-то день «из-за теплоты султан снял шубу» и. т. 1761. Немало данных о критической ситуации в Сефевидском государстве в первой четверти XVIII века мы находим в «Кайме» (Донесении) Бедреддинзаде Али-бея, изданном в 1976 г. Ф. Челиком и позднее переведенном Г. Мамедовым на русский язык⁷⁷.

16

В сочинении иранского ученого и путешественника Мухаммеда Али Хазина⁷⁸ имеются сведения о политических событиях в 20—30-е годы XVIII в. Азербайджане и Иране. Ценными источниками по истории Азербайджана первой половины XVIII в. являются сочинения иранских летописцев Мухаммеда Кязима⁷⁹ и Мирзы Мехти Астрабади⁸⁰. У Мухаммеда Кязима встречаются оригинальные сведения о деятельности лжепринца Исмаил-мирзы, Абдурразакхана и других руководителей освободительной борьбы азербайджанского народа. При написании настоящей монографии мы также пользовались выводами и сведениями, содержащимися в трудах азербайджанских и зарубежных историков, которые упоминались выше. При изложении в книге тех или иных конкретных вопросов и фактов нами часто дан и анализ трудов в которых они затронуты. Автор старался использовать все имеющиеся возможности, чтобы выполнить работу на таком уровне, которого требует сегодня развитие исторической науки. Вместе с тем автор допускает, что в будущем отдельные вопросы рассмотренной темы могут быть пересмотрены, обогащены и дополнены новыми фактами. Считаю своим приятным долгом выразить глубокую признательность руководству Института истории АН Азербайджана во главе с

членом-корреспондентом АН Азербайджана И. Г. Алиевым за создание автору всех необходимых условий для исследований, члену-корреспонденту АН М. А. Исмаилову, доктору исторических наук профессору Ф. М. Алиеву за ценные научные советы, председателю правления Союза предприятий и предпринимателей потребительской кооперации России А. О. Абдулкеримову за содействие в издании данной книги и всем, кто в той или иной степени помог мне в процессе работы.

ГЛАВА

АЗЕРБАЙДЖАН К НАЧАЛУ 20-х ГОДОВ XVIII в. И ЕГО МЕСТО В ПОЛИТИКЕ РОССИИ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

В начале XVIII в. Азербайджан входил в состав Сефевидского государства, которое, возникнув в начале XVI в. как азербайджанское, впоследствии превратилось в иранское государство. Этот исторический процесс происходил следующим образом. В результате длившейся с 1578 по 1590г. османо-сефевидской войны был заключен мир, по которому сефевиды признали оккупацию Османской империей Грузии, Армении Азербайджана¹. В дальнейшем в результате османо-сефевидских войн происходивших в начале XVII

в..шаху Аббасу X удалось вернуть Азербайджан под власть Ирана. При этом Азербайджан потерял свое главенствующее положение, уступив его внутренним областям Ирана. Создаваемое шахом Аббасом I новое государство уже не являлось, да и не могло быть азербайджанским, так как в центре этого государства находились иранские земли. Столица Сефевидского государства была перенесена вглубь Ирана—в Исфаган². В составе сефевидской державы Азербайджан не составлял одну целую административную единицу—большая часть его территории была разделена на несколько бейлербейств. В начале ХУШв. азербайджанские земли входили в состав (следующих бейлербейств: Азербайджанское ('или Тебриз',ское), Карабахское (Гянджинское), Ширванское, Чухурсадское (Иреванское); Ардебиль как священное место дома Сефевидов не входил в состав бейлербейств и, считаясь шахским доменом, управлялся попечителем вакфов, назначенным шахом. Районом Халхала часто правили хакимы (управители), также назначенные шахом³. Бейлербейства делились на округа и районы—махалы и нахийе, но последнее деление не было строго выдержано, и под видом мелких административных округов нередко существовали наследственные владения—«олке».

В начале XVIII в. Сефевидское государство переживало упадок, одним из признаков которого было уменьшение государственных доходов. Для пополнения опустевшей казны в 1698—1701 гг. была проведена всеобщая перепись населения империи, в которую включали всех мужчин в воз расте

18

от 15 лет и старше. Были описаны также все объекты, подлежащие налогообложению, религиозные учреждения, торговцы и даже путешественники⁴. Были введены и новые налоги⁵. Другим показателем упадка Сефевидского государства был переход на рубеже XVII—XVIII вв. всей власти в руки придворных и клерикальных кругов, посадивших на трон своего ставленника—шаха Султан Гусейна (1694 г.). Господство этих кругов, связанных с ростовщическим капиталом, привело к резкому усилению эксплуатации трудящегося населения, с одной стороны, и к разложению государственного аппарата—с другой⁶. К тому же

по наущению шиитских богословов шах Султан Гусейн проводил политику религиозной дискриминации, что проявилось в гонениях против суннитов. Современник этих событий Есаи Хасан Джалалян писал, что шах и его министры, будучи «лихоимцами, часто меняли должностных лиц и в течение года в один и тот же город назначались два и более правителя, которые, получив свою власть за деньги, по прибытии на место, отбрасывали всякое правосудие и народные права, обдирали и грабили своих подчиненных»⁷. Шах Гусейн, передав все правление в руки своих министров, проводил время в увеселениях и молитвах. А. Вольтер писал: «Хотя шах и суверен, но токмо уже сия власть осталась в одном титуле. А не в действии и только что почитают яко государя и повелителя, а мало слушают»⁸. Не менее праздную жизнь вели и местные правители. Русский посланник Беневени писал в 1720 г. из Шемахи: «Нынешнее здешнее управление самое худое... сей новый хан ничего не делает, другие, которые при нем, своевольно управляют делами и обиды великия делают в народ»⁹. В Сефевидском государстве существовал порядок, согласно которому у управителей сел и других населенных пунктов, у всех получавших жалованье, а также у полководцев и войска удерживали в пользу государства десятую часть назначенного им жалованья. Те, естественно, вносили эти удержания не за свой счет, а счет своих подчиненных¹⁰. Непосильные подати, усиление феодального гнета и экономической эксплуатации вызвали волну народных выступлений во всех уголках Сефевидского государства. Антииранская борьба охватила и Азербайджан. Отметим, что антииранское движение в Азербайджане в первой половине XVIII в. подробно освещено в известной работе Ф. М. Алиева¹¹. Поэтому мы ограничимся лишь констатацией основных исторических фактов, связанных с этими выступлениями.

новые владения, удалось прибрать к своим рукам руководство движением. Джарцы напали на Шеки, Кабалу, Акстафу, Шамшаддин, Загам, Гянджабасар, Кюракбасар и дошли до окрестностей Шемахи. По сообщению Есаи Хасан Джалалаяна, отряды Али-Султана, насчитывавшие до 8000 человек, в 1720—1721 гг. подошли к Гяндже и заняли близлежащее селение Сутокулан. Однако, когда они вошли в город, то были разбиты и, понеся большие потери, повернули обратно.

Несмотря на неоднократные приказания шаха ширванским и карабахским бейлербеям подавить выступления, «ханы, как ни старались, никак не смогли противостоять им и сами терпели поражения»¹³. Шемахинский Хасан Али-хан с 15-ю тысячами воинов выступил против восставших, но последние, напав внезапно утром, перебили большую часть его войска. Сам хан был убит, а оставшиеся в живых бежали. Выступил против них также и Угурлу-хан Гянджинский, но потерпел у Шамхора поражение, был обращен в бегство и укрылся в Гяндже. Некоторое время восставшим оказывал сопротивление Кичик-хан, шекинский правитель, но он также был убит. Три раза был обращен в бегство со своим войском Имам Кули-хан Кахетинский¹⁴. Лишь осенью 1721 г. в районе Барды объединенным военным силам гянджинского и иреванского ханств удалось одолеть повстанцев¹⁵. Однако полностью разгромить их правительственные войска не смогли. Снова собрав силы, в апреле 1722 г. восставшие в течение 12-ти дней осаждали Гянджу, правда безуспешно. Заранее осведомленные об их приближении богачи и состоятельные люди перебрались в Тифлис и просили картлийского царя Вахтанга VI прийти к ним на помощь. Вахтанг с 40 тысячной армией двинулся на восставших, однако, когда он приблизился, осаждающие отошли от города¹⁶. Войско Вахтанга, простояв около месяца, разграбило окрестности Гянджи. Современник по этому поводу пишет: «Хотя они почти никого не убивали и не брали в плен, но все, что было доступно их оку, они все забирали—скот, даже кур, кошек и собак, а что касается неодушевленных вещей,—о них уж и говорить не приходится, т. к. забирали все, даже деревянные предметы, камышовые циновки и глиняные вещи»¹⁷. Как свидетельствуют источники, Вахтанг VI и его войско увели около 230 000 овец и 90 000 голов крупного рогатого скота. В конце

мая 1722 г., захватив огромную добычу, Вахтанг со своим войском возвратился в Грузию¹⁸.

Наиболее организованное и массовое восстание в указанный период произошло в Ширване, где положение населения было еще хуже, чем в других областях Азербайджана. Дело в том, что, как было отмечено, господство придворно-клерикальных кругов сопровождалось усилением религиозного и политического гнета в отношении населения, не придерживавшегося официальной религии Сефевидского государства—шиизма. Большинство населения Ширвана составляли не шииты, а сунниты. Поэтому не случайно, что антииранская борьба в Ширване проходила под религиозными лозунгами борьбы суннитов против шиитов. Здесь уместно вспомнить известные слова Ф. Энгельса: «Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»¹⁹. Шах Гусейн, стремясь найти военную поддержку, в 1720г. послал деньги находившемуся от него в вассальной зависимости главному правителю Дагестана—Тарковскому шамхалу и уцмию кайтагскому с просьбой о присылке войска. Однако когда Сурхай хан Казыкумыкский во главе с набранным

войском проходил через Ширван, уроженец села Дедели Мушкюрского махала, высшее духовное лицо округа Гаджи Давуд, захвативший к этому времени руководство движением в Ширване, убедил Сурхай хана не идти в Иран, а, воспользовавшись обстоятельствами, захватить Шемаху²⁰.

Собрав вокруг себя вооруженные крестьянские отряды, Гаджи Давуд в союзе с Сурхай ханом Казыкумыкским в 1720 г. взял г. Шабран и крепость Худат. В августе 1721 г. объединенным отрядам Гаджи Давуда, Сурхай-хана Казыкумыкского и Али Султана, не без помощи части самих горожан, удалось захватить Шемаху—административный центр Ширванского бейлербейства, крупнейший в то время город Азербайджана. Взятие города сопровождалось погромами и грабежами: в частности, были ограблены и убиты русские купцы, находившиеся в то время в Шемахе²¹. После занятия Шемахи, осенью 1721 г. повстанцы разгромили 40-тысячные объединенные силы гянджинского и иреванского ханов, после чего ими была освобождена Гянджа²². Впоследствии Гаджи Давуд вместе с уцмием Ахмедханом совершил поход на Мугань, а оттуда на Астрахань и, по словам турецкого эмиссара Бедреддинзаде Али-бея, за семнадцать дней захватил Ардебиль. Назначив некоего Ахмедбея наместником Мугана, Гаджи Давуд вернулся в Ширван²³. Среди многочисленных мятежей, охвативших почти все Кызылбашское государство, роковым для сефевидов оказалось восстание афганского племени гильзаев в Кандахарской области. Это освободительное движение афганских племен против шахского ига возглавляла племенная верхушка гильзаев, руководимая Мир Вейсом. Это движение увенчалось успехом и привело в 1709г. к падению иранского господства в Кандахаре²⁴. Впоследствии, при Махмуде—сыне Мир-Вейса (1716—1725) феодальная верхушка племени гильзаев использовала свою власть для организации грабительских походов в соседние страны. Слабое сопротивление шахских властей и богатая добыча, награбленная во время походов, побудили племенную верхушку гильзаев в начале 1722г. организовать с участием других афганских и неафганских племен, живших в Кандахаре,

большой поход на столицу Ирана—Исфаган²⁵. Афганское войско, не встретив серьезного сопротивления, в начале марта приблизилось к Исфагану, а 8 марта 1722 г. В сражении при Гульнабаде (близ Исфагана) шахское войско было разбито²⁶. Затем афганцы осадили Исфаган. 23 октября 1722г. после почти восьмимесячной осады Исфаган был сдан придворной камарильей, и Махмуд получил шахский престол²⁷. Итак, в начале 20-х годов XVIII в. часть территории Азербайджана с административным центром—городом Шемахой оказалась в руках повстанцев. Некоторые иранские отряды были разбиты и рассеяны, остальные укрылись в крепостях— Баку, Дербенде и Гяндже. Правители городов, немногочисленная знать со своими приспешниками из местных феодалов и остатки разбитых иранских отрядов оборонялись от повстанцев, скрываясь за крепостными сооружениями* Упадок центральной власти в Иране в это время создал благоприятную обстановку для полной ликвидации иноземного господства в стране и восстановления единого Азербайджанского государства. Однако для этого требовалось определенное время. Между тем отсутствие прочных экономических связей между отдельными областями страны и вмешательство крупных соседних держав помешали осуществлению этой задачи. Как правильно замечает Т. Дж. Боцвадзе, в результате победы антииранского движения в Дагестане и Северном Азербайджане образовался «своего рода вакуум», которым воспользовались Россия и Османская империя, пытавшиеся

опередить друг Друга в стремлении заполнить этот возникший на Кавказе «вакуум»²⁸.

Азербайджан привлекал внимание соседних государств своими природными богатствами и сырьевыми ресурсами, а также важным стратегическим положением. Разнообразие природных зон, климата—от резко выраженного континентального до субтропического,—горные лесные массивы, теплые низменности, обширная приморская полоса, плодородные долины рек и т. п.—все это делало Азербайджан чрезвычайно привлекательным для соседей. К тому же страна была богата полезными ископаемыми—нефтью, медью, мрамором и даже золотом. Благодаря благоприятным климатическим условиям и плодородным почвам, значительное развитие в Азербайджане получило сельское хозяйство. Особым спросом в соседних странах пользовались выращиваемые в Азербайджане технические культуры, такие, как шелк-сырец, хлопок, шафран и т. п. В России и странах Европы пользовались известностью азербайджанские шелковые ткани, хлопчатобумажные изделия, сухофрукты. Внимание правящих кругов соседних держав особенно привлекал шелк. Будучи в Ниязабаде в 1716г русский посланник А. П. Волинский из бесед с местными купцами узнал, что турецкий султан оказывает давление на шаха Султан Гусейна, чтобы «торг весь сырцом и шелком обратить» через Турцию²⁹. В России и Турции интересовались и бакинской нефтью, понимая ее значение не только как осветительного, но и военно-стратегического материала. Нефть употребляли во время морских сражений для того чтобы поджигать суда противника, используя при этом то, что горящую нефть невозможно погасить водой. Так, в 1738 г. русский консул в Иране С. Арапов с тревогой писал, что турки четыре раза и каждый раз на 40 верблюдах вывозили из Баку нефть с тем, чтобы пользоваться ею для сожжения русских кораблей³⁰. Азербайджан имел немаловажное значение и как рынок сбыта. В этом отношении к нему особый интерес проявляла Россия. Ходовыми на рынках Азербайджана были такие русские товары, как меха, писчая бумага, юфть, сукно и т. п. Наряду с хозяйственно-экономическим значением, Азербайджан, находясь на Кавказском перешейке, соединяющем

Европу и Азию, между Россией, Османской империей и Ираном, имел и первостепенное стратегическое значение. Через Азербайджан пролегали важнейшие военно-стратегические и

торговые пути, здесь находились морские порты, необходимые России для выхода в восточные страны. Захват Азербайджана, особенно его прикаспийской полосы, Османской империей закрыл бы России пути в ряд восточных стран, перерезал бы главную линию коммуникаций, связывавшую ее с Закавказьем и Ираном. Османская империя в свою очередь стремилась утвердиться на берегах Каспия и тем самым захватить контроль над транзитной торговлей между европейскими и прикаспийскими странами. Османская империя смотрела на Азербайджан, и в первую очередь, на прикаспийские провинции, как на плацдарм для дальнейшей борьбы с Россией, имея в виду выход на ее южный форпост—Астрахань и в дальнейшем в Поволжье, чтобы создать таким образом единый фронт тюркско-мусульманских народов против стремительно продвигающейся на юг и восток России. Каспийское море имело для Турции и оборонительное значение, т. к. Россия, выйдя в Прикаспье, могла бы оттуда в союзе с грузинами и армянами угрожать северо-восточным границам Османской империи. Выше отмечалось, что в конце XVI—начале XVII в. Османской империи даже удалось на некоторое время оккупировать Азербайджан. Примерно в это же время, т. е. с конца XVI века, Россия также задалась целью проникнуть на Каспийское побережье Кавказа. В XVII в. Россия, еще не имея возможности открыто вмешиваться в соперничество Османской империи и Ирана за влияние на Кавказе, проводила преимущественно политику экономической экспансии. Русское правительство, стараясь повернуть торговлю ближневосточных стран с Европой, осуществлявшуюся через Турцию и Персидский залив, на волжско-каспийский путь, стремилось создать благоприятные условия для купцов прикаспийских стран. Так, в 1667 и 1672 гг. русское правительство заключило договоры с исфаганской армянской торговой компанией, согласно которым купцы компании обязывались

производить весь свой вывоз шелкасырца в Европу по каспийско-волжскому пути¹³. Протекционистская политика Русского государства способствовала расширению торговых связей России с Закавказьем, в первую очередь с Азербайджаном. Главными пунктами, через которые осуществлялась торговая деятельность русского купечества в Азербайджане, были Дербенд, Шемаха и Тебриз³². В XVII в. в Ниязабаде, считавшемся морскими воротами Шемахи, часто проводились ярмарки с участием русских и азербайджанских купцов³³. На территории России с

24

Востоком поддерживали торговые связи Москва и Астрахань, а также волжские города— Казань, Нижний Новгород, Ярославль³⁴. Главным предметом вывоза русских купцов из Азербайджана являлся шелк. Кроме того, большой популярностью в России пользовались хлопчатобумажные изделия, шелковые ткани, пшено, фрукты и т. п. Из России в Азербайджан вывозились юфть, голландские сукна, полотно, кружева, серебряные позументы, шторы, иглы, писчая бумага, янтарь, телячья кожа, савры, меха белки, горноста, соболя, кролика, норки и пр. К этому перечню следует добавить и такие товары, как сталь, железо, медь, олово, а также свинец. Вывоз последних, правда, был официально запрещен, однако контрабандным путем его вывозили в немалом количестве³⁵. В период правления Петра I в политике Русского государства вопросы восточной торговли, наряду с торговлей с Западом, приобретают важное значение. В 1721 г. Петр I приказал «со временем умножить в коммерции те спецналы, которые родяца в Персии, а именно—шафран, изюм и прочие, как для употребления во все государство, так и для отпусков в Польшу»³⁶. В связи с этим астраханский воевода И. Кикин составил «экстракт» товаров, привозимых из прикаспийских провинций в Россию через Астрахань. Из этого «экстракта» видно, что шафран можно было покупать в Баку, Мазандаране и Сарбазоне по цене 1 батман (10 фунтов) за 30 русских рублей. Изюм и кишмиш

производились в Тебризе, Хамаде и Казвине. Стоимость 1 пуда составляла 15 гривен русской монетой. Помимо того, на базарах Азербайджана и Ирана продавались привозимые из Индии товары: кофе, перец, имбирь, корица, кардамон и другие пряности³⁷. Большое значение Петр I придавал развитию судоходства на Каспийском море, которое одно время в результате восстания Степана Разина (1667—1671 гг.) впало «как бы в зачаточное состояние»³⁸. Еще не укрепившись на побережье Балтийского моря, Петр I отдал распоряжение построить канал, соединяющий Балтийское море с Каспийским³⁹. В 1703 г. был прорыт такой канал—Вышневолоцкая система, по которой было установлено водное сообщение между названными морями⁴⁰. Надо сказать, что наряду с русскими, на Каспийском море плавало большое количество судов (киржимов) азербайджанских жителей. Так, Корнелий де Брюин рассказывал, что по Каспийскому морю плавают в основном русские и «тюрки»⁴¹.

25

Астраханский губернатор Волинский жаловался что из-за недостаточного количества судов и отсутствия корабельных мастеров, приходилось плавать на таких старинных судах, как «бусы». Другие же суда, лучшей конструкции построенные голландскими мастерами, обветшали Шкоуты казанской работы не отличались прочностью и были «на парусах» зело тяжелы», некоторые поизносились, требовали по чинки, но чинить было некому, так как не было мастеров.

К концу второго десятилетия XVIII в. бусы стали заменятся более усовершенствованным судами: шкоутами и тьялками. В 1717 г. Петр I издал указ о постройке 15 тьялок для перевозки товаров и людей из Астрахани в восточные страны и обратно⁴³. В 1719 г. перевозкой частных грузов были заняты 9 тьялок и 6 шкоутов, но и этого количества судов было явно недостаточной Тарифы за провоз грузов было явно недостаточно ⁴⁴. Тарифы за провоз грузов были очень высокие: с

ценных товаров от Баку до Астрахани брали по 20 алтын с пуда, неценных- 10 алтын. Кроме того капитаны судов брали еще с купцов разные незаконные поборы. Не случайно, что в 1721 г. капитан Гентел и все служители Каспийской морской флотилии были отчислены со службы за допущенные ими злоупотребления⁴⁵.

Для развития торговли с прикаспийскими странами Петр I использовал систему поощрительных мер. В частности в 1710г. было заключено соглашение с армянами иранского подданство согласно которому они весь сефевидский шелксырец должны были вывозить в Россию, за что им были представлены привилегии в уплате пошлины. Однако купцы армяне были не слишком то аккуратны в выполнении условий соглашения. Так, в 1719 г. в связи с тем, что они не выполнили свои обещания, льготы для них были отменены хотя через год опять восстановлены, поскольку они снова обязались вывозить шелк-сырец только в Россию⁴⁶.

Убедившись в малой эффективности методов экономической экспансии в Прикаспье, Петр I решил установить свое господство в торговле с прикаспийскими областями военными средствами— путем оккупации. Надо отметить, что в период правления Петра I в целом особенно в первой четверти XVIII в., отмечается активность и целенаправленность русской дипломатии. К этому периоду относятся ее выдающиеся достижения в области внешней политики, значительный рост международного влияния России превращение ее в одну из великих держав Европы⁴⁷

В Конце XVII-начале XVIII в. перед внешней политикой России стояли две проблемы: выход к Балтийскому и Черному морям.

26

Для решения первой проблемы надо было победить Швецию ,а второй— Османскую империю. С выходом к Балтийскому морю, в результате победы России в Северной войне, балтийская проблема в основном была решена. Поражение Османской империи от «священной лиги» (Россия, Австрия, Венеция и Польша) открыло новые возможности для борьбы России с Османской империей. Однако Петру I так и не удалось создать антитурецкую европейскую коалицию. В начале XVIII в. Каспийское море было единственным южным морем, к которому

Россия имела свободный доступ. Петр I хотел превратить Каспийское море во «внутреннее озеро» России и таким образом сделать РОССИЮ посредницей в торговле между Востоком и Западом. Кроме того, быстро развивающаяся русская мануфактурная промышленность нуждалась в сырье, в первую очередь—в шелке-сырце, которым были богаты западные прикаспийские провинции. Поэтому в отношении Прикаспья Петр I уже не довольствовался сугубо экономическими мерами и ставил цель присоединить прикаспийские провинции к России⁴⁸. Из прикаспийских стран первостепенное значение в то время, несомненно, принадлежало Азербайджану. Достаточно отметить, что из трех основных районов производства шелка-сырца в Прикаспье два находились в Азербайджане (Ширван и Гянджа). Основные рынки сбыта также были сосредоточены в Азербайджане, т. к. города Тебриз, Шемаха, Гянджа, Ардебиль и другие занимали выгодное положение на международных торговых путях между Западом и Востоком. Кроме того, такие города-порты как Дербенд, Ниязабад, Баку и Ленкорань имели очень важное торговое и стратегическое значение, являясь хорошо укрепленными естественными гаванями.

Т.Дж. Боцвадзе, на наш взгляд, справедливо отмечает, что основная цель похода Петра I состояла в присоединении к России прикаспийских провинций, имевших весьма важное для нее экономическое и политическое значение; что же касается Грузии и Армении, то они были нужны Петру I лишь как вспомогательная сила для решения этой основной задачи⁴⁹. Как правильно заметил Н. А. Смирнов, именно «колониальное стремление» определяло основное содержание внешней политики России в отношении сопредельных с ней народов⁵⁰. Для обеспечения себе опоры в Закавказье Петр I планировал создание под скипетром России объединенного грузино-армянского союза (царства) во главе с грузинским царем Вахтангом VI. Однако ради достижения этой цели он не желал вступать в войну с Османской империей. В то же время он готов был на са-

мые решительные меры, направленные против турецких притязаний в отношении прикаспийских провинций. Предпосылки и цели похода Петра I в Прикаспье подробно проанализированы в работе В. П. Лысцова «Персидский поход Петра I 1722—1723 гг.». Как правильно отмечает автор,

так называемый «персидский поход» являлся выражением завоевательной политики Петра I, которую следует объяснять не случайными обстоятельствами и благими намерениями Петра I, а коренными интересами российского господствующего класса⁵¹. Преобразования Петра I увеличили потребности промышленности в сырье, правящего класса—в предметах роскоши, государственный казны—в денежных средствах. Поэтому Петр I стремился использовать богатства и природные ресурсы прикаспийских стран для удовлетворения этих потребностей. К мысли об организации похода в Прикаспье Петра I толкали и призывы представителей христианских феодалов Закавказья—картлийского царя Вахтанга VI, сына суникского медика Исраела Ория и др. Еще в 1701 г. И. Орий предложил русскому правительству организовать поход 25-тысячной ар-

мии в Закавказье, обещая, что в этом случае к ней присоединятся в Шемахе 10 тысяч вооруженных армян, а в Грузии—30 тысяч грузинского войска⁵². По просьбе того же Ория Петр I направил его под видом посланника к шаху с разведывательными целями⁵³. Цель предстоящего похода состояла как бы из двух последовательных задач: 1) завоевание юго-западного Прикаспья; 2) по возможности закрепление в Закавказье. Чтобы прочно утвердиться в Прикаспье, естественно, нужно было занять не только узкую береговую полосу, но и глубинные области Закавказья, и потому в планах кампаний 1722—1723 гг. предусматривались также походы в Тебриз и другие

области Азербайджана, а также в Картлию. Русский историк XVIII в. И.И. Голиков так определил главные задачи похода русских войск в Прикаспье: «...овладеть Баку, идти к реке Куре, при устье которой заложить большой купеческий город для торговли с Грузией, Арменией, Персией, Индией, потом продолжить путь от упомянутой реки к Тавризу»⁵⁴. Впоследствии, уже после начала похода, Петр I, встретив сильное противодействие Османской империи, вторую задачу отодвинул в перспективу, на будущее. В начале XVIII в. завоевательные устремления Российского государства на Кавказе, в частности в Прикаспийском

регионе, сталкивались с такими же притязаниями Османской империи. Потерпев тяжелое поражение от коалиции европейских держав в войне 1683—1698 гг. и потеряв Центральную Венгрию, Трансильванию, Словению, Бачку, южную часть правобережной Украины, Морею и другие территории, Османская империя стремилась к реваншу, к восполнению своих потерь на других направлениях, в частности—на восточном. Особое место в планах османских правящих кругов занимали Кавказ и Закавказье. В результате неудачного Прутского похода Петра I в 1711г. Османской империи удалось снова вернуть Азов, после чего она получила возможность более активно действовать на Востоке. В связи с распадом Сефевидской державы у турецких правящих кругов естественно появились планы овладения сефевидским наследством. 16 октября 1716 г. в Шемахе Волынского посетил представитель английского купечества—некр Булгар и сообщил о турецком посланнике, побывавшем в Исфагане и требовавшем отмены от турецкого султана, чтобы шах отдал туркам города Тифлис и Иреван (Эривань). Османский двор был крайне недоволен тем, что в результате увеличения вывоза шелка и шелка-сырца из Ирана по Волжско-Каспийскому пути и через Персидский залив транзит через Турцию сильно упал. Турецкий посланник также требовал, чтобы Иран не вел торговлю с христианскими государствами, с которыми Османская империя находилась в состоянии войны, настаивал на обращении всей торговли через Турцию. Кроме того, по словам Бернса, султан давно уже в дар от шаха не получал шелк-сырец по 40 таев (т. с. выюков) в год⁵⁵. Далее Б. Булгар сообщил, что, узнав от представителей западно-европейских стран, что Османская империя в войне на Балканах терпит поражения и в данный момент сильно ослаблена, шахский двор ответил решительным отказом на все требования Турции. На первый пункт требований шах велел ответить, что требуемые города (Тифлис, Иреван) им самим нужны; на второй же ответил, что, хотя султан находится в состоянии войны с христианами, однако шах в их дела вмешиваться не будет⁵⁶. Пребывание султанского посла в Исфагане подтвердил В беседе с Волынским и шемахинский бейлербей, который сообщил следующее: «Султан требовал, чтобы шах помогал сул

тану в войне против Христианов, а шах ответил, что он не будет вмешиваться в их войну»⁵⁷. Получая из различных источников известия о критическом положении своих соседей, османское правительство, чтобы иметь подлинное представление о положении дел в Сефевидском государстве, в 1720 г. отправило к шаху посольство во главе с Дурре-эфенди⁵⁸. Османский двор поручил своему послу еще раз потребовать от шаха направлять европейскую торговлю через турецкие города, снова предъявить претензии на Иреванскую область, упрекнуть шаха за излишнюю дружбу с Россией, особенно же за то, что позволил ей построить на своей земле крепость Низовую⁵⁹. Шахские министры, однако, ответили османскому послу следующее: «Они не могут заставить торговцев насильно избрать один путь, они не ездят с товарами туда, где им не выгодно продавать, что же касается до крепости, построенной русскими, то Ниязабад не крепость, а местечко для пристанища судов и притом выстроенное в бесплодной степи, с торговой целью»⁶⁰.

Пробыв несколько месяцев в Исфагане и обсудив с иранским правительством некоторые пограничные вопросы, посольство в апреле 1721 г. вернулось обратно. Дурре-эфенди, как в свое время это сделал А. П. Волынский, уведомил своего государя о плачевном состоянии Сефевидского государства и подчеркнул, что оно долго не продержится⁶¹. Весной же 1721 г., как бы в ответ на посольство Дурре-эфенди, в Стамбул прибыл иранский посол Муртуза Кули-хан. По сообщению английского посла в Стамбуле А. Стеняна, Муртуза Кули-хан просил османский двор оказать помощь сефевидскому двору в борьбе против антиправительственных выступлений, охвативших широкие регионы страны, но безуспешно⁶². В это же время в Стамбуле было получено известие о крупной победе предводителя афганских повстанцев Мир Махмуда над войском шаха Султан Гусейна около Исфагана. Это известие побудило султанское правительство готовиться к решительным мерам. Главный везир Ибрагим-паша в мае 1722 г. созвал диван, коорый принял решение усилить пограничные гарнизоны и поручил пограничным пашам в случае обращения владельцев сопредельных областей Сефевидской державы принять их под свое покровительство⁶³. Для облегчения завоевания Закавказья османские правящие круги старались использовать религиозную общность значительной части населения Северного Азербайджана (ис-

поведение им одного течения ислама—суннизма), чтобы склонить его на свою сторону. Вскоре представился и удобный случай. Как упоминалось выше, при захвате ширванскими повстанцами в августе 1721 г. Шемахи были ограблены и убиты находившиеся там русские купцы. В результате этого представители ширванских повстанцев столкнулись с враждебностью не только Ирана, но и России. Поэтому они решили обратиться к «иностранной», в частности османской, помощи. В. П. Лысцов пишет, что протурецкая ориентация Гаджи Давуда и других феодалов, захвативших руководство антииранским движением в Ширване, была обусловлена и их классово-религиозными интересами, их стремлением сохранить отсталые формы феодальной эксплуатации, якобы завоевание феодалами-суннитами господствующего положения было равноценно переходу под протекторат такой отсталой феодальной империи; какой была Османская империя⁶⁴. С этим трудно согласиться, так как, если принять версию В. П. Лысцова, то Гаджи Давуд с самого начала должен был обратиться, за помощью к Турции. Однако известно, что на самом деле за помощью он сначала обратился к России⁶⁵. Протурецкая ориентация Гаджи Давуда и его сторонников был

обусловлена политическими конъюнктурными мотивами и конкретной обстановкой. Сразу же после шемахинских событий, осенью 1721 г. Гаджи Давуд вместе с Сурхай-ханом Казыкумыкским через крымского хана послали письмо турецкому султану с просьбой принять их под свою протекцию и прислать свои войска для охраны Ширвана⁶⁶. Вскоре после этого Гаджи Давуд отправил в Стамбул своих представителей. Русский резидент в Стамбуле. И. Неплюев в феврале 1722 г. писал, что Гаджи Давуд и другие руководители ширванских повстанцев после взятия Шемахи тайно направили своих людей к султанскому двору с просьбой принять их в турецкое подданство и в подтверждение своей верности начали чеканить монеты с именем турецкого султана Ахмета III. Далее Неплюев отмечал, что по пятницам в их мечетях молятся за султана⁶⁷. Голландский резидент в Стамбуле также сообщил Неплюеву, что Порта будто бы намерена послать войско против Ирана, «дабы соединясь с ребелями (восставшими—Г. М),

всею Персиею овладеть», а иранского посла вводят в заблуждение, будто войска посылаются против повстанцев «дабы их в послушание шаху привести»⁶⁸. Иранский посланник добивался аудиенции у главного везира, однако турецкое правительство, не заинтересованное в

31

иранских предложениях, старалось поскорее спровадить ипян ского посла обратно. Когда же он все-таки получил аудиенцию и просил помощи против бунтовщиков, то везир отказал ему под тем предлогом, что бунтовщики тоже мусульмане, а они (т.е. турки) против мусульман выступать не могут, и Порта не будет помогать ни одной из сторон⁶⁹. Предвидя противодействие России, Османская империя остерегалась открыто принять Гаджи Давуда, под свое покровительство, опасаясь конфликта с Россией. Она потребовала от ширванцев объяснения трагического инцидента происшедшего с русскими купцами в Шемахе. Последние ответили следующие: «Купцам было приказано, чтобы они все собрались в одно место со своими товарами и имуществом которое затронуто не будет, но оные и для своего лакомства и прибытка пожелали собрав прикрыт пожитки все (того города людей) драгие вещи, все без остатку, о чем им было запрещено, чего ради войска видя себя лишенная от пожитку и уведомилось, что все скрывали оные русские и того ради их русские побили и пожитки пограбили.⁷⁷

Надо отметить, что намерение Гаджи Давуда вступить поапротекторат Османской империи действительно очень бесокоило русское правительство. 22 февраля Пето I находясь на Марциальных водах в Олонецке. писал канцлеру Г.Головкину о необходимости отправить курьера в Стамбул к русскому резиденту, чтобы тот воспротивился принятию ширванцев под османскую протекцию и заявил об убытках, причиненных ими русскому государству.⁷¹ Посол Франции в России де Кампредон в письме французскому премьер-министру кардиналу Дюбуа от 3 апреля 1722 г. писал, что царь никогда не потерпит, чтобы

Турция ширванских повстанцев приняла и утвердилась таким образом вблизи его границ.⁷²

Решительная позиция России произвела определенное воздействие на Турцию. 8 февраля 1722 г. при османском дворе состоялся диван, на котором решено было сообщить ширванцам, что «их ныне Порты в протекцию принят заблаго не обретает, хотя и желает, яко оттого может быть суспиция (противность.-Г. М.) перскому королю и российскому императору» Неплюев, выполняя предписание императора, 21 апреля во время аудиенции спросил у главного везира известно ли ему, что повстанцы во время взятия Шемахи ограбили и убили русских купцов, в связи с чем Россия требует от шаха возмещения. Везир ответил, что об этом знает, однако сомневается к том, что бунтовщики будут наказаны шахом. Далее Неплюе

32

спросил везира, правда ли, что в Стамбуле были представители ширванцев и просили турецкой протекции. Везир подтвердил пребывание представителей ширванцев, обратившихся с просьбой принять их в турецкое подданство на равных правах с Крымским ханством. В действительности, хотя османский двор был непрочь принять под покровительство ширванских повстанцев, но чтобы не обострять отношения с Россией, он лишь заигрывал с ними, тянул время. Так, везир утверж-

дал, что представители явились без письменного прошения, которое, по их словам, у них было отнято по дороге разбойниками. Поэтому Порты объявила им, что лишь в случае, если все ширванцы пришлют письменное прошение, Порты созовет совет и, если сочтет нужным, примет их под свою протекцию⁷⁵. Таким образом, как свидетельствуют факты, в первой четверти XVIII в. развернулось острое соперничество между Россией и Османской империей из-за Азербайджана, в первую очередь, его прикаспийских областей. Исход борьбы между двумя империями в Прикаспийском регионе зависел от соотношения сил соперничавших сторон и ряда других обстоятельств. По людскому потенциалу Россия в то время еще отставала от Османской империи. Так, к началу 20-х гг. XVIII в. в России проживало примерно 15,5 млн. человек⁷⁶. К сожалению, мы не

располагаем данными с населения Турции на начало XVIII в. Однако известно, что в Османской империи еще в конце XVI в., по неполным данным, проживало около 25 млн. человек⁷⁷. Россия была слаба и в военном отношении, доказательством чему явилось Прутское поражение 1711 г. Но в результате реформ Петра I возникли условия для развития страны, становления мануфактурной промышленности, хотя Российское государство оставалось в целом феодальным—по своей социально-экономической основе и самодержавным—по системе ор"

ганизации политической власти. Самодержавная монархия выражала прежде всего интересы дворянства, образовавшего его социальный базис. Однако русская торговая буржуазия также

широко и постоянно пользовалась покровительством абсолютизма, усиленно поддерживавшего ее стремление к расширению внешних торговых связей⁷⁸. В результате победы над Швецией Россия выдвинулась в один ряд с великими европейскими державами и в ней продолжалась дальнейшая централизация государственной власти. Находясь на стыке Запада и Востока, Османская империя в течение долгого времени играла важную роль в противоборстве Запада и Востока, что предопределило преимуществ"

33

венное развитие ее военного могущества. Это видно хотя бы из того, что население страны было разделено на две основные группы: военных (аскери) и подданных (райя)⁷⁹. К. Маркс не случайно назвал Османскую империю «подлинной военной державой»⁸⁰. XVII—XVIII вв. были для Турции периодом утверждения более зрелых феодальных порядков, что сопровождалось разложением феодального способа производства, ослаблением центральной власти, усилением сепаратизма и внутренних неурядиц в провинциях. В результате происходивших перемен военное могущество Османской империи ослабло и в 1683—1698 гг. она потерпела поражение в войнах с коалицией европейских держав. Однако это еще не означало полного крушения османского военного могущества, тем более, что стране удалось сравнительно легко преодолеть

последствия поражений благодаря обострению противоречий между европейскими государствами⁶¹.

Военные неудачи привели к сокращению доходов и оскудению казны. Османские власти старались компенсировать это за счет широкого использования системы мукатаа, т. е. передачи участка земли или какого-либо иного объекта государственного налогообложения на откуп определенному лицу. Однако мукатаа дала только временный эффект, так как откупщик, стремясь получить максимальную выгоду, за короткое время истощал источник доходов, чему способство

вало то обстоятельство, что размеры ренты устанавливались между крестьянами и откупщиками на частноправовой основе⁶². В связи с уменьшением доходов государства правительство старалось сократить постоянную армию—янычар⁶³. Но новые войны потребовали увеличения ее численности, и в 1727—1728 г. в платежных ведомостях значилась уже 81 тысяча янычар⁶⁴. Из-за нехватки серебра жалованье солдатам выдавалось нерегулярно. В связи с этим янычары вынуждены были обращаться к побочным заработкам—ремеслу и торговле, что приводило, в свою очередь, к снижению их боеспособности. В такой обстановке наиболее дальновидные государственные деятели Османской империи стали предпринимать попытки изменить сложившееся положение путем реформ. В качестве примера можно привести деятельность Дамада Али паша⁶⁵. Заключив 24 июня 1713 г. Андрианопольский мирный договор с Россией сроком на 25 лет, который в основном повторял условия Прутского мирного договора 1711 г.⁶⁶ Али па

ша направил свою деятельность на упорядочение экономики страны и искоренение различных злоупотреблений. В 1715 г. был издан султанский фирман, запрещающий систему маликяне (отдача откупщику с аукциона пожизненного права на сбор одного или нескольких налогов с ежегодным внесением в казну определенной суммы). Был осуществлен возврат к традиционной системе отдачи

налогов на откуп мюльтезимам (откупщикам) на 1—3 года⁸⁷. По указанию Али паши были проверены счетные книги финансового управления Анатолии, запрещено подносить подарки чиновникам при решении какихлибо дел, преследовалось взяточничество⁸⁸. Результаты активной деятельности Али паши, которого сравнивали со знаменитым Мехметом Кепрюлю, были, однако, сведены на нет неудачной войной с Австрией, в ходе которой в августе 1716 г. сам Али паша погиб. Выдающимся турецким реформатором первой половины XVIII в. являлся Дамад Ибрагим паша Невшехирли⁸⁹, который с 6 мая 1718 г. по 1730 г. занимал пост великого везира

и фактически руководил внутренней и внешней политикой Османской империи, так как султан Ахмет III устранился от ведения государственных дел⁹⁰. По определению русского резидента в Стамбуле И. И. Неплюева, Ибрагим паша был сторонником мира с сильными государствами и войны со слабыми. Он любил чтение и беседы на научные темы, покровительствовал поэтам и ученым. Ибрагим паша был сторонником приобщения страны к европейской цивилизации. Об этом свидетельствует, к примеру, тот факт, что он поручил направленному в 1721 г. с дипломатической миссией во Францию Иирмисекиз Мехмет Челеби «разузнать о средствах цивилизации и образования Франции и сообщить о тех, которые можно применить в Османской

империи»⁹¹. Период правления Дамада Ибрагим паши вошел в историю Турции как период первых попыток покончить с янычарской анархией и всевластием улемов (высшее духовенство).

Однако все его усилия, направленные на проведение преобразований, натолкнулись на упорное сопротивление консервативных сил, в первую очередь, духовенства. В результате этого попытки преобразования внутригосударственной жизни в период правления Ибрагим паши, получивший название «эпохи тюльпанов», вылились в простое заимствование парижской моды на тюльпаны, распространение европейской роскоши и в строительство многочисленных дворцов и киосков по французским образцам. В окрестностях города были разбиты парки и сады с мраморными бассейнами и фонтанами. Появилась

новая загородная резиденция султана—Саадабад, построенная по планам Версаля и Фонтенбло⁹².

Османская империя сложилась в XIV—XV вв., т. е. период, когда господствовало стремление к завоеванию все новых территорий. Феодалные войны были основным источником богатства и власти государствующих классов, а управлению землями, входившими в состав государства, уделялось мало внимания. Поэтому провинции, входившие в состав империи, слабо управлялись центром. В условиях более позднего феодализма, когда сферы захвата новых территорий сузились и усилились центробежные силы, военная мощь Османской империи стала постепенно ослабевать. В отличие от Османской империи, Российская империя была более молодой, развивающейся и крепнущей. В значительной степени это объясняется тем обстоятельством, что

Российская империя складывалась в эпоху позднегосредневековья и поэтому ей были присущи черты абсолютизма, бюрократизма централизма, характерные для эпохи разложения феодальных отношений и возникновения капиталистических. Для сравнения приведем лишь тот факт, что в XVII—XVIII вв. территория России расширялась в сутки в среднем на три квадратных географических мили, иными словами на 130 км, тогда как территориальный рост Османской империи почти прекратился⁹¹. Как видим, в первой трети XVIII в. Россия имела определенное преимущество в соперничестве с Османской империей. Однако это преимущество не было решающим, и исход борьбы зависел от степени поддержки каждой из соперничающих сторон европейскими державами, а также народами Закавказья. В начале XVIII века Османская империя сблизилась с Англией, Францией и Швецией. Англия, которая с начала XVIII в. расширяла торгово-колониальную экспансию в поисках дешевых источников сырья и рынков сбыта для развивающейся капиталистической промышленности, имела особые виды на бассейн Каспийского моря. Еще во второй половине XVI в., пользуясь правом транзита через территорию России, данным Иваном IV, т. н. «Русская компания», организованная английским купечеством, распространила свою торговую экспансию на западное побережье Каспийского моря. Однако вскоре русское правительство, осознавшее все выгоды посредничества в торговле между Западом и Востоком и убедившись в нежелании Англии заключить союзный договор с Россией, в 1568 г. не возобновило права «Русской компании» на восточную торговлю,

Английская буржуазия, внимательно следившая за политикой России в Прикаспье, любыми средствами стремилась воспрепятствовать продвижению России в Азии, в частности на Кавказе. Англия понимала, какие огромные возможности для расширения мировой торговли и усиления могущества открываются для России с приобретением выходов в открытые моря. Как верно замечает О. П. Маркова, «не воюя с Россией явно, Англия вела постоянную скрытую борьбу, стремясь задержать ее рост, ослабить и свести на роль второстепенной державы»⁷⁴. В Прикаспье же интересы Англии и России столкнулись непосредственно, т. к. английские предприниматели

стремились укрепиться на волжско-каспийском пути, создать постоянные торговые фактории в Азербайджане. В своей политике Англия руководствовалась принципом «равновесия сил», что означало равновесие, установившееся после войны за испанское наследство в пользу Англии⁷⁵. Субсидируя континентальные державы на ведение ею же спровоцированной войны, Англия добилась того, что эти государства попали в финансовую зависимость от нее. Для поддержания баланса сил в Европе предпринимались не только войны, но и создавались бесчисленные союзы, большей частью искусственные, сколоченные путем различных махинаций и таившие в себе неразрешенные противоречия, а потому непрочные. В политике «равновесия сил» Османская империя рассматривалась как «удобное вспомогательное средство»⁷⁶. Англия всячески стремилась спровоцировать войну России с Османской империей, чтобы заставить Петра I прекратить войну на Балтике и заодно ослабить позиции России на путях в Индию, т. е. на Каспийском море и в Закавказье⁷⁷. Англия хотела, чтобы Османская империя овладела Закавказьем и превратила его в военный плацдарм для дальнейшего проникновения в Россию⁷⁸. Вследствие враждебных акций английского правительства с 1719 по 1731 г. дипломатические отношения между Россией и Англией были прерваны. Английский историк А. С. Вуд о дипломатической борьбе между Россией и Англией, развернувшейся в Стамбуле в 20-е годы XVIII в., писал: «...это был первый случай, когда английская и русская политика скрестили свои шпаги в Константинополе. Как только был подписан Пассаровицкий мир Стенян принялся за раздувание волнений между Портой и Россией. Он усердно работал в направлении создания тревоги у везира в отношении проектов царя относительно своего утверждения в Польше посредством длительной оккупации Курляндии...»⁷⁹.

Политика же Франции по отношению к России характеризовалась постоянными колебаниями и противоречиями. Намечавшееся с начала века франко-русское сближение не было доведено до конца. В известной степени этому помешал союз Франции с Англией, существовавший с 1716 по 1731 г. Цель этого союза, явившегося ярким выражением французской «дипломатии секретов» (обязанной своим происхождением дружбе Орлеанского королевского дома и премьера, кардинала Дюбуа с Англией), заключалась в поддержании условий Утрехтского мира, прежде всего в закреплении Гибралтара за Англией, а также в укреплении прав Орлеанского дома на

французский престол. Однако противоречившая коренным интересам Франции «дипломатия секретов» не нашла поддержки у широких кругов страны, поэтому союзнические обязательства

по отношению к Англии выполнялись не очень строго. В частности, в Стамбуле Франция заняла противоположную Англии позицию—стремилась примирить Османскую империю с Россией. Такая политика Франции объясняется отчасти тем что в начале XVIII в. у Франции и Османской империи был общий противник—Австрия. Франция, не вступая в официальный союз с Османской империей против Австрии, действовала нередко даже заодно с ней, если этого требовали ее собственные интересы. Симпатии части населения Закавказья (в первую очередь христианской) были на стороне России, т. к. покровительство христианскому населению Закавказья являлось главным козырем русской дипломатии. Кроме того, оставшаяся без жалованья по причине разложения Сефевидского государства часть мусульманских служилых феодалов надеялась в лице Российского государства найти щедрого и надежного патрона. Что касается крупных феодалов, то их внешнеполитическая ориентация была неустойчивой. Ради сохранения своих позиций они

были заинтересованы только в номинальном подчинении одной из держав—Ирану, России или Османской империи. На первых порах многие из них полагали, что Россия будет довольствоваться их формальной зависимостью, поэтому открыто не выступали против нее. Но впоследствии они, убедившись, что Россия существенно ограничивает прерогативы владетельных феодалов, изменили свою ориентацию и стали возлагать надежды на Османскую империю, а часть из них на возрождающееся Иранское государство.

ПОХОД ПЕТРА I В ПРИКАСПЬЕ И ОБОСТРЕНИЕ
РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ (1722—1723 гг.)

Как было отмечено в предыдущей главе, уже к началу второго десятилетия XVIII в. у Петра I окончательно сложился план организации похода в Прикаспийский регион. Правда, продолжавшаяся Северная война и поражение в Прутском походе не дали ему возможность осуществить тогда это намерение. Но все же он предпринял ряд подготовительных мер, чтобы сразу же по окончании войны со Швецией осуществить задуманный поход на юг. С целью подготовки плацдарма для широкой экспансии на Кавказе и в Закавказье в 1711—1712 гг. было осуществлено переселение гребенских казаков на левый берег Терека, где они создали несколько укрепленных городков—станции Червленную, Шадринскую, Старогладковскую. Основанием этих

городков было положено начало «терской кордонной линии»¹. В то же время Петр I дал аспоряжение изучить юго-западное побережье Каспия и военно-политическую обстановку в Прикаспье, что и явилось одной из главных целей отправки посольства А. П. Волынского в Иран в 1716—1718 гг. Официально А. П. Волынскому было поручено заключить с сефевидским правительством торговый договор и организовать в наиболее значительных торговых пунктах Ирана и Азербайджана русские консульства и вице-консульства. Однако, помимо официальных задач, А. П. Волынскому было поручено внимательно изучить местность, разведать, какие реки

падают в Каспийское море и до каких мест можно по ним доплыть судами, есть ли реки, берущие свое начало в Индии и впадающие в Каспийское море. Волынский должен был также узнать, есть ли на Каспийском море и пристанях

иранские военные или торговые суда, каково состояние вооруженных сил страны, придерживаются ли в ней европейских военных традиций, хорошо ли укреплены крепости и т. п.² В пятом пункте секретной инструкции Волынскому поручалось изучить состояние османо-сефевидских отношений и выяснить, желают ли сефевиды выступить против османов в союзе с какойлибо державой, а также внушить им, «какие главные неприятели они, турки, их государству и народу суть и какова всем соседям от них есть опасность»³. Волынскому поручили так

39

же изучить, каким способом можно воспрепятствовать «смирнской и алепской торговле, где и как»⁴.

30 июля 1717 г. между А. П. Волынским и главным шахшаху Султану Гусейну. Однако целый год ушел на приготовления, и только в июле 1716 г. посольство А. П. Волынского отплыло в Астрахань, 29 августа достигло Ниязабадской пристани, а 26 сентября прибыло в Шемаху⁵. Пробыв свыше двух месяцев в Шемахе, А. П. Волынский 7 декабря выехал оттуда и 14 марта 1717 г. прибыл в Исфаган 30 июля 1717 г. между А. П. Волынским и главным шахским министром—эхтимад-уд-довле Фатали-ханом был заключен торговый договор, названный «ассекурация»⁶ (обнадежи-

вание). По этому договору шах обязался дать распоряжение не чинить препятствия приезжающим в Персию русским купцам; не задерживать их, выюков у них не развязывать и не затруднять им проезд из пристаней (Ниязабада, Баку и др.) в другие места⁷. Устанавливалась единая пошлина на вывоз шелка-сырца как для русских, так и для армянских местных купцов. Учитывая интерес русских купцов к имевшему большое торговое значение шемахинскому рынку, А. П. Волынский добился разрешения шаха на открытие в Шемахе русского вицеконсульства⁸.

В Исфагане А. П. Волынскому удалось собрать ценные сведения о внутреннем положении и вооруженных силах Ирана. 1 сентября 1717 г. он из Исфагана отправился через Гилян в Шемаху⁹ и прибыл туда 17 декабря 1717 г.

9 марта 1718 г. по сухопутной дороге из Шемахи в Астрахань отправился дворянин А. И. Лопухин, с которым в Россию направили часть багажа посланника и слона,

подаренного шахом Султаном Гусейном Петру I. А. П. Волынский поручил Лопухину, «чтобы он смотрел и описал тамошний путь от Низовой пристани до Терека»¹⁰. А. П. Волынский, находясь в Исфагане, согласно данной ему секретной инструкции¹¹, завел сношения с главнокомандующим иранскими войсками—сепасаларом Гусейн Кули-ханом (Вахтангом VI). Прибывший 9 мая 1718 г. в Шемаху к Волынскому некий Фарсаданбей—тайный посланник Вахтанга, объявил о русской ориентации Вахтанга и о том, что Вахтанг рассчитывает на помощь России в деле освобождения Грузии¹². А. П. Волынский 11 июня 1718 г. выехал из Шемахи, 20 июня прибыл в Ниязабад, а 25 июля покинул Азербайджан и 5 августа возвратился в Астрахань¹³.

40

По пути к Исфагану и обратно писари посольства велиподробный дневник, известный под названием «Журнал посланника А. П. Волынского». По возвращении в Россию, описав критическое положение Сефевидского государства, Волынский предложил Петру I немедленно начать военные действия с целью овладения прикаспийским побережьем. Волынский считал, что поскольку Сефевидская держава распадается, то Россия сможет малыми силами захватить часть ее территорий¹⁴. Сведения, доставленные Волынским о положении Иранского государства и выводы о неизбежности его гибели, укрепили намерение Петра I закрепиться в богатых сырьевыми ресурсами и имевших большое стратегическое значение прикаспийских провинциях. После возвращения Петр I назначил А. П. Волынского губернатором Астрахани, где он должен был вести тщательную подготовку к походу русских войск в прикаспийские области. В мае 1719 г. для изучения западных берегов Каспийского моря была направлена экспедиция под начальством капитан-лейтенанта Карла фон Вердена и лейтенанта Федора Соймонова. Они особое внимание уделили Дербенду, Ниязабаду, Баку и устью Куры¹⁵. Поскольку жители Сальян уже несколько лет всячески мешали русским морякам, осуществлявшим описание моря и устья реки¹⁶, то во время первой экспедиции не была собрана вся нужная информация.

Поэтому в конце мая 1720 г. Верден и Соймонов снова отправились в путь для дальнейшего изучения Каспийского моря. В этот раз они прямо подплыли к устью Куры и, изучив местность, отсюда поплыли к устью реки Астары, где высадились на берег и были встречены местным правителем очень дружелюбно и гостеприимно¹⁷. От Астары экспедиция отправилась к Энзели, а затем к реке Сефидруд, реке Фуз и далее до реки Астрабад. Пройдя еще 24 мили к востоку, экспедиция вернулась в Астрахань³⁸.

Составив карту Каспийского моря, Соймонов и Верден представили ее Петру I. Так как на этой карте были показаны только западные и южные берега Каспийского моря, то к ней, по указанию Петра, добавили сведения о восточных и северных берегах, собранные князем Бекевичем и поручиком Кожиным. Полученная таким образом карта была послана в Парижскую Академию Наук¹⁹. Петр I хотел использовать для изучения военно-политической обстановки в Азербайджане и учреждаемое в Шемахе русское вице-консульство. Поэтому он приказал на должность вице-консула назначить офицера, который по пути в Шемаху

41

изучил бы обстановку. Решено было послать в Шемаху с этой миссией капитана Алексея Баскакова²⁰.

Однако Баскакову добраться до Шемахи не удалось по той причине, что город уже был занят повстанцами под руководством Гаджи Давуда. Что касается С. Аврамова, назначенного на пост консула в Исфаган, то в конце 1721 г. он прибыл в Гилян, в начале января 1722 г.—в Казвин, а оттуда переехал в г. Кум, однако летом снова вернулся в Казвин, где и нашел наследника—Тахмасиба II²¹.

Петр I вплотную приступил к подготовке похода как только завершилась Северная война. Предполагалось начать военные действия летом 1723 г.²² Надо отметить, что не все из окружения Петра I были согласны с его решением о походе в Прикаспье. Так, французский посол в Петербурге де Кампредон писал: «Во мнениях совета насчет экспедиции явилось сильное разногласие»²³. Совершенно

очевидно, что среди приближенных Петра I были и те, кто, понимая рискованность и авантюренность данного предприятия, выступали против него.

Однако царь настаивал на организации похода. Более того, поход был начат на год раньше намеченного срока. Дело в том, что в Петербурге было получено известие о поражении шахских войск в марте 1722 г. под Исфаганом от афганских повстанцев под предводительством Мир Махмуда. Петр опасался, что Османская империя, узнав об этом, начнет военные действия по захвату сефевидского наследства, тем самым опередив Россию.

Опасения Петра не были безосновательными. Узнав о подготовке русского правительства к походу в Прикаспье и крушении Сефевидского государства, правящие круги Османской империи торопились начать военные действия, чтобы опередить Россию. По сообщению русского резидента И. Неплюева, 4 мая 1722 г. состоялся диван, где большинство министров высказалось за поход, «дабы при сей okazji взять от Персии себе во владение провинции к их границам прилежащие»²⁴. Султан, хоть и считал неблагородным, «чтоб против изгнанного короля (шаха.—Г. М.) войною итти», опасался, однако, как бы Мир Махмуд не завладел пограничными с Ираном турецкими территориями «Мидиею и Арабию», так как жители этих земель не отличались преданностью Порте. В связи с этим он повелел отправить пограничным пашам указы, чтобы те привели в готовность свои войска²⁵. Был отправлен указ и эрзерумскому паше, чтобы он «в Жоргию счита(Грузию.—Т. М.) город Тифлис и в Армении Еривар как возможно со усилованием военным приобщит к турецкому империи во владению»²⁶.

42

Не завершив полностью необходимые приготовления, в середине мая 1722 г. Петр I во главе гвардии, вместе со своей супругой, отправился из Москвы и 15 июня прибыл в Астрахань²⁷. По прибытии туда царь поручил князю Борису Туркестанову (Туркестанишвили.—Г. М.) отправиться к картлийскому царю Вахтангу VI и вручить ему предписания русского царя²⁸. Объявляя о своем движении в сторону Дербенда и Баку, Петр I указывал Вахтангу, чтобы тот со своими отрядами двинулся к нему навстречу. В случае, если в пути население окажет сопротивление и если сопротивляющиеся займут оборону в какой-либо крепости, Вахтанг VI должен был,

осаждая их, поставить об этом Петра I в известность²⁹. Продвижение Вахтанга в сторону Прикаспья для соединения с Петром I, несомненно, вызвало бы гнев сефевидского шаха, направленный против первого. Однако тут представился удобный предлог. Не подозревая о тайных связях грузинского царя с Россией, сам шах назначил его главнокомандующим сефевидскими войсками в Азербайджане и приказал ему выступить против Гаджи Давуда и других ширванских повстанцев³⁰. Вовремя пребывания Петра в Астрахани русскому консулу в Иране были отправлены указ и инструкция³¹. С. Аврамову предписывалось найти шаха, а если он уже заменен,—нового шаха и объявить ему, что русские идут к Шемахе «не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков, которые им обиды делали»³². С. Аврамову было поручено объявить, что русское правительство готово помочь иранскому шаху при условии уступки прикаспийских провинций России, так как в противном случае эти провинции, как и вся Сефевидская держава, будут завоеваны османами, чего Россия не может допустить³³. Понимая, что его появление с большим количеством войск в Прикаспье, вблизи границ Османской империи вызовет естественное недовольство последней, Петр I одновременно распорядился о повышении боеготовности войск на Украине. Было приказано организовать примитивную сигнализацию от Днепра до Царицына, чтобы в случае нападения крымских татар, известить всю линию»³⁴. Как видим, Петру I очень хотелось добиться от сефевидского шаха передачи прикаспийских провинций России. Он считал, что если получить указанные земли от самого шаха, то это придаст присоединению данных областей к России за

Чтобы появление русских войск не вызвало паники среди местного населения, Петр I приказал распространить воззвание, в исторической литературе известное под названием «Манифестов». Чтобы сделать его доступным широким слоям азербайджанского населения, он был обнародован на тюркском языке и размножен типографским способом, и, таким образом, явился первым словом на тюркском языке³⁶. В «Манифесте» Петр I обращался ко всем слоям населения прикаспийских провинций, включая ремесленников, подмастерьев и учеников, обещая полную безопасность их жизни и имущества, призывал не покидать местожительства при приближении русского войска, чтобы они «не опасались под грабежом вещей своих и имения». Маскируя истинную причину и цели похода, Петр I объявил, что он организован якобы для наказания Гаджи Давуда и Сурхай хана—главных виновников ограбления и убийства русских купцов в Шемахе в 1721 г., которые одновременно являются врагами «дружественного» шаха³⁷. В «Манифесте» объявлялось, что русским военачальникам под угрозой смертной казни запрещено грабить и убивать мирное население³⁸.

Подобное отношение русского правительства к местному населению было обусловлено далеко идущими политическими делами – стремлением укрепиться в районе прикаспийских провинций. Добиться же лояльного отношения населения можно было только, придерживаясь мирной политики не притесняя местных жителей. Из текста «Манифеста» очевидно, что Петр I действовал с большой осторожностью, чтобы дать повода для обострения отношений с Османской империей. В «Манифесте» содержится специальное обращение к находившимся в прикаспийских провинциях турецким купцам, заверяли, что никто их не будет трогать. «...Лучше о вечном и прочем радеть и делать, нежели о временном малом прибытке»,—говорилось в «Манифесте»³⁹ и это подтверждает долгосрочность планов РОССИИ в отношении Прикаспья, рассчитанных на длительную перспективу. Главной задачей кампании 1722г. явилось овладение Шемахой⁴⁰. Некоторые иностранные послы этот поход так и называли «шемахинской экспедицией»⁴¹.

Поход русских войск на юг начался 18 июля 1722 г. в этот день русский флот, имея на борту пехотные части возглавляемые самим императором, отплыл из Астрахани⁴². Число кораблей, участвовавших в походе, по данным походного журнала

доходило до 274, а по сведениям Соймонова—даже до 442⁴³. Конница под командованием бригадира Ветерани несколько раньше была отправлена сухим путем из Царицына в Гребен. Общая численность войск, участвовавших в походе составила, по некоторым данным, свыше 106 тысяч. Однако надо отметить, что 40 тысяч калмыков, включенных в это количество, присоединились к русской армии лишь в сентябре на обратном пути⁴⁴.

27 июля русский флот достиг Аграханского мыса, где 28-го числа пехотные войска высадились на берег и около недели ждали прибытия конных отрядов⁴⁵. Кавалерия задержалась по причине недостатка воды и фуража, а также вследствие сопротивления жителей с. Эндери. Когда бригадир Ветерани, начальник кавалерийских войск приблизился к этой деревне, то подвергся внезапному нападению сельчан. В отместку Ветераны, изгнав всех жителей, уничтожил полностью деревню

состоявшую тогда из 3-х тысяч дворов⁴⁶.

По пути к Дербенду русской армии пришлось преодолеть сопротивление дагестанских феодалов, а именно—второго по своей значимости владельца Дагестана кайтагского уцмий Ахмед-хана и султана Махмуда Утемышского. Они, собрав примерно 10 тыс. воинов, недалеко от Буйнака напали на русских, но были разбиты, потеряв около 1000 человек убитыми и ранеными. Ахмед-хан бежал в Верхний Кайтаг. Стремясь отомстить за это нападение, русские войска проявили не-

правданную жестокость, спалив местечко Утемыш и еще 6 лежавших на пути деревень. Пленные были умерщвлены в ответ на убийство казаков, посланных к Ахмед хану для переговоров⁴⁷. Сам Петр I по этому поводу в письме к адмиралу Крюсу писал, что, отбивая это нападение, русские солдаты сожгли 6 деревень, в одной из которых было 500 домов⁴⁸. Вероятно, такими карательными мерами русские хотели показать населению, какая участь ждет сопротивляющихся, чтобы жители добровольно покорились русским войскам.

Следует отметить, что русская армия, вступившая на территорию Азербайджана, ни в 1722 г., ни в последующие годы не встретила серьезного отпора со стороны войск распадавшегося Сефевидского государства. Лишь отдельные городские гарнизоны порой пытались оказать сопротивление. Некоторые сефевидские военачальники сочли наиболее благоразумным сдаться намного превосходящему по силе противнику. Петр I понимал, что успех похода во многом зависел от позиции городских жителей. Он очень искусно учел религиозный фактор, сумев не только нейтрализовать его, но и

использовать в своих интересах. Если в отношениях с христианскими народами Закавказья его главным козырем было обещание «освободить христиан из-под власти мусульман», то шиитам-азербайджанцам, проживавшим в прикаспийских провинциях, Петр объявил, что он друг сефевидского шаха (который одновременно считался духовным главой шиитов) и потому вовсе не собирается аннексировать его территории. Он всячески подчеркивал, что русские войска лишь на время занимают Прикаспье, чтобы предотвратить захват его турками, либо восставшими феодалами, а впоследствии эти земли будут вновь переданы сефевидам. Надо сказать, что такая изощренная политика дала свои плоды: на первых порах жители многих городов Прикаспья (большую часть горожан Ширвана, в отличие от деревенских жителей—суннитов, составляли шииты), притесняемые восставшими суннитскими феодалами, склонялись к признанию российской власти, не видя в этом измены сефевидской династии, т. к. русский царь объявил себя союзником шаха. В связи с приближением русских войск в Дербенде образовались две группировки. Первая, руководимая влиятельным феодалом Арслан-беем, предлагала открыть ворота города перед отрядами кайтагского уцмья и Гаджи Давуда и с их помощью организовать сопротивление русской армии; вторая, возглавляемая Имам Гули-беем, наибом города (в то время он выполнял функции правителя города, т. к. султан за несколько месяцев до этого, бросив город на произвол судьбы, бежал в Иран), считала бессмысленным сопротивление намного превосходящим силам русских и надеялась, что российская протекция оградит город от бесчисленных нападений со стороны горских и ширванских феодалов⁴⁹. По пути к Дербенду Петр I получил письмо Имам Гули-бея и других жителей Дербенда, выразивших свое положительное отношение к предстоящему приходу русских в город⁵⁰. По указанию Петра I дербендским жителям в ответ была послана грамота, в которой им была обещана «императорская милость»⁵¹. Одновременно Петр I отправил полковника Наумова с отрядом солдат в Дербенд, чтобы подготовить беспрепятственное вступление основных сил русской армии в город⁵². С этой же целью Наумов соединился с Ф. Соймоновым, который командовал 271 солдатом, прибывшим на судах. Они вошли и расположились в Дербенде⁵³. 23 августа Имам Гули бей, сопровождаемый свитой и представителями населения, встретил русского императора

у входа в город и преподнес ключи от городских ворот⁵⁴. Русская армия вступила в Дербенд⁵⁵ и расположилась лагерем на юго-востоке, между морем и городом⁵⁶. В крепости оказалось 238 орудий, в том числе—60 медных и 178 железных, а также много пороха и другой амуниции⁵⁷.

В Дербендской крепости разместился русский гарнизон с артиллерией, комендантом города был назначен полковник Юнгер, а Имам Гули бей был утвержден наибом⁵⁸; ему было положено жалованье и подарен портрет Петра I с алмазами стоимостью в 1.400 рублей⁵⁹. С целью добиться расположения дербендских жителей, им объявили, что они находятся под российским покровительством⁶⁰ и разрешили вести свободную торговлю. Сам Петр I, радуясь занятию Дербенда, писал сенату: «И тако в сих краях с помощью божиею фут получили чем вам поздравляем»⁶¹. Следует оговорить, что часть жителей Дербенда была против занятия русскими города, о чем свидетельствует следующий факт. Когда Наумов прибыл туда для подготовки к торжественной встрече Петра I, наиб Имам Гулибей посоветовал поставить у городских ворот российский караул, чтобы противники России не помешали вступлению императора в город⁶². И хотя они не осмелились открыто выступить в день вступления Петра I в Дербенд, однако 7 сентября был раскрыт заговор с участием восьми влиятельных дербендцев, поддерживавших тайную связь с Гаджи Давудом. Заговорщики были арестованы⁶³. Отметим, что с первых же дней русские военные власти старались создать условия для свободного проезда купцов, понимая, что торговля—важный источник обогащения казны. Например, 28 августа в Дербенде к Петру I обратились 14 шемахинских купцов с просьбой разрешить им уехать в Шемаху. Немедленно, 2 сентября всем им была дана императорская грамота, разрешавшая ехать из Дербенда в Шемаху; при этом русским офицерам и солдатам было строго предписано купцов от Дербенда до Шемахи свободно пропускать⁶⁴. По сообщению анонимного источника, в августе русскими войсками был также занят и соседний с дербендским махалом Мушкюрский махал, расположенный между реками Самур и Велвелей⁶⁵. Как

свидетельствует этот источник, русские нашли некогда очень богатый Мушкюрский махал в разоренном виде. Лишь немногие жители разрушенных деревень снова отстроились в деревне Додели, окруженной каменной стеной. Сюда был введен русский гарнизон⁶⁶.

47

По своему отношению к прибытию русских войск жители прикаспийских городов разделились на две части. Крупные владетельные феодалы пытались организовать сопротивление русской армии. В отличие от них торговцы, а также мелкие служивые феодалы, лишенные регулярного жалованья вследствие ослабления центральной власти, готовы были перейти на российскую службу. Благожелательно относилась к прибытию русского царя и часть торговцев, связанных с Россией. Сторонников России в Баку возглавляли в то время влиятельный купец Гаджи Эмин и начальник гарнизона юзбашн Дергях Гули. Они, понимая, что малочисленный городской гарнизон не в силах противостоять регулярной армии, призывали к капитуляции. Ремесленники и купцы надеялись при этом, что с присоединением к России будут созданы более благоприятные условия для развития ремесла и торговли. Интересен тот факт, что 13 человек из числа служивых феодалов

и торговцев Баку отправили письмо Петру I, которое было получено им 22 августа. Авторы письма извещали Петра о том, что они с радостью восприняли его манифест и просят с помощи⁶⁷.

Как показали последующие события, Дергях Гули-бей вынашивал и собственные честолюбивые замыслы, рассчитывая с помощью русских низложить султана Мухаммед Хусейн-бея и занять его место. Что касается последнего и его сторонников, то они надеялись с помощью Гаджи Давуда отстоять город и добиться независимости султанства⁶⁸. 25 августа Петр I отправил в Баку подпоручика Ф. Лунина с грамотой, извещавшей бакинских жителей и власти о скором прибытии русских войск в город⁶⁹. В грамоте было указано, что для защиты

бакинских жителей необходимо разместить в городе 1 полк солдат и отряд казаков до прибытия основных сил русской армии¹⁰.

Однако правители города Лунина в Баку не пустили и велели передать, что бакинцы в посторонней помощи не нуждаются, а войско, которое послано русским царем якобы для обороны Баку, ныне им «не потребно»⁷¹. 30 августа, после короткого отдыха в Дербенде, Петр I

вместе с армией двинулся на Баку⁷². По имеющимся сведениям, Гаджи Давуд пытался организовать сопротивление русским войскам и обратился к уцмию Сурхай-хану с просьбой о помощи. Оставив в Шемахе управителем Шамсаддинбея, сам Гаджи Давуд поехал в горы для сбора воинов⁷³, намереваясь встретить русскую армию между Дербендом и Ниязабадом, на реке Самур⁷⁴.

48

3 сентября было получено известие, что Гаджи Давуд стоит в Зейхуре (деревня на южной стороне р. Самур) с 10-тысячным войском и намерен напасть на русскую армию в союзе с уцмием, который также набирает войско. Что касается Сурхай-хана, то он отказался присоединиться к ним⁷⁵. В лагере у реки Милукенд Петр I получил известие, что переговоры Лунина в Баку оказались безуспешными и правители города отказались впустить русский гарнизон. Но Петр все же решил продолжить поход, «дабы силою взять город»⁷⁶. Однако из-за разыгравшегося в море шторма пострадали суда, подвозившие продовольствие и снаряжение для армии, а так как наличных запасов хватило бы только на месяц, а доставка их из Астрахани была затруднена из-за нехватки надежных судов, начались трудности с продовольствием. Длительный и трудный марш, скудные корма, изнурительная жара привели к массовому падежу лошадей⁷⁷. В связи с непривычным климатом среди солдат участились случаи заболеваний⁷⁸. Кроме того, лето оказалось на исходе. В это же время пришло известие о начавшихся разногласиях среди петербургских придворных кругов⁷⁹. Надо отметить, что и противодействие со стороны Османской империи тоже явилось одной из причин

⁸⁰ вывода Петром I основных сил армии из Прикаспья⁸¹. Можно согласиться с мнением Ф. М. Алиева о том, что в приостановке похода немалую роль сыграл и полученный Петром I резко отрицательный ответ из Баку, противоречивший намеченному им плану занятия прикаспийских областей в кратчайший срок⁸². Когда же стало известно, что Гаджи Давуд собирает в горах крупные силы, то продвижение в сторону Баку, взятие которого само по себе было бы нелегким делом, становилось весьма рискованным. Все это вынудило Петра I вернуться в Россию, и 5 сентября он принял решение возвратиться в Астрахань⁸³. 5 сентября Петр I вернулся в Дербенд, а 6-го издал указ о возвращении армии и 7-го сентября выступил в обратный поход, оставив в Дербенде гарнизон под начальством полковника Юнгера⁸⁴. 28 сентября из лагеря на р. Сулак Петр I отправил послание к Вахтангу VI, извещая его о прекращении похода⁸⁵. Дело в том, что, выполняя указание Петра I, Вахтанг VI с 30-тысячной армией двинулся на соединение с русскими, 22 августа у Гянджи к грузинским войскам присоединился 8-тысячный отряд христианской части населения горной части Карабаха во главе с католикосом Есаи Хасан Джалаляном⁸⁶. 18-го сентября эти объединенные войска подошли к Гяндже⁸⁷.

49

Однако неожиданное известие о прекращении похода и возвращении Петра I в Россию заставило союзников ретироваться восвояси⁸⁸, и 22 ноября Вахтанг VI вернулся в Тифлис⁸⁹. Вернувшись в Россию, Петр I, однако, не отказался от плана завоевания прикаспийских провинций. Учитывая уроки прошедшей кампании, в первую очередь трудность снабжения многочисленной сухопутной армии, он решил использовать для этой цели военно-морские экспедиции. В начале ноября 1722 г. Петр I, находясь в Астрахани, снарядил экспедицию из двух батальонов под командованием полковника Шилова для занятия г. Решта в Гилян⁹⁰. Сам же Петр I 7-го ноября отбыл из Астрахани и 13-го декабря прибыл в Москву⁹¹. Экспедиция отплыла из Астрахани 14-го ноября, однако она не торопилась на юг, так как Петр I поручил по пути изучить устье р. Куры. В конце ноября, при-

быв в устье реки, экспедиция 28 ноября продолжила путь к Гилян⁹², и в начале декабря отряд Шилова без боя занял Решт⁹³. Высадив отряд Шилова в Реште, капитан Соймонов с судами вернулся обратно в Астрахань. На обратном пути он опять вошел в устье Куры и, обследовав ее западный рукав, нашел место, «на котором можно по нужде заложить и город»⁹⁴.

В планах Петра I по-прежнему важное место отводилось взятию Баку. Находясь в Астрахани, на пути к Москве, он поручил генерал-майору Матюшкину весной, сразу же после вскрытия льда, с 5 судами под командованием фон Вердена и 20 бусами подплыть к Баку, не дожидаясь судов из Казани, и «тщиться, с помощью божьею, конечно тот город достать яко ключь всего нашего дела в сих краях»⁹⁵. 4-го ноября Петр I написал собственноручно инструкцию генералу Матюшкину, в которой был изложен план действий по взятию города Баку. Спустя некоторое время—17 февраля

1723 г. Петр I в связи с изменением ситуации отменил некоторые пункты этой инструкции, добавив при этом новые⁹⁶. Одновременно с военными действиями Петр I стремился дипломатическим путем добиться от Ирана признания в части закрепления за Россией прикаспийских провинций. Еще в самом начале похода—22 июня 1722 г. русскому консулу при сефевидском дворе С. Аврамову был дан наказ склонить шаха к союзу с Россией и убедить его, что русские вступают в прикаспийские провинции только для наказания виновников ограбления и убийства русских купцов в Шемахе во время ширванского восстания. Петр I также уведомил шаха, что Россия

не может допустить, чтобы прикаспийские провинции попали в руки Османской империи⁹⁷.

Не дожидаясь известий от Аврамова, Петр I 28 сентября поручил Вахтангу VI отправить от себя гонца к шаху, чтобы тот обнадежил последнего в том, что Петр I с ним враждовать не хочет, а лишь в виде компенсации за убытки требует «лежащие

по Каспийскому морю провинции...в вечное владение'»). Шаху также следовало объяснить, что Дербенд уже в руках русских, а другие прикаспийские провинции— у Гаджи Давуда и вернуть их шаху будет очень трудно а это значит, что, уступив их России, шах фактически ничего не теряет⁸⁹. В реляции консула Семена Аврамова из Казвина от 8-го сентября 1722г. сообщалось, что он, получив указы Петра I к нему, ввиду сложности обстановки не мог выполнить первый пункт—т. е. направиться в Исфаган к шаху Султан Гусейну, так как тот в то время был низложен афганцами. В то время объявивший себя шахом старший сын Султан Гусейна— Тахмасиб⁹⁹ находился в Казвине. Аврамов встретился с Тахмасибом и, согласно наказу, предложил ему военную помощь России¹⁰⁰ в обмен на прикаспийские провинции. Затем Аврамов вел на ту же тему беседу с диван-бейи и другими придворными Тахмасиба, которые обещали консулу до 26 августа сообщить ответ нового шаха¹⁰¹. Однако в обещанный срок ответ не был получен, и тогда Аврамов постарался повлиять на Тахмасиба и убедить его просить помощи у Петра I через мехмандара Исмаил-бея, который был направлен Тахмасибом послом в Россию¹⁰². Надо сказать, что Исмаил-бей получил полномочия для заключения с русским правительством договора о военной помощи еще от шаха Султан Гусейна. Но, доехав до Решта, Исмаил-бею стало известно об оккупации Исфагана и пленении шаха афганцами. Ввиду изменения ситуации посол посчитал необходимым получить подтверждение своих полномочий от нового шаха Тахмасиба¹⁰³, что и было сделано. Однако, как только Исмаил-бей был снова послан в Решт, чтобы оттуда отбыть в Россию, Тахмасиб узнал, что Петр I с армией прибыл в Прикаспье и уже занял Дербенд. Возмущенный этим, он послал курьера в Решт, чтобы вернуть Исмаил-бея. Однако находившийся там С. Аврамов задержал шахского курьера в одной из деревень, пока ничего не подозревавший Исмаил-бей не отбыл в Россию¹⁰⁴. 12 сентября 1723 г. русское правительство заключило с прибывшим в Петербург Исмаил-беем «договор», состоявший из пяти статей. Согласно этому договору Россия обещала

сефевидскому престолу военную помощь; взамен Россия получала в «вечное владение» города Дербенд, Баку со всеми прилегающими к ним землями, а также провинции Гилян, Мазандаран и Астрабад¹⁰⁵. Однако Тахмасиб II не только не принял трактат, заключенный в Петербурге Исмаил-беем, но более того, привезшего этот трактат русского посланника князя Мещерского «з бесчестием и без всякого подлинного ответу от себя из Ардевиля выслал»¹⁰⁶. В связи с этим Петр I 14-го октября 1724 г. Писал Вахтангу VI, что «особливо чтоб он Тахмасиб иногда к туркам не передался весьма бы полезно было ежели б он каким способом в нашу сторону и в наши руки приведен быть мог...». Вахтангу VI было поручено отправить надежного человека к находившимся в окружении у Тахмасиба грузинам, чтобы те, схватив Тахмасиба, любым удобным способом перевезли его в Гилян, в распоряжение русских войск¹⁰⁷. Русское правительство одновременно старалось скло-

нить на свою сторону и афганского завоевателя Мир Махмуда, опасаясь, что тот примет турецкую протекцию. Эта задача была возложена на генерала Левашова, о чем свидетельствует написанное в мае 1723 г. письмо Петра I Волинскому¹⁰⁸. Т. Дж. Боцвадзе пишет, что к началу 20-х годов XVIII в.

во взаимоотношениях России с Османской империей и Крымским ханством на передний план выступила проблема Дагестана, а за ней—всего Каспийского побережья Кавказа¹⁰⁹. Однако, как свидетельствуют документы, во взаимоотношениях двух империй вопрос о статусе Азербайджана, в первую очередь его прикаспийской полосы, не уступал по важности вопросу о Дагестане. Поход Петра I в Прикаспье резко обострил османорусские противоречия в Закавказье. Предвидя это, еще до начала похода Петр I с целью устранить всякий предлог для вмешательства Османской империи, постарался через русского резидента в Стамбуле И. И. Неплюева убедить османский

двор в том, что русские идут «не для завоевания, а для наказания бунтовщиков»¹¹⁰. Когда в 1722 г. Петр I отправился в поход на юг, оставив в Петербурге для управления государственными делами канцлера Г. Головкина, последнему было поручено, если он получит предложения османского двора о посредничестве в улаживании конфликта между русским правительством и ширванскими повстанцами, сообщить об этом Петру I. Было обговорено, что, если турки вступят в Закавказье и Иран, России в этом регионе никаких «важных

действий не производить». Петр I распорядился также в целях предосторожности, опасаясь нападения крымских татар, заранее подготовить войско¹¹¹. Петр I, извещая турецкого посланника Мустафу агу о выступлении русских войск, заявил ему, что поход предпринимается не для ссоры с султаном и не для войны с шахом, а только лишь для «отмщения той обиды» захватившим Шемаху бунтовщикам и для «получения достойной сатисфакции»¹¹². Перед самым походом, находясь уже в Астрахани, Петр I наметил следующую тактику русской дипломатии в отношении османского двора во время предстоящего похода: не предлагать «что похочет ли она (Османская империя.—Г. М.) от Персии себе присовокупить», но, если с турецкой стороны русскому резиденту будет предложено договориться о разделе сефевидских владений, то ему поручалось устно сообщить, что российский император согласен по этому вопросу заключить соглашение¹¹³. Однако Неплюев ни в коем случае не должен был ничего обещать письменно¹¹⁴.

22 июня 1722 г. из коллегии иностранных дел Неплюеву был направлен рескрипт, в котором было предписано объявить турецкому правительству о походе русских войск и намерении «учинить сатисфакцию», как уже было ранее объявлено недавно вернувшемуся из Санкт-Петербурга турецкому миралему Мустафа аге. И. Неплюев был поставлен в известность, что Петр I хочет, чтобы к России были присоединены «провинции Ширванская и Гилянская», указывая, что «меж теми провинциями есть еще некоторая одна провинция неизвестно» (речь идет о Тебризской провинции.—Г. А1.)¹¹⁵. Таким образом, русское правительство стремилось к завоеванию прикаспийских провинций Сефевидской державы, стараясь в то же время не допустить территориальных приобретений Османской империи в Закавказье и Иране. Россия не желала иметь общих границ с Османской империей, однако на тот случай, если не удалось бы предотвратить это, то готова была пойти на раздел территории Сефевидской державы с условием, что прикаспийские провинции останутся за Россией. Чтобы завоевать доверие османского двора, Петр I предложил ему прислать для наблюдения в прикаспийские провинции своего комиссара¹¹⁶. Османское правительство сначала не препятствовало вступлению русских войск в Прикаспье, думая, что русский царь действительно хочет лишь получить компенсацию (сатисфак

цию) за понесенные убытки. Немалая заслуга в этом принадлежит Ивану Ивановичу Неплюеву, который, хотя и был новичком в дипломатии, однако отличался редкой удачливостью и, успешно справившись с поручением Петра I, сумел ввести в заблуждение османское правительство. Следует отметить, что И. Неплюеву принадлежит немалая роль во всей истории русско-турецких дипломатических переговоров рассматриваемого периода. Однако вскоре появление в Прикаспье значительной русской армии во главе с самим Петром I дало османскому правительству повод к подозрениям. И. Хаммер пишет, что продвижение русского царя на Каспийское море вызвало суматоху и смятение в Порте и бейлербею Карса Мустафа паше был дан приказ выступить к Шемахе¹¹⁷. С самого начала похода османский двор проявил свою явную враждебность к этому предприятию, считая поход Петра серьезной помехой в осуществлении своих планов в отношении Ирана и Закавказья. Негодование османских правящих кругов по поводу похода русского царя подогревалось и некоторыми западно-европейскими дипломатами, распространявшими слухи о том, что в Прикаспье движется 100-тысячное русское войско и русский царь якобы имеет намерение занять Ширван, Иреван и Грузию, «а оттуда близко и к Трапезунду»¹¹⁸, Особенно усердствовала английская дипломатия. Государственный секретарь Англии Картерет считал, что осуществление планов Петра I, российская экспансия в Иран и далее поставит под угрозу английские колонии в Индии. Английские правящие круги опасались, что индийская торговля в этом случае направится вся через Россию, которая захватит монополию на торговлю шелком. По их мнению, набирая силу, Россия перейдет к новым завоеваниям в Турции и приблизит восстановление т. н. «Греческой империи»¹¹⁹. По указанию Картерета, английский посол в Стамбуле С. Стенян использовал любую возможность для обострения осmano-русского конфликта. В своем письме от 5 января 1723г. Картерет советовал Стеняну всеми средствами разжигать опасения торговых людей Османской империи, запугивать их возможностью потерять свои позиции в торговле, если русский царь захватит страну, на которую имеет виды, поскольку тогда он станет монополистом в области торговли шелком¹²⁰. По сведениям,

полученным русским правительством, польский король через своего посланника в Стамбуле также

54

побуждал османское правительство начать войну против России¹²¹. Старания враждебных России иностранных дипломатов возымели свое действие, поскольку турецкие правящие круги уже сами серьезно вынашивали планы захвата Восточного Закавказья. Так, еще в апреле 1722 г. османское правительство заявило И. Неплюеву, что оно не допустит российского подданства грузин и начнет войну, «пусть его вело соизволить из перских стран ретироваться в свое империум»¹²².

На состоявшемся 15 мая 1722 г. диване было решено отправить указы багдадскому и басринскому пашам о приведении в боевую готовность их войск и военного снаряжения. Особую активность проявлял муфтий¹²³, который старался убедить членов дивана, что надо отправить указы иреванскому, эрзерумскому пашам занять Тебриз, а багдадскому -Гасан паше—приказать продвигаться для занятия Исфагана¹²⁴. Выступив летом 1722 г. в поход, Петр I опередил Османскую империю и, естественно, вызвал возмущение ее правящих кругов.

В августе главный везир пригласил к себе Неплюева и сказал ему: «Ваш государь, преследуя своих неприятелей, выступает в области, зависящие от Порты. Это разве не нарушение вечного мира?.. И к лезгинам по такому малому делу не следовало твоему государю собственной особою с великими войсками идти, мог бы удовлетворение получить и через наше посредство»¹²⁵. Неплюев сообщил русскому правительству, что он попытается подкупить богатыми дарами князя (ближайшего помощника везира) и реис-ул-киттаба (ми-нистра иностранных дел), чтобы они содействовали сохранению мира с Россией¹²⁶. 3 сентября 1722 г. в Государственной коллегии иностранных дел было решено отправить рескрипт к И. Неплюеву, в котором последнему поручалось в случае, если османское правительство предложит раздел Сефевидской державы, от-

ветить согласиём с условием, что России «также потребно будет для безопасности своих границ некоторые провинции удержать»¹²⁷. Если же турецкая сторона потребует указать более конкретно, какие именно земли Сефевидской державы Россия собирается занять, Неплюев должен был ответить, что русские «ис провинций персидских, которые близ границ турецких лежат отнюдь не желают себе присовокупить и кроме тех, которые обретаются по Каспийскому морю за собою удержат не хотя»¹²⁸. Русское правительство за ценную информацию и советы Неплюеву наградило французско"

55

го посла в Стамбуле де Бонака соболями и другими мехами на тысячу рублей. Также было принято решение отправить для реис-ул-киттаба и некоторых других высших турецких чиновников соболей и других мехов на 3 тысячи рублей¹²⁹. В сентябре 1722 г. в Стамбуле ходили слухи о появлении русских войск в Грузии, вторжении их в Ширван, а также о том, что они вытеснены оттуда местными жителями. Говорили также о том, что якобы население Грузии подчинилось царю и русские отряды появились также в Черкесии, на Тереке и планируют захват Дагестана¹³⁰. Поступление такого рода новостей вызвало проведение нового дивана¹³¹.

В октябре Ахмет ага, один из курьеров, посланных в Иран, возвратился в Стамбул. Выслушав его информацию о политической ситуации на сефевидских территориях, везир вызвал к себе русского резидента И. Неплюева¹³², находившегося в это время в Белграде, и обвинил русского царя в том, что тот предпринятыми военными действиями причиняет ущерб интересам Османской империи. Неплюев старался уверить везира в том, что Петр I преследует лишь карательные цели и не намерен укрепляться на занятых территориях. Он предложил отправить представителя Османской империи в Россию, чтобы тот сам воочию убедился в этом. Везир принял это предложение, и один из придворных— Нишли Мехмет ага был послан в Россию. Одновременно крымскому хану были

даны строгие указания, чтобы татары воздерживались от осуществления каких-либо действий, враждебных России¹³³ В то же время было решено, не дожидаясь новых вестей, от править указ Ибрагим паше, чтобы тот с армией, сконцентрированной в Эрзеруме, вступил в Грузию и привел к покорности картлийского царя; в Трапезунд и Азов были направлены турецкие войска и различный поовиант. Осенью 1722 г. Неплюев из Стамбула сообщал, что турецкое правительство планирует сначала овладеть Восточной Грузией, а потом вытеснить русские войска из Прикаспья, а также что все высшие и низшие воинские чины готовятся «двинуться всею силою против Персии», поэтому в Азов и Эрзерум беспрестанно посылаются амуниция и артиллерия. И. Неплюев, считал положение критическим, все свои записи и письма зашифровал, а рукописи сжег. Своего сына он поручил французскому послу, который отправил его в Голландию¹³⁴. Готовясь к началу военных действий в Закавказье, турецкое правительство решило использовать Гаджи Давуда, который почти год добивался турецкой протекции, но османский

двор колебался, прежде чем принять окончательное решение. В сентябре 1722 г. в Стамбул прибыло представительство из трех человек, направленное ширванскими духовными лицами и знатью. Они сообщили, что Гаджи Давуд вот,уже три года защищает их от иранцев и потому просили назначить его ширванским ханом под протекцией Османской империи¹³⁵. Хотя В. П. Лысцов это посольство называет «лезгинским», даже допуская, что оно могло представлять не только Сурхай-хана, но и других горских владельцев¹³⁶, но на самом же деле прошение подписали несколько духовных лиц, в том числе сам Гаджи Давуд, а подписи Сурхай-хана под ним не было¹³⁷. Турецкий историк И. Х. Узунджаршили пишет, что османское правительство хотело взять Ширван под свое покровительство, поскольку он раньше принадлежал Турции, а впоследствии был захвачен Ираном¹³⁸. По словам

Неплюева, Гаджи Давуд, напуганный походом русских войск, упорно добивался турецкой протекции, соглашаясь даже с тем, что его могут принять под покровительство не как независимого правителя, а на правах обычного турецкого паши¹³⁹. Однако на состоявшемся диване, хотя большинство его членов было за оказание помощи ширванцам, главный везир высказал опасение, что Турция может оказаться втянутой из-за Ширвана в войну с Россией. Поэтому было принято половинчатое решение: в случае если Иран предпримет какие-либо действия против Ширвана, начать военные операции, однако официального решения о взятии Гаджи Давуда под протекторат принято не было¹⁴⁰. В конечном счете в турецком правительстве все же взяли верх воинственно настроенные круги. 2 октября к Неплюеву был послан переводчик турецкого правительства, который объявил ему о том, что поскольку восставший грузинский царь выступил против турецких подданных, дагестанцев и ширванцев, то на состоявшемся диване было предложено, чтобы эрзерумский паша с 50-тысячным войском вступил в Восточную Грузию¹⁴¹.

Начиная военные действия в Закавказье, Османская империя одновременно ставила перед собой цель не допустить русских в Прикаспье. По сообщению агента уркенджского хана, османский двор направил указы ко всем пашам в азиатские части империи, чтобы они собрались с военными отрядами в Эрзеруме и под командованием эрзерумского паши двинулись в Ширван, «дабы российским войскам воспретить в прогрессах»¹⁴².

Русско-турецкие отношения с каждым днем все больше обострялись. В реляции от 4 ноября 1722 г. И. Неплюев писал, что он всеми средствами пытается удержать турок от открытого разрыва отношений с Россией и за содействие в этом вопросе обещал «везирскому кияю» и реис-эффенди по тысяче червонных¹⁴³. В начале ноября 1722 г. дефтер-эмнини¹⁴⁴ Хаджи Мустафа передал Неплюеву, чтобы тот оповестил императора о требовании османского двора уйти из сефевидских

владений¹⁴⁵. Это требование султанского двора было сообщено русскому правительству, и 11 декабря 1722 г. канцлер Г. Головкин из Москвы писал Петру I, что «Порта требует, дабы ваше величество все свои войска вывел и, приготовления военные неотменно продолжает»¹⁴⁶.

В первых числах октября представители крымского хана доносили турецкому султану, что везир вводит его в заблуждение, а в это время русский царь своими действиями наносит ущерб интересам Туции. Разгневанный султан хотел казнить везира, но тот, чтобы сохранить жизнь и должность, поспешно двинул в это время войска в Грузию¹⁴⁷. В декабре 1722 г. И. Неплюев писал своему правительству, что турки готовятся к войне, однако совершенно очевидно, что в зимнее время военных действия не начнут¹⁴⁸.

России, только что окончившей долголетнюю и кровопролитную Северную войну со Швецией, хотелось закрепить достигнутые успехи, а не вступать тут же в новую войну, да еще с таким сильным противником, как Османская империя. Французский посол в Москве де Кампредон писал кардиналу Дюбуа в своем донесении от 29 января 1723г.: «По-моему, царь слишком осторожен, чтобы начинать войну, которая даже и при самом счастливом исходе все же значительно уменьшит его силу. Кавалерия, которую он брал с собой из Астрахани, вся расстроена и финансы его также очень плохи»¹⁴⁹. Поэтому русское правительство приложило максимум усилий для мирного разрешения конфликта с Османской империей. Канцлер Г. Головкин 11 декабря сообщил Петру I, что Неплюеву даны указания о мерах, необходимых для предотвращения разрыва отношений с Османской империей. Кампредон по настоятельной просьбе русского правительства писал французскому послу в Стамбуле, «дабы он чрез всевозможные способы султанский двор удерживал от разрыва»¹⁵⁰.

Однако только вывод Петром I основных сил из Прикаспья успокоил османское правительство, тем самым на время сняв остроту османо-русского конфликта. В конце

года, когда в Стамбуле было получено достоверное известие о возвращении Петра в Россию, великий везир объявил Неплюеву, что теперь исчезли подозрения, и османское правительство желает сохранения и укрепления дружбы с Россией¹⁵¹. Османская империя поспешила воспользоваться тем, что Петр I оставил Прикаспье. Однако из-за наступившей зимы сразу же осуществить военное наступление на Закавказье оказалось невозможно. В ноябре 1722 г. эрзерумский Ибрагим паша писал правительству, что приказ о продвижении с 50-тысячным войском в Грузию осуществить трудно, притом он не имеет артиллерии. Кроме того, указывал Ибрагим паша, как он слышал, грузины приняты под русский протекторат и в связи с этим заявлял, что без нового указа не может двинуться в Грузию. Узнав об этом, И. Неплюев через своих Друзей в придворных османских кругах старался, чтобы «Порта в Жоржию войска не посылала»¹⁵².

Не имея пока возможности начать прямые военные действия в Закавказье, Османская империя старалась использовать другие средства для укрепления в данном регионе. Так, когда Гаджи Давуд в конце октября снова отправил своего представителя в Стамбул с просьбой о покровительстве, османское правительство решило на этот раз официально удовлетворить его просьбу¹⁵³. В самом конце 1722 г. (31 декабря) от султанского двора к Гаджи Давуду был отправлен капычи баши Дервиш Мехмет ага¹⁵⁴ с султанской грамотой, в которой ему сообщалось, что он принят под протекцию Османской империи на тех же условиях, что и крымский хан. Гаджи Давуду от султана в знак милости были посланы соболья шуба и сабля, а также жалованье; ему была обещана также реальная помощь, в том числе военная. Кроме того, он получил секретное повеление султана «чтобы он всеми мерами старался выгнать российский гарнизон (ежели обретаетца) из Дербенда и ис протчих тамошних краев»¹⁵⁵. Неплюев сумел добыть копию султанской грамоты к Гаджи Давуду, а также инструкции, данной Дервиш Мехмет аге, и копию барата¹⁵⁶ на имя Гаджи Давуда. И. Х. Узунджаршили пишет, что Гаджи Давуду были отправлены «berat» «hilat, «sancaq»¹⁵⁷. Об этом сообщает и С. М. Соловьев, однако автор не приводит содержания данных документов¹⁵⁶. В Архиве Внешней Политики России нам удалось обнаружить копии султанского указа и инструкции Мехмет-паше, а также и копию султанского барата, отправленного Гаджи Давуду. Вышеназванные документы не являются оригиналами, но все же

несомненно, имеют значение для исследования интересующего нас вопроса. В султанском барате говорилось, что султан оказывает высокие милости тем, кто просит «прибежища» и желает быть под его протекцией, поэтому Гаджи Давуду объявлялось, что он возведен властью султана «на высочайший степень всякого почтения и величества протектором и повелителем всех тех стран»¹⁵⁹. (Имеются в виду Ширванские земли.—Г. М.) Гаджи Давуд получил ханский титул и на него была возложена обязанность заботиться о безопасности края, регулярно информируя об этом турецкие власти¹⁶⁰. Султанский фирман (указ) начинался с обращения к Гаджи Давуду, причем тот уже именовался ханским титулом: «Препочтенный высочайшего 'степени ширванский и прочие дагестанских провинций хан». В фирмане упоминалось, что Гаджи Давуд неоднократно писал султану, прося его о протекции, и при этом обещал все земли и города Ширвана и других провинций, которые он отобрал у иранского государства, передать под власть Турции¹⁶¹. В фирмане в заключении указывалось, что «усмотря благосклонность, верность и ревность» Гаджи Давуда он возвышен «на такое высокое ханское достоинство яко и крымский хан»¹⁶². В секретной инструкции, данной Дервиш Мехмет аге, ему предписывалось по приезду в Ширван вручить Гаджи Давуду султанский фирман, барат, везирское письмо, подарки¹⁶³, а также Гаджи Давуда «содержать неотменно в верности своей к Порте». Он должен был передать Гаджи Давуду, чтобы тот поддерживал переписку с эрзерумским и другими пашами, которым турецкое правительство приказало оказать ему при необходимости помощь артиллерией и войском¹⁶⁴. Мехмет ага также должен был посоветовать Гаджи Давуду любыми способами примириться с картлийским царем Вахтангом VI и склонить того добровольно принять протекцию Османской империи, за что султан обещал ему свою милость и возвышение над всеми грузинскими князьями. Дело в том, что османский двор стремился в то время утвердить свою власть в Восточной Грузии мирным путем, опасаясь вмешательства Русского государства, т. к. знал его притязания в отношении Грузии, Гаджи Давуду предлагалось попытаться привлечь на сторону Османской империи и других азербайджанских феодалов, но делать это с большой осторожностью¹⁶⁵. После официального принятия Ширвана под османскую протекцию в Стамбуле был издан и вручен послам иностран-

ных держав манифест султана о «добровольном воссоединении Дербендского ханства с Османской империей, как издревле ей принадлежащего»¹⁶⁶.

Вчерашние союзники Гаджи Давуда—Сурхай-хан казыкумыкский и кайтагский уцмий Ахмед-хан были, однако, обижены назначением Гаджи Давуда ширванским ханом, т. к. сами оставались на вторых ролях. И. Неплюев в письме к канцлеру Г. Головкину от 27 октября 1723 г. писал, что когда

Дервиш Мехмет прибыл в Шемаху и огласил публично султанский указ о назначении Гаджи Давуда ширванским ханом, другие его союзники остались этим недовольны, поскольку «они овладели Шемахой вместе»¹⁶⁷. Поэтому, писал И. Неплюев, чтобы упрочить власть Гаджи Давуда, османский двор велел отправить в Шемаху Кара Мустафу пашу с конным отрядом в 1000 всадников¹⁶⁸. После принятия Ширвана под свое покровительство турецкое правительство отправило к русскому двору капычи баши Нишли Мехмет агу¹⁶⁹ с письмом, в котором указывало, что поход русских против Ширвана, находящегося под турецким покровительством, противоречит миру между двумя государствами¹⁷⁰. Турецкий посланник предъявил русскому правительству требование об оставлении прикаспийских провинций и предложил посредничество султана в конфликте царя с ширванцами¹⁷¹. Турецкое правительство заявляло, что Гаджи Давуд подчиняется Османской империи, поэтому оставление Дербенда Россией является единственным средством сохранения и поддержания дружбы, а русская армии ни под каким предлогом не должна вступать на территорию Сефевидской державы, царь не должен больше вмешиваться в эти дела, а также прекратить поставки оружия грузинам¹⁷². Османская империя старалась создать себе опору и в

других провинциях бывшего Сефевидского государства. На состоявшемся 29 января диване было зачитано письмо эрзерумского Ибрагим паши, в котором он доносил, что иреванский наиб, с согласия армянского патриарха и представителей населения, обратился с просьбой принять их в османское подданство. В диване было принято решение иреванскую провинцию принять под покровительство и послать наибу и другим знатным лицам Иревана 250 кафтанов. Было также решено, что, если иреванский наиб пожелает принять мусульманство, назначить его пашой, а если он этого не захочет—определить ему жалованье¹⁷³.

Между тем английская дипломатия делала все, чтобы обострить русско-турецкие противоречия и довести эти страны

61

до войны. По указанию государственного секретаря Англии Картерета, А. Стенян должен был внушить турецким министрам, что возвращение русского царя из Прикаспья вовсе не означает его отказа от захватнических намерений в этом регионе; что в будущем он с еще более крупными силами вернется в Прикаспье¹⁷⁴. Стенян должен был приложить максимум усилий, чтобы склонить турецких торговцев к протестам по поводу похода русских¹⁷⁵. В начале 1723 г. он представил турецкому правительству меморандум, где говорилось, что царь собирает огромное войско с целью нового похода в Прикаспье и хочет распространить свои владения до Черного моря. «С русским царем бороться легко,—указывал Стенян,—ибо он не в дружбе ни с одним из европейских государей»¹⁷⁶. Подстрекательство Англии возымело определенное действие. На заседании дивана, состоявшемся 29 января, было решено, что, если русский царь в текущем году осуществит вооруженное вторжение в Иран и Закавказье, то Османская империя должна будет также принять меры военного характера, чтобы этому воспрепятствовать, «и шех Дауда яко принять в протекцию защищать, и чрез то с Россиею в войну вступить»¹⁷⁷. 10 февраля 1723 г. везир вызвал Неплюева к себе на аудиенцию, во время которой заявил, что, хотя он от имени своего правительства недавно сообщил о согласии на раздел сефевидского наследства между двумя империями, но сейчас делить нечего, ибо предводитель афганцев Мир Махмуд уже овладел сефевидской столицей—Исфаганом и даже дошел до Казвина, а с другой стороны, Ширваном завладел Гаджи Давуд. Поскольку последний принял покровительство Османской империи, а Мир Махмуд готов принять покровительство Порты, то, как заверил везир, российскому монарху нечего опасаться, потому что турецкое

правительство будет их обоих держать в повиновении. Поэтому русские купцы могут на указанных территориях торговать так же свободно, как и раньше¹⁷⁸. На замечание И. Неплюева о том, что царь еще не отомстил Гаджи Давуду и его сторонникам, везир ответил, что уже Россия «сатисфакцию получила», царь до Дербенда с войском прошел и все местности по дороге разорил, и также многие побил, а ныне де Гаджи Давуд и Ширванская провинция под протекцией османского двора и потому русскому императору «больше в те страны оружия употреблять не для чего»¹⁷⁹. Неплюев напомнил, что султан обещал не принимать ширванских повстанцев под свой протекторат, на что везир

62

ответил: султан раньше согласился не принимать ширванцев под свою протекцию, потому что юридической основы для этого не было, когда же ширванцы в письменном заявлении попросили об этом, султан не мог отказать своим единоверноцам.

Затем везир перешел к угрозам, заявив, что, если русский монарх пойдет с войском в Прикаспье, то в таком случае Давуд, Мир Вейс и все другие владельцы, объединившись, выступят против него. Тогда и султан как защитник мусульманских народов, своих единоверцев, будет вынужден вступить в войну. Далее везир заявил, что Россия может временно захватить силой некоторые территории, но оставлять их за собой не должна, потому что население этих земель мусульман-

Ское 11 февраля 1723 г. состоялся очередной диван при султানে. На нем было зачитано письмо крымского хана, в котором сообщалось о намерении Петра I будущей весной продолжить военную кампанию в Ширване. Было решено объявить русскому царю, что, если он имеет претензии к ширванцам и Мир Махмуду, то пусть требует удовлетворения через султана, а все свои войска выведет из Закавказья и впредь в «персидские дела» не вмешивается. В противном

случае «вечный мир нарушитца и султан с ним за Персию вынужден вступить в войну»¹⁸².

Турецкое правительство оспешно готовилось к войне с Россией. Войскам было приказано приготовиться к походу¹⁸³. Оценивая общую ситуацию и взаимоотношения между Россией и Османской империей, французский министр кардинал Дюбуа весной 1723 г. считал войну неизбежной. «Между завоевателями, стремящимися к расширению своих владений в одном и том же направлении, столкновения неизбежны—писал он французскому послу в Петербурге де Кампредону¹⁸⁴. Война с Турцией, как указывалось выше, не входила в планы Петра I. Но в то же время он не собирался оставлять вновь завоеванные прикаспийские провинции, что категорически требовало османское правительство. Поэтому русское правительство пошло по пути дипломатического маневрирования. 2 апреля 1723 г. к Неплюеву прибыл курьер с указом Петра, в котором Порте объявлялось, что Петр I хочет достигнуть соглашения, и Неплюеву даются все полномочия на этот счет¹⁸⁵. Прибыло письмо аналогичного содержания и от турецкого посланника в России Нишли Мехмет аги¹⁸⁶, которого Петр I «принял и отпустил со всякою подобающею честью»¹⁸⁷.

Петр I сообщил Мехмет аге, что он повелел Неплюеву обо всем с Портою договориться, «дабы вечная дружба была нерушимой». Царь повелел сообщить султану, что он ради этой «дружбы» выполнит просьбу турецкого правительства о приостановке военных действий против Гаджи Давуда¹⁸⁸. Взамен Петр требовал, чтобы и Османская империя на территорию Сефевидского государства свои войска не посылала и Гаджи Давуду запретила производить нападения на те города, которые находятся под русским покровительством¹⁸⁹. Кроме того, поскольку султан берет ответственность на себя, то он должен содействовать возмещению царю убытков и затрат, связанных с походом в Прикаспье. Таким образом, Петр I не отказывается от Дербенда и намерен продолжить завоевания, но лишь предлагает временно прекратить посылку войск в Иран обеими

сторонами, чтобы создались условия для начала проведения переговоров относительно дежега сефевидского наследства. Петра I объявил о своем намерении оккупировать некоторые порты на Каспийском море, подчеркнув, что не собирается воевать там ни с Османской империей, ни с какой-либо другой державой. Что касается Грузии, то поскольку она не находится в зависимости ни от османского султана, ни от России, то царь не намерен вести никаких переговоров о ее судьбе. Кроме того, Петр еще потребовал вернуть 30 000 человек, угнанных в рабство крымским Дели султаном¹⁹⁰. Рескриптом от 16 февраля 1723 г. Петр I поставил перед И. Неплюевым следующие задачи: можно согласиться с передачей Османской империи территорий, но не прикаспийских, с условием, что Османская империя не введет свои войска в эти земли¹⁹¹. Обе стороны должны были отказаться от посылки войск в Грузию. Итак, Петр I как бы делил прикаспийские провинции на две зоны. Россия отказывалась от претензий на территории, удаленные от моря, и выражала готовность прекратить военные действия. Однако ни Россия, ни Османская империя не должны были вводить войска в эту зону. Земли же, находящиеся в непосредственной близости от моря, как уже отмечалось выше, Россия ни при каких условиях не желала уступать. Что касается населения, жившего на прибрежных землях, большинство которого составляли мусульмане сунниты, придерживавшиеся одного религиозного толка с Турцией, то в случае отказа их принять русское подданство, они должны были переселиться в земли, принадлещие Османской империи¹⁹²

В дальнейших переговорах с Османской империей русское правительство заняло неуступчивую позицию и неуклонно отстаивало требования, изложенные в императорском рескрипте от 16 февраля 1723 г. Петр I боялся, что Османская

империя выйдет к Каспийскому морю и захватит г. Баку. В письме к генералу Матюшкину он открыто выразил свое опасение по этому поводу¹⁹³.

В письме к И. И. Неплюеву от 9 апреля 1723г. Канцлер Г. И. Головкин писал, что интересы русского государства требуют не допускать Турцию к Каспийскому морю, а если османское правительство захочет из-за этого нарушить мир, то Россия тоже готова обороняться, «повелено русским войскам собираться на границах и быть в готовности»¹⁹⁴. Русское правительство одновременно с дипломатическими мерами предприняло и военные приготовления на случай войны с Османской империей. 4 апреля 1723 г. Петр I отдал приказ привести в боевую готовность украинскую армию, главнокомандующим которой был назначен князь М. М. Голицын¹⁹⁵. Русское правительство сделало также попытку укрепить свои позиции в центральных областях Закавказья. Петр I приказал отправить 2-тысячный отряд под командованием А. Баскакова в Грузию на помощь царю Вахтангу¹⁹⁶. Однако Баскаков в июне 1723 г., встретив по пути возвращавшегося

из Картлии И. Толстого, узнал о поражении Вахтанга от Мухаммед Гули-хана (Константина) и сдаче им Тифлиса туркам. Ввиду этого Баскаков счел невозможным выполнить данный ему приказ и вернулся в Астрахань¹⁹⁷. Петр I стремился создать себе опору и в нагорной части Карабаха, в местах компактного проживания христианского населения. В начале января 1724 г. туда тайно прибыл офицер русской службы, армянин по национальности Иван Карапет. Он имел целью организовать сопротивление Османской империи со стороны карабахских меликов¹⁹⁸.

Дипломатические и иные меры русского правительства оказали свое воздействие. Турецкий главный везир, который, по словам Неплюева, был «любителем покоя», узнав о предложении России и к тому же увидев, что Петр I возвратился в Петербург, начал успокаивать воинственно настроенные круги Османской империи, заявив, будто русское правительство оставляет все новоприобретенные территории в Прикаспье¹⁹⁹. После этого военные приготовления турецкой армии были приостановлены²⁰⁰.

В реляции от 29 мая Неплюев писал, что если русское правительство откажется от притязаний на сефевидское наследство, то турки возьмут все земли кызылбашского государства, а России уступят Дербенд и территорию между Дербендом и Тереком, побережье Каспийского моря. Однако очень скоро турецкое правительство поняло, что просчиталось. По возвращении (25 мая 1723 г) Нишли Мехмет ага сообщил о возможном новом походе Петра I в Прикаспье²⁰¹. Из результатов переговоров Нишли Мехмет аги и письма русского канцлера от 9 апреля, доставленного француз-

ским курьером, везир понял, что русский царь хочет захватить все побережье Каспийского моря²⁰². «От этого,—доносил Неплюев,—везир сильно возмутился и не знает ныне, как султану об этом доносить, понимая, что будут винить его в пустой трате времени и попустительстве России»²⁰³. Неплюев высказал предположение, что если в диване станет известно о результатах переговоров Нишли Мехмет аги, то очень возможно, что везир потеряет власть и отношения с Россией будут разорваны²⁰⁴

Хотя русская дипломатия не сумела полностью ликвидировать угрозу войны с Турцией, однако удалось на время удержать ее от военных действий и тем самым турки потеряли очень ценное для них время для подготовки к летней кампании. Не случайно, что Неплюев в реляции от 29 мая, писал что если турки даже объявят войну России, он считает, что они вряд ли могут в весенней и летней кампаниях предпринять против России какие-либо действия, а смогут лишь захватить Картли и Иреванское бейлербейство. Далее Неплюев утверждал, что если русские войска не продвинутся вглубь Закавказья, то вероятность военного столкновения двух империй исключается²⁰⁵. Таким образом, во многом благодаря усилиям русской и французской дипломатии, разрыв между Османской империей и Россией не произошел.

ГЛАВА III

РАЗДЕЛ АЗЕРБАЙДЖАНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

Упустив весеннее время для подготовки к летней кампании против России в Европе, Турция вынуждена была довольствоваться активизацией военных действий в Закавказье.

Перед командующими турецкими армиями была поставлена задача,—опередив Мир Махмуда, захватить Западный Иран и Восточное Закавказье, а главное—раньше русских подойти к г. Баку и занять его¹.

По имеющимся сведениям, летом 1722 г. из Стамбула в Трапезунд прибыли 13 кораблей с боеприпасами и артиллерией, откуда 7 пашей с войсками направились в сторону сефевидских владений. Боеприпасы и артиллерию переправляли в Эрзерум. Однако паши с войсками дальше Эрзерума в поход не пошли, ожидая соответствующего указа султана². Они ограничились лишь набегам и вылазками разведывательного характера. Например, по архивным данным, в июле

1722 г. карсский паша некоторые сефевидские территории, пограничные с Туцией, «разорил и много пожитков взял»³.

Готовясь к открытой интервенции, османский двор в то же время принял меры, направленные на дипломатическую маскировку своих действий. В начале августа 1722 г. к иранскому двору был направлен некий Бекир ага с письмом от турецкого везира. В этом письме содержались заверения шаха в дружбе, а также обещания, что, если Мир Махмуд «станет чинить большие прогрессы в Персии, то Порты принуждена будет шаха охранять, его ради и войска ныне при границах обретаются»⁴. Однако жители пограничных районов Сефевидской державы не пропустили Бекир агу к шахскому двору и он был вынужден вернуться обратно ни с чем⁵.

12—13 июня 1723 г. турецкая армия без боя заняла Тифлис⁶, чему способствовала междоусобная война грузинских владетельных феодалов. Дело в том, что иранский шах за не подчинение ему еще в январе 1723 г. объявил о низложении картлийского царя Вахтанга VI. Вместо него он назначил кахетинского царя Константина (Мухаммед Гули-хана), который в то время управлял и Иреванским бейлербейством. Некоторое время между этими двумя владетельными правителями продолжалась борьба за власть⁷. Мухаммед Гули-хан

4 мая 1723 г. с помощью дагестанских феодалов внезапно 1 захватил Тифлис и изгнал оттуда Вахтанга⁸. В это же время эрзерумский Ибрагим паша также подошел к Тифлису и был

встречен Мухаммед Гули-ханом, вручившим ему ключи от крепости и крупную сумму денег. Не ограничиваясь этим, он обещал подчинить туркам также Иреван и Гянджу. Ибрагим

паша, заняв Тифлис⁹, разместил там турецкий гарнизон¹⁰. Между тем, английская дипломатия продолжала разжигать русско-турецкий конфликт, стремясь во что бы то ни стало довести дело до войны. В реляции от 25 июля 1723 г. И. Неплюев писал, что Стенян убеждает османский двор в том, что английский король намерен в союзе с датским королем начать войну с Россией, и предпринимает все действия к тому, чтобы рассорить османский двор с российским¹¹. Английский посол внушал турецкому правительству, что сложная внутривосточная обстановка в России делает войну с ней неопасной. Стенян завел также сношения с бывшим украинским гетманом Орликом, который обещал в случае войны с Россией поднять украинских казаков против нее¹². В противоположность английской, французская дипломатия была заинтересована в том, чтобы избежать войны между Османской империей и Россией, опасаясь, что такая война ослабит Турцию и помешает ее борьбе против Австрии—постоянного врага Франции. Поэтому Франция стремилась к заключению союза с Россией. Французский посол в РОССНН де Кампредон, понимая, что успеху его переговоров с русским правительством будет способствовать содействие Франции

предотвращению русско-турецкого конфликта, предложил своему правительству заняться посредничеством, и его инициатива получила одобрение в Париже. Французскому послу в

Стамбуле де Бонаку была направлена инструкция, предписывавшая приложить все усилия для мирного разрешения русско-турецкого конфликта¹³. В итоге, несмотря на противодействие английской дипломатии, русскому правительству удалось при посредничестве французского резидента в Стамбуле де Бонака удержать турецкое правительство от разрыва отношений с Россией и снова начать переговоры. 14, 18 июля и 8 августа состоялись три конференции с участием де Бонака, Неплюева, реис-ул-китаб Мехмета и дефтерхана эмини

Хаджи Мустафы. Переговоры проходили довольно напряженно. Во время этих конференций И. Неплюев сказал, что еще 3 апреля турецкому правительству была предложена «армистичия» (приостановление военных действий)¹⁴. Однако османский двор пожелал отложить

68

армистичию еще на три месяца. Между тем русский царь приостановил военные действия против Гаджи Давуда по первому же пожеланию турок. И. Неплюев заявил, что без приостановления военных действий он не может приступить к переговорам¹⁵. Турецкие представители на это ответили, что туркам незачем приостанавливать военные действия, поскольку они не завоевывают чужие территории, а возвращают себе исторически принадлежавшие им земли, что Османская империя имеет права на Ширван, остальную часть Азербайджана, Грузию Армению и Гилян потому, что все они ранее входили в ее владения. Более того, они заявили, что Османская империя намерена восстановить свою власть на территории Астрахани, т.к. ранее там существовало мусульманское Астраханское ханство. Де Бонак, возражая против этого, сказал, что если требования доходят до таких крайностей, он отказывается быть посредником¹⁶. Турецкая сторона требовала, чтобы Россия оставила города Дербенд и Баку, а также дагестанские земли, т. к. она на побережье Каспийского моря никаких прав не имеет. Неплюев отметил, что такое требование он царю донести не может, потому что уже имеет его указ о том, что «Россия от Дербента и Баку и помянутых князей своей руки не отнимет ни по единому образу»¹⁷; и потому, если Порта, зная о намерении русского императора, все же прикажет приблизиться своим войскам к Каспийскому морю, то «явно подаст тем русской стороне подозрение»¹⁸. Турецкие представители ответили, что турецкие войска посланы не для ссоры, и если на побережье Каспийского моря они встретят русские войска, то на них не нападут, если только русские сами не выступят против них. Они заявили что считают противодействие русских войск незаконным, «по-

неже российский монарх никаких прав не имеет за те провинции с Портою ссоритца»¹⁹.

Русский резидент не согласился с доводами турецкой стороны об историческом праве на Дагестан, Грузию, Армению, Азербайджан и Гилян. Он заявил следующее: если следовать этому принципу, то с древних времен русские войска бывали в Царьграде (Стамбуле), а сейчас этот город—столица Османской империи; за основу же следует брать то, что «в последних трактатах обозначено»; Россия не может признать турецкими упомянутые восточно-кавказские земли и города, поскольку они, согласно договору между Османской империей и Сефевидским государством, принадлежат последнему²⁰

Таким образом, турецкие представители не приняли предложения Неплюева о двустороннем приостановлении военных действий в Закавказье и Иране. Русский же посол заявил, что без выполнения этого условия он не имеет права продолжать переговоры. По предложению де Бонака 8 августа было принято решение, согласно которому переговоры отложили на три месяца; за это время Неплюев должен был получить новые инструкции от русского правительства. На этот срок решено было приостановить военные действия на берегах Каспийского моря²¹.

Одновременно османский двор решил расширить свои завоевания и оккупировать те прикаспийские земли Азербайджана, которые еще не успели захватить русские. Надо отметить, что среди правящих кругов Османской империи не все выступали за войну против разваливавшегося кызылбашского государства. Так, когда в диване была зачитана фетва муфтия Абдуллы Эфендия об объявлении войны, в которой шииты объявлялись еретиками, разрешалось убивать их мужчин, а женщин и детей брать в плен, то бывший судья султанского

двора Кемал Эфенди сделал замечание о том, что тот, кто обращается лицом к кибле, не должен подвергаться надругательствам (Эхли кибле текфир олунмаз). За это Кемал эфенди был выслан на остров Лемнос²².

6—7 августа 1723 г. в диване с участием султана было принято решение: до возобновления переговоров оккупировать не занятые еще русскими войсками земли, в т. ч. на побережье Каспийского моря. Согласно этому плану эрзерумский Ибрагим паша должен был выступить в направлении Тифлиса, а везир, наместник Трапезунда Кара Мустафа—в направлении Баку²³. Неплюев 19 августа писал канцлеру Г. Головкину: «Надеютца при Порте, что все известные персидские провинции и Гилян нынешней кампании, могут они турки овладетца и на Каспийском море в тех провинциях утвердитца»²⁴.

В связи с активизацией военных приготовлений Османской империи и ее стремлением выйти на Каспийское побережье, положение России в Прикаспье осложнилось. Ситуация для нее в Закавказье в то время складывалась менее выгодно, чем для Османской империи. Учитывая это, русское правительство в план кампании 1723 г. внесло существенные изменения. Отменив ранее намеченный поход 20-тысячной армии от крепости Святого Креста до Баку и от Баку через Шемаху в Грузию, было решено развернуть военные действия только в прибрежной полосе Ширвана и Гиляна путем высад

ки морских десантов²⁵. Было также решено занять в первую очередь г. Сальяны²⁶. Петр рассчитывал быстро захватить устье р. Куры и создать здесь плацдарм для сосредоточения войск и будущего расширения военной экспансии. Как правильно отмечал В. Н. Левиатов, Петр I стремился ни в коем случае не допустить Османскую империю к берегам Каспийского моря и потому готов был ради этого начать войну²⁷. К весне 1723 г. в Астрахани была уже подготовлена экспедиция для отплытия в Баку, но отправку ее пришлось задержать и направить эскадру в Гилян, поскольку оттуда было получено известие о приближении афганских войск. 20 апреля в Гилян был отправлен 2-тысячный отряд под командованием генерала Левашова²⁸. Известие о продвижении османских войск в направлении Каспийского моря заставило Петра торопиться. Он

требовал от генерала Матюшкина ускорить подготовку экспедиции в Баку: «Получена ведомость из Грузии, что турки оных уже принудили в подданство и паша идет к Шемахе, зело опасно чтоб не захватил Баку, поспешай как возможно»²⁹. 20 июня 1723 г. русский флот вышел из Астрахани, 6 июля передовые суда эскадры бросили якорь в Бакинском заливе³⁰. 17-го прибыл корабль, на котором находился командующий русскими частями генерал-майор Матюшкин³¹. Матюшкин с майором Нечаевым переслал бакинскому султану Мухаммед Хусейн-бею письма, подписанные ими и иранским послом Исмаил-беем, в которых советовалось добровольно сдать город русским³². В частности, в письме Исмаил-бея извещалось, что предполагается заключить сефевидско-русский договор, в котором предусмотрено уступить Баку России, и содержалась просьба к султану сдать город русским добровольно. Но бакинский султан Нечаева в город не впустил и ответил, что жители Баку в посторонней помощи не нуждаются³³. После этого русские войска осадили бакинскую крепость³⁴.

Бакинский гарнизон сделал безуспешную попытку отбиться. Тогда город подвергся артиллерийскому обстрелу. Осознав безвыходность своего положения, гарнизон сдался; и 28 июля русские войска вошли в Баку⁶⁵.

По ходатайству городских жителей, юзбаши Дергах Гулибей, которого называли «примером верности и храбрости»⁶³, был назначен султаном города и командиром принятого на российскую службу местного гарнизона. Прежний султан Мухаммед Хусейн-бей был отправлен в ссылку в Астрахань и оттуда в Рогочевск, где и умер⁷³.

Петр I остался очень доволен взятием Баку. В письме от 8 сентября он выражал благодарность Матюшкину и по этому случаю присвоил ему чин генерал-лейтенанта³⁸. Петр I заявил иностранным послам, что овладение этим городом делает его «властелином всего Каспийского моря»³⁹. В честь взятия Баку в Петербурге был произведен праздничный са-1 лют пушечными залпами⁴⁰.

После занятия Баку владельцы некоторых других прикаспийских провинций обратились с просьбой к русскому командованию принять их под свое покровительство. Так, 26 августа Матюшкин получил письмо от Мир Аббас-бея талышинского, который предлагал «вперед свои верные услуги»⁴¹. Видимо, он рассчитывал с помощью русских войск свести счеты со своими противниками, в первую очередь— астаринским Муса ханом. Кроме того, обращаясь к русским за покровительством, Мир Аббас-бей, вероятно, выполнял поручение кизил-агачского султана Беджана—грузина по происхождению. Обратился к русским и сальянский наиб Мухаммед Хасан-бей⁴², который не хотел разделить судьбу бакинского султана.

Спустя некоторое время сальянский правитель сам явился в Баку и «в верном подданстве присягу учинил, притом просил, чтоб для охранения его и Сальянского уезда...несколько войск в Сальяны послать»⁴³. Командированный туда русский отряд в составе 50 человек под командованием подполковника Зимбулатова расположился на одном из островов на реке Куре вблизи Сальян⁴⁴. После занятия Сальян генерал Матюшкин, оставив полковника Барятинского комендантом Бакинской крепости, сам вернулся в Россию⁴⁵.

Занятие Баку русскими вызвало негодование в правящих турецких кругах. Представитель Османской империи в Ширване Осман-паша 6 августа 1723 г. отправил нарочного Махмуд агу с письмом к русскому командованию в Баку, в котором выражалось недовольство турецких властей по поводу занятия русскими войсками этого города.⁴⁶

После взятия русскими Баку османское правительство решило наверстать упущенное и приложило максимум усилий для захвата других закавказских земель. Первый удар был направлен против Гянджи, так как овладение ею имело важное военно-стратегическое и политическое значение. Гянджа являлась центром Карабахского бейлербейства и важным пунктом на пути в Прикаспий, куда стремились турки. Помимо этого, захватив Гянджу, османская армия получила бы

возможность в случае необходимости соединиться с силами уже принявшего турецкую протекцию Гаджи Давуда. В октябре 1723 г. значительная часть 60-тысячной турецкой армии, которая была направлена из Эрзерума в Тифлис, под командованием эрзерумского Ибрагим пашы, с участием войск Мустафы, Исхака и еще четырех других пашей подступила к Гяндже и разбила лагерь перед городом, на холме Селима. В городе насчитывалось всего 10—12 тысяч защитников, состоявших из гянджинцев и шемшеддинцев. В городе не было артиллерии, он не был защищен крепостными стенами, имелся лишь ров вокруг него. обороной командовал наиб Мувраз⁴⁷. Бейлербей Мухаммед Гулихан, летом арестованный турками в Тифлисе, но впоследствии бежавший из-под ареста, в это время в Кахетии собирал войско. Завязались ожесточенные бои за Гянджу. Хотя передовым отрядам османской армии удалось ворваться в город, но его защитники, собрав все силы, сумели нанести поражение противнику⁴⁸. Турки потеряли примерно 4 тысячи убитыми и 1 тысячу ранеными⁴⁹. Не сумев с ходу занять Гянджу, турецкая армия разбила лагерь под городом. С целью оставить горожан без воды была возведена плотина на реке Гянджабасар. Спустя 12 дней после османского наступления в Гянджу вернулся Мухаммед Гулихан. С ним были воины—грузины и азербайджанцы. Узнав о прибытии бейлербея с крупными силами, турецкие войска отступили. Исхак паша, Мухаммед паша и Мустафа паша с 10 тыс. воинами отошли к Тифлису, остальные войска—к Эрзеруму. Султан, разгневанный на Ибрагим пашу за неудачу, сменил его на посту сераскера диарбекирским Ариффи Ахмед пашой, которому была поручена уже другая задача—взятие города Иревана⁵⁰. Турецкий историк И. Х. Данишменд пишет, что Ибрагим

вызвал гнев султана тем, что он задержался на 132 дня в Тифлисе, который сдался без боя, и тем самым дал возможность русским за это время захватить Баку⁵¹. По сведениям некоторых авторов, Ибрагим пашу, хотели даже казнить, от чего султана отговорил главный везир⁵².

Причину того, что турки в 1723 г. не смогли занять значительных территорий Сефевидского государства, И. Неплюев видел в том, что они начали военные действия без достаточной подготовки, без артиллерии, надеясь, что «шаха сын и народ их убоявся и будут сами у турок протекции просить»⁵³.

10 (22) ноября 1723 г. истек трехмесячный срок, отведенный для перерыва в переговорах. Русское правительство дало указание И. Неплюеву, чтобы «сперва с Портою о всеобщей

армистии согласитца, а потом в переговоры вступить»⁵⁴. Если бы турки согласились приостановить военные действия, тогда И. Неплюеву предоставлялось право потребовать от

русских командиров в Прикаспье в свою очередь приостановить военные операции⁵⁵. Об этом уведомили и командующего русскими войсками в Прикаспье генерала Матюшкина⁵⁶.

В. П. Лысцов утверждает, что главную роль в русско-турецких переговорах 1722—1723 гг. играл вопрос о Грузии и лезгинских владениях⁵⁷. Однако детальное изучение материалов, относящихся к упомянутым переговорам, показывает, что в них основное место занимал вопрос о статусе азербайджанских земель.

Русско-турецкие переговоры возобновились в Стамбуле 9 декабря. Состоялась очередная (четвертая по счету) конференция с участием Неплюева, де Бонака, Мехмета и Гаджи Мустафы, на которой Неплюев и де Бонак выдвинули требование о всеобщей армиистии⁵⁸. На следующий день турецкий везир заявил И. Неплюеву, что османский двор отказывается приостановить военные действия в сефевидских владениях, поскольку они являются «турецкими»⁵⁹.

Стремясь разрядить обстановку, де Бонак посоветовал Неплюеву предложить частичную, относительную армистицию. Последовав этому совету, Неплюев на состоявшейся 12 декабря конференции предложил прекратить военные действия в восточном Закавказье, то есть там, где могло произойти столкновение между войсками двух империй. Турецкие представители отклонили и это предложение, лишь пообещав, что не останавливая продвижение своих войск в Закавказье, они все же не выйдут к самому Каспийскому морю. В свою очередь, турецкая сторона требовала, чтобы русские войска приостановили свои операции на Каспийском побережье. Неп-

люев сначала отказался принять эти предложения, но затем заявил, что ради сохранения мирных отношений с Турцией он принимает условия турецкой стороны⁶⁰.

18 декабря Неплюева ознакомили с копиями указов к багдадскому Ахмет паше и ванскому Абдулле паше, в которых последним приказывалось не приближаться к берегам Каспийского моря⁶¹. Неплюев в свою очередь 22 декабря отправил письмо генералу Матюшкину с просьбой не производить никаких новых завоеваний в западном и южном Прикаспье²⁶. Таким образом был заключен прелиминарный мир и стороны договорились о перемирии, хотя военные действия

были приостановлены не всех направлениях. Тем не менее

были созданы предварительные условия для перехода к Переговорам о мирном договоре.

Однако очень скоро русско-турецкие отношения вновь обострились, причем на этот раз до крайности. Масла в огонь подлила весть о заключении сепаратного договора между русским правительством и шахским послом в Петербурге. Как было упомянуто ранее, Тахмасиб II изменил свое решение об отправке посла в Россию, однако вопреки его воле посланник Исмаил-бей все же прибыл в Петербург, и 23 сентября 1723 г. правительство Петра I заключило с ним выгодное для себя соглашение, по которому не только был узаконен захват прикаспийских провинций Россией, но, более того, она получила право на оккупацию всей оставшейся полосы до Астрабада включительно. Однако Тахмасиб II не утвердил договор, заключенный Исмаил-беем с русским правительством, и даже не принял русского посланника, привезшего текст договора, которого «с бесчестием и без всякого подлинного ответа от себя из Ардевиля выслал»⁶³.

Это, естественно, еще более усилило напряженность в русско-турецких отношениях. По имеющимся сведениям, когда австрийский резидент в Стамбуле ознакомил с содержанием Петербургского русско-иранского договора 1723 года турецкое правительство, то это вызвало возмущение последнего. Договор турками был объявлен недействительным, так как Тахмасиб, хоть и являлся сыном шаха, но сам еще не был шахом⁶⁴. Некоторые члены дивана предлагали немедленно объявить войну России, однако великий везир, понимая невыгодность такой войны, выступил против этого предложения⁶⁵. Тем временем Иран решил обратиться за помощью к Ос-

манской империи. Однако посланник Тахмасиба Бархудар был задержан в Эрзеруме, а когда прибыл второй посланник—Муртуза Гули-бей с посланием Абдулкерима—первого министра Тахмамсиба—с просьбой о помощи, ему без всяких обиняков сказали, что Дербенд и Баку уже находятся в руках русского царя, Исфаган—в руках Махмуда, Кандагаром владеет Мир Касим, а потому Османская империя направила с трех сторон сераскеров, чтобы занять земли, пограничные с Тебризом и Иреваном, пока они не попали в руки врагов. Турецкое правительство предложило Тахмасибу добровольно уступить эти земли Османской империи, а взамен обещало

признать его власть над остальными землями Ирана⁶⁶.

В реляции 22 декабря Неплюев писал, что турки делают приготовления к войне не только против Ирана, но и против России и намереваются открыть военные действия в Иране

75

и Закавказье в марте будущего года⁶⁷. И. Неплюев считал необходимым быть готовыми к отражению нападения турок и на Украине, и в Прикаспье⁶⁸. 27 декабря состоялась еще одна конференция. Турецкие представители объявили Неплюеву, что они его прежние предложения не принимают и требуют представить новые. На это Неплюев ответил, что не может представить новые предложения, поскольку не имеет указаний действовать по-другому⁶⁹. Через два дня Неплюеву было объявлено, что раз он других предложений не имеет, то переговоры прекращаются⁷⁰.

В письме к канцлеру Головкину от 2 января 1724 г. Неплюев, считая войну неминуемой, писал: «Сего числа или завтра мир нарушится»⁷¹. Английский посол в Стамбуле Стенян прилагал чрезвычайные усилия, чтобы использовать благоприятную ситуацию и вызвать войну между Россией и Турцией. Он утверждал, что договор, заключенный русским правительством с Исмаил-беем, приведет к подрыву турецко-иранской торговли, что, возможно, в будущем, используя сложившуюся обстановку, русский царь завладеет и шахским престолом⁷². Английский посол убеждал Хаджи Мустафу, что Россия приостановила завоевание новых земель в Иране лишь с целью прибрать к своим рукам в будущем не только персидскую, но всю восточную транзитную торговлю между европейскими и восточными странами. После того, как это случится, утверждал Стенян, англичане будут вынуждены уйти из Турции, что нанесет большой урон турецкой казне⁷³.

В отличие от английского посла, французский посол де Бонак совсем иначе интерпретировал перспективы на будущее, связанные с Петербургским договором 1723 года, и убеждал турецких министров, что он ничем не грозит

Османской империи⁷⁴. По признанию Неплюева, без помощи де Бонака ему вряд ли удалось бы предотвратить разрыв между Турцией и Россией⁷⁵. Вместе с тем, как показывает анализ документов, французский посол, преследуя собственные цели, старался сохранить мир между Россией и Османской империей во что бы то ни стало, даже в ущерб интересам России. Позицию французской дипломатии в мирном урегулировании русско-турецкого конфликта И. Неплюев характеризовал так: французы хотят чтобы мир между Россией и Османской империей был сохранен любой ценой, даже в том случае, если России придется уступить Украину Турции⁷⁶. Мирному урегулированию конфликта немало содействовал и сам турецкий главный везир. Так, Неплюев в реляции от 9-го января писал, что

76

когда собирался расширенный диван по вопросу об объявлении войны России, везир упорно добивался, чтобы мир между двумя империями не был нарушен⁷⁷. Как отмечал И. Неплюев, везир больше всего любил покой. Кроме того, он понимал, какие большие трудности сулит война с Россией⁷⁸. Хотя диван и принял решение об объявлении войны России, однако де Бонак и везир Ибрагим паша скоро добились его отмены⁷⁹. Наиболее осторожные политики Османской империи в лице Ибрагим паши считали опасным и невыгодным вступать в войну с Россией в условиях продолжавшихся военных действий в Закавказье и Иране. Как пишет турецкий историк Исмаил Хами Данишменд, такая позиция везира Ибрагим паши диктовалась во многом его недоверием к армии, вызванным брожением среди янычар⁸⁰. Благодаря стараниям везира и было принято решение дать И. Неплюеву время для получения новых предложений от русского правительства. Было обговорено, что если за 100—110 дней новые предложения России не поступят, то будет объявлена война⁸¹. За новыми указаниями в Петербург был отправлен Дусьо Дальон—племянник французского посла⁸². Одновременно были отправлены указы от османского двора к армейским командующим, чтоб они «поступали между собою дружески, пока продолжатся

переговору»⁸³. Между тем поездка Дальона в Россию затянулась. Только через 47 дней после выезда из Стамбула он прибыл в Москву. К тому же к моменту его прибытия. Петра I в столице не оказалось, он находился на лечении на Олонецких марциальных водах,⁸⁴. Вследствие этого, русский канцлер писал де Бонаку и просил его в случае истечения срока, отведенного для поездки Дальона, объяснить османскому двору, что тому есть объективные причины⁸⁵. Наконец, 22 марта 1724 г. Петр I выслушал реляцию, прочел письма Неплюева, доставленные Дальоном, и в основном согласился с турецкими предложениями. Был составлен проект договора, который был отправлен И. Неплюеву⁸⁶.

Де Кампредон 16 апреля писал де Бонаку, что Петр I желает оставить Тебриз за Тахмасибом, чтобы увеличить расстояние между турецкими и русскими границами. Царь очень настоятельно просил де Бонака употребить все средства, чтобы склонить турок к принятию этого предложения. В крайнем случае Петр соглашался оставить Тебриз за турками, но с условием, чтобы Ардебиль остался за Ираном, потому что это уже единственный город, который будет отделять турецкие завоеванные территории от русских в Гиляне. Что каса

77

ется земель между Шемахой и Каспийским морем, то Петр I пожелал сохранить за собой по крайней мере две трети этого пространства⁸⁷.

После возвращения Дальона переговоры возобновились! 9 мая началась конференция с участием Неплюева, де Бонака Мехмета и Хаджи Мустафы. Французский посол зачитал проект договора, предложенный Неплюевым. В проекте предусматривалось, что р. Кура станет северной границей турецких завоеваний в Азербайджане. Кроме того, как уже отмечал русская сторона предлагала оставить за Ираном Тебриз. прибрежная часть Ширвана должна была отойти к России⁸⁸. Однако турецкая сторона категорически выступила против этих предложений. Турецкие представители заявили, р. Кура протекает не только через новозавоеванные, но и через исконные турецкие земли, поэтому она не может служить границей между двумя империями. Они возражали и против предложения

о переходе Ширвана к России, «Русский резидент забыл,—сказали они,—что весь Ширван был отдан Гаджи Давуду, и русскому двору об этом неоднократно сообщен Турецкая сторона согласилась ради сохранения мира уступить России лишь прибрежную часть Ширвана—Дербенд. Баку⁹⁰. Турецкие представители не отказались и от притязаний на Тебриз. Французский посол предложил Османской империи взамен Тебриза присоединить Хузистанскую какую-нибудь другую провинции⁹¹. Однако турецкие представители отказались и в угрожающем тоне заявили, что русская сторона не примет их условий, то Османская империя возьмет себе нужные территории силой оружия и «отчету российскому монарху давать не будет»⁹². Французский посол советовал Неплюеву о Тебризе больше не упоминать, а также согласиться с тем, что в Ширване к России отойдут земли полоской, ширина которой будет равна 15 часам езды от моря. И о Куре как о границе упоминать также не следует. Однако Неплюев отказался принять эти условия⁹³. Таким образом на этом этапе переговоров договоренность не была достигнута.

12 мая турецкие представители объявили, что если русский резидент не согласится на уступку Тебриза Османской империи, то всякие мирные переговоры прекращаются. Тогда де Бонак сказал турецким представителям, что берет на обязательство решить вопрос о Тебризе в пользу Турции чтобы стороны договорились о других пунктах⁹⁵. Де Бонак предложил в Ширване оставить в русской зоне две трети стояния от моря в сторону Шемахи, а от этого места про

прямую линию до впадения реки Араке в реку Куру и земли между Араксом и Курой передать Османской империи, а за Араксом—Ирану. Было предложено также от Дербенда параллельно Шемахе, на расстоянии в 35 часов езды назначить пункт, от которого провести линию до первого означенного пункта (около Шемахи) и дальше продолжить эту линию до окончания границ Ширвана⁹⁶. Прервав конференцию, один из турецких представителей сразу отправился к

главному везиру, чтобы посоветоваться с ним, Везир выразил согласие ради мира около Шемахи «сверх половины малую часть прибавить, також де через Ширван»⁹⁷. И. Неплюев в тот же день представил проект трактата (на итальянском языке), состоявший из 10-ти пунктов. Согласно

этому проекту, к России должна была отойти вся прибрежная полоса от Дербенда до Астрабада⁹⁸. Исключая прибрежные части, отходившие к России, остальная часть Ширвана оставалась в управлении Гаджи Давуда, под покровительством Османской империи. Русская сторона ставила условие, чтобы здесь никогда не было никаких укреплений и Османская империя не имела права держать ни гарнизона, ни коменданта. Только в случае волнений среди населения турецкое правительство имело право отправить туда нужное количество войск для подавления беспорядков, причем турецкие отряды обязаны были сразу вернуться обратно. Далее Неплюев предлагал оставить за Османской империей все земли между реками Кура и Араке и от Ордубада провести линию через Урмию к старым границам Турции⁹⁹. В проекте русского посла предлагалось также, чтобы в будущем ии Россия, ни Османская империя не предъявляли Ирану никаких территориальных требований.

На приобретаемых прикаспийских землях Россия не должна была возводить укрепления. Турецкая же сторона могла иметь укрепления лишь на расстоянии 5 часов езды от русской границы. Разграничение территорий между двумя империями по договору предполагалось провести с комиссарами с обеих сторон, с участием представителя Франции. Османский двор должен был признать Тахмасиба II единственным законным иранским шахом и вместе с Россией помогать изгнанию из Ирана узурпатора» Мир Махмуда¹⁰⁰. В проекте говорилось, что если Османской империи неудобно выступать против афганцев, исповедующих, как и турки, суннизм, она может ограничиться тем, что не будет оказывать им никакой помощи и не будет принимать их официального представителя. Тахмасибу

же Османская империя обязана была поставлять провиант¹⁰¹. В последнем, десятом пункте проекта отмечалось, что если Тахмасиб II откажется признать русско-турецкий договор, то стороны должны будут, действуя в согласии между собой, принять «такие меры, которые заблаго разсудят ради успокоения Персии»¹⁰².

20,22 и 23 мая состоялись еще три встречи представителей Турции и России. На состоявшейся 23 мая встрече после долгих споров было достигнуто согласие об уступке Тебриза османской стороне¹⁰³. 24 мая был прислан переводчик османского двора и в присутствии де Бонака сообщил Н. Неплюеву проект трактата из 6 Пунктов. Турки согласились с русской стороной в вопросе о статусе Ширвана как полусамостоятельного ханства и взяли обязательство не держать там войска¹⁰⁴. Разграничение турки предложили провести следующим образом: расстояние от Шемахи до Каспийского моря разделить на три равные части. Отделив 2/3 части в сторону Шемахи, поставить там знак. Потом, начиная от Дербенда, со средней скоростью двигаться;

прямо внутрь материка и на 22-м часе езды поставить еще один знак. Затем прямой линией соединить эти знаки, продолжив эту линию до места слияния реки Араке с Курой. Прибрежная сторона, считая отданной линии, должна была отойти к России, а в сторону суши—Ширванскому ханству, зависящему от Османской империи. Начиная от слияния рек, должна была быть проведена линия до границ Мосульской провинции, через Хамадан и оттуда до Кирманшаха. Таким образом, помимо восточной Грузии и восточной Армении, почти весь Азербайджан (за исключением полосы, отошедшей к России включая Ардебиль, Тебриз и Кирманшах, оставался за Турцией¹⁰⁵. В отличие от русского проекта, в турецком проекте сторонам разрешалось возводить военные укрепления в любых пунктах отведенных им по трактату земель. В турецком проект отмечалось, что в случае отказа Тахмасиба II уступить выше означенные земли, договаривающиеся стороны их должны завоевать силой¹⁰⁶ в том числе и земли, составляющие как бы барьер между ними. Затем следовало посадить на сефевидский престол другое лицо¹⁰⁷.

Если же Тахмасиб уступил бы предусмотренные провинции Османской империи и России добровольно, то турецкое правительство обязывалось признать его иранским шахом и оказать помощь в освобождении Исфагана от афганцев¹⁰⁸.

Однако Неплюев отклонил этот проект по следующим причинам: во-первых, турки в проекте выразили свои притязания на город Ардебиль; во-вторых, в проект не был включен пункт о том, что Османская империя не будет поддерживать отношения с узурпатором Мир Махмудом¹⁰⁹. Де Бонак упорно уговаривал Неплюева принять проект без пункта о Мир Махмуде, в противном случае он грозил отказаться от роли посредника и написать в Россию, что резидент безрассудно разорвал согласие и не желает пользы своему государю¹¹⁰. Неплюев де Бонаку ответил, что, если не включить этот пункт в трактат, то турки примут Мир Махмуда в протекцию, как они это сделали по отношению к Гаджи Давуду¹¹¹. 2 июня состоялась еще одна конференция. Турецкие представители согласились с резидентом о сохранении Сефевидской державы, а также в принципе и об отношении к «узурпатору» Мир Махмуду. Однако, еще не дав согласия на внесение соответствующего пункта в трактат¹¹², турецкие представители вновь стали настаивать на включении Ардебилля в турецкую зону. Но и де Бонак, и Неплюев возражали против этого, сказав, что «резиденту от царя строго поручено не давать согласие на переход Ардебилля к туркам, поскольку это единственный город, который останется барьером между двух империй»¹¹³. Тогда турки взамен потребовали город Султание. Но и Неплюев, и де Бонак категорически в этом отказали, заявив, что и Ардебиль, и Султание находятся вдали от исконных турецких владений, к тому же, Тахмасибу II остаются всего три крупных города—Казвин, Султание и Ардебиль и недопустимо отнять у него два из них¹¹⁴.

12 июня 1724 г. состоялась последняя конференция¹¹⁵. В течение шести часов шли безрезультатные споры об Ардебнле. Турецкая сторона требовала установить границы османских владений от слияния Аракса с Курой к Хамадану, так чтобы включить в турецкую зону и Ардебиль. Де Бонак предложил, чтобы турки вели эту линию как желают, но только исключая Ардебиль. Однако Неплюев не соглашался с таким предложением¹¹⁷. Споры продолжались до двух часов ночи. Наконец, турецкие представители сказали, что поскольку они желают мира, они согласны сам город Ардебиль оставить Ирану, однако присоединив к Турции все прилегающие к нему земли. В конце концов по предложению де Бонака стороны согласились оставить за Тахмасибом II Ардебиль и прилегающий к нему земли на расстоянии часа езды¹¹⁸. Было решено, что каждая сторона составит текст договора с тем, чтобы затем обменяться ими¹¹⁹.

Окончательный вариант договора состоял из введения, заключения и 6 пунктов. Во вводной части говорилось, что, поскольку Мир Махмуд, взяв столицу Сефевидского государства—город Исфаган, заключил в тюрьму шаха Султан Хусейна с его детьми, то Османская империя отправила войска для занятия пограничных с ней земель, а Россия заняла Дербенд и Баку. Подтверждался договор, заключенный между русским правительством и иранским послом Исмаил-беем от 12 сентября 1723 г. в Петербурге¹²⁰.

В районе слияния рек Куры и Аракса, т. е. там, где сошлись границы трех государств—России, Турции и Ирана, и турецкой, и русской стороне разрешалось иметь военные укрепления и гарнизоны, однако не ближе, чем в трех часах езды от границ и обязательно с уведомлением об этом другой стороны. Для определения новых границ России и Османской империи сторонам надлежало направить туда своих комиссаров, которым предстояло с участием представителя Франции проводить территориальное разграничение¹²¹. Во второй статье подчеркивалось, что Ширван считается «за особое ханство», с местом пребывания хана в Шемахе. Сама Шемаха не подлежала укреплению и в ней не разрешалось держать османский гарнизон, за исключением случаев, если правитель этого ханства откажется подчиняться турецкому султану или среди жителей начнется смута. В таких случаях турецкие войска могли войти в Шемаху, но турецкая

сторона обязана была предупредить об этом командующих русскими войсками до того, как турецкие войска перейдут Куру. После подавления смуты ни один турецкий солдат не должен был остаться в Шемахе¹²².

Согласно третьей статье договора вся Восточная Грузия, Восточная Армения и большинство территорий Азербайджана, в том числе Ордубад, Тебриз, Гянджа, Меренд, Марага, Урмие, Чорос, Салмас, Карабах, Нахичевань, Барда, Хамадан, Гум и Кирманшах достались Османской империи. Территория между новыми границами России и Османской империи оставлялась под властью Ирана; она должна была играть роль барьера между двумя империями¹²³.

В четвертой статье указывалось, что Россия должна приложить все усилия, чтобы склонить шаха Тахмасиба II уступить Османской империи земли, означенные в третьей статье¹²⁴.

В пятой статье договора указывалось, что если Тахмасиб(добровольно согласится уступить земли, о которых сказано; в договоре, то Россия и Османская империя помогут ему в изгнании афганцев из Ирана¹²⁵.

В шестой статье говорилось, что если Тахмасиб откажется принять условия договора, то Османская империя и Россия, объединившись, свергнут его и посадят на трон своего ставленника¹²⁶.

Таким образом, 27 июня 1724 г., после долгих и трудных переговоров был, наконец, подписан русско-турецкий договор¹²⁷. Существенную роль в этом сыграла французская дипломатия, о чем, в частности, свидетельствует письмо Петра I к де Бонаку, в котором русский царь выражает последнему свою признательность за большое содействие в урегулировании русско-турецких отношений¹²⁸. Каково же историческое значение Стамбульского договора? Этот договор был определенным успехом русской дипломатии. Россия, хотя и согласилась на захват Османской

империей большей части Закавказья, ко, вместе с тем, добилась признания за ней прикаспийских провинций. Тем самым она дипломатическим путем временно обезопасила юго-восточные границы от возможной турецкой экспансии и получила выход на каспийский морской торговый путь, что имело для России очень важное значение. Договор имел определенное значение и для закавказских народов, в частности для азербайджанского народа: была временно предотвращена опасность войны между двумя империями на территории Азербайджана. Вместе с тем, надо отметить и отрицательные последствия Стамбульского договора для закавказских народов, в первую очередь для Азербайджана, т. к. его территория оказалась искусственно разделенной на четыре части, что вело к дестабилизации экономической и политической обстановки в стране.

Русско-турецкий договор 1724 года носил несправедливый откровенно захватнический характер. По существу, два завоевателя заключили соглашение о разделе чужих территории. Именно поэтому такой договор не мог быть прочным и надежным. И. Ф. Хаммер об этом пишет так: «Эта граница, которая разделяла пополам все эти области и не являлась естественной границей по горам или по рекам, была такой же ненадежной, как и весь этот договор о разделении Персид-

ского государства между Россией и Турцией, был предшественником и образцом разделения в последующей истории Польши»¹²⁹.

Русско-турецкий договор 1724 года не мог быть прочным еще и потому, что он не устранил противоречий между Россией и Османской империей в Закавказье, в частности в Азербайджане, а лишь немного смягчил их. Этот договор не

83

предотвратил, а лишь отодвинул войну между двумя империями на 11 лет. Надо сказать, что и сам Петр I расценивал этот договор как временное соглашение. П. Г. Бутков пишет, что Петр I;

ожидал удобного случая начать войну с Османской империей, (чтобы добиться изменения условий Прутского мира, закрывшего доступ для России к Азову и Черному морю. Были собраны военные припасы на Дону, сделаны все распоряжения! к началу похода, но смерть Петра помешала осуществлений его замыслов¹³⁰.

Если принять во внимание, что в Стамбульском договоре совершенно не были учтены интересы закавказских народов, более того—они оказались попросту попраны, то вряд ли его, можно в целом оценить положительно. Стамбульский договор санкционировал захват территорий закавказских народов двумя империями. Если до этого турки, опасаясь войны с Россией, не могли ввести крупные" военные силы в Закавказье и Иран и держали их в основном у европейских границ империи, то после заключения договор они уже смогли беспрепятственно перебросить свои силы н Восток. Не случайно, что самые крупные османские завоевания начались именно после подписания Стамбульского договора.

Отметим, что наступление турецких войск на Азербайджан широко освещено в известной работе Ф. М. Алиева¹³¹ Учитывая это, мы не будем подробно останавливаться н данном вопросе, а попытаемся на основании вновь выявленных материалов осветить лишь отдельные моменты, получившие до сих пор

недостаточное освещение в исторической литературе. Находясь на грани гибели, Сефевидская держава не смогла была организовать сопротивление наступающим турецким войскам. Сефевидские войска держали оборону лишь в отдельных городах и крепостях и не пытались преградить путь наступающему противнику. Поэтому не произошло ни одного значительного встречного сражения. Многие в такой ситуации зависели и от позиции местных жителей. В одних городах ополченцы, объединившись с местными гарнизонами, упорно защищались; в других—жители занимали нейтральную позицию. Так, население почти всех областей, расположенных севернее р. Куры, большинство которого составляли мусульмане-сунниты, притесняемые в последние годы шиитскими клерикалами, добровольно приняли протекцию суннитской Османской империи. Что же касается таких крупны

84

городов с Шиитским населением, как Гянджа, Тебриз, Ардебиль и др., то городские жители, зная о призыве к борьбе против «шиитов-еретиков», содержащемся в фетве турецкого муфтия, были полны решимости бороться против турецких войск.

С приближением окончания стамбульских переговоров турецкая армия возобновила наступательные действия в Азербайджане и в других частях разваливавшегося Сефевидского государства. Уже в начале апреля ванский сераскер Абдулла паша с 60-тысячной армией начал двигаться от Вана в сторону Азербайджана. Вперед он отправил 3—5-тысячный отряд воинов под командованием Осман пашы для захвата города Хой. Этому отряду удалось сломить сопротивление защитников города и овладеть им¹³². Однако вскоре горожане, собрав свои силы, вытеснили турецкие войска из города¹³⁴. На подмогу к Осман паше был отправлен другой отряд, после прибытия которого турки вновь осадили город¹³⁴. Сам Абдулла паша со своим корпусом направился в Хой с тем, чтобы после его взятия продолжить продвижение прямо к Тебризу¹³⁵.

Весной 1724 г. Ариф Ахмет паша во главе 60-тысячной армии двинулся в сторону Иревана. обороной города руководил вышеупомянутый Мухаммед Гули-хан, являвшийся с конца 1722 г. и правителем Чухурсаадского (Иреванского) бейлербейства¹³⁶. Мухаммед Гулихан, объединив воинов азербайджанцев из Гянджи, Шамшадына и Иревана, а также грузин из Ачкакалы, дал отпор наступавшему противнику¹³⁷. Однако турки, преодолев сопротивление защитников, сумели захватить часть города¹³⁸. Горожане, укрываясь в крепости, еще долго продолжали сопротивление и, по некоторым сведениям, лишь 31 августа крепость была полностью захвачена османскими войсками¹³⁹.

Согласно А. Челебизаде, защита Иревана продолжалась 24 дня, а защитники внутренней крепости продержались еще дольше¹⁴⁰. Победителям досталось 79 орудий с шестью серебряными запорами, а также сабля длиной в семь пядей, которую при шахе Аббасе вешали на воротах крепости. Сабля была отправлена султану Ахмету III¹⁴¹. Комендантом (мухафизом) Иревана был назначен анатолийский вали, везир Осман паша¹⁴². На южном фланге турецких войск еще в конце 1723—первой половине 1724 г. багдадский Гасан паша занял Кирманшах и потом разгромил находившегося в Чаве и Алишпаре Алимардан-хана—полководца Тахмасиба .II. Ардебкльский Аббас Гули-хан, а также некоторые беи округов Чавандур и

Герсин добровольно приняли турецкую протекцию. Увидев безнадежность своего положения, сдался и Алимардан-хан¹⁴³ тому времени марагинский наместник Фиридун-хан добровольно перешел на сторону турок и был оставлен на своем посту с предоставлением ему титула марагинского бейлербея¹⁴⁴.

На южном фланге ожесточенные бои разыгрались в 1724 г. Здесь на посту сераскера багдадского Хасан пашу заменил его сын Ахмет паша¹⁴⁵. Всего через 5 дней после заключения Стамбульского договора турецкие войска двинулись в направлении Хамадана. Город был, однако, хорошо укреплен, вокруг него имелись глубокие и широкие рвы, более двухсот, бастионов защищали двойные

стены и в центре крепости стояли два замки¹⁴⁶. 54-дневные атаки не дали никаких результатов. На 55-й день турки бросились со всех сторон на штурм, однако, получив сильный отпор, отступили¹⁴⁷. Тогда нападающие взорвали одну из крепостных стен и вступили в Хамаданскую крепость¹⁴⁸, но защитники города и после этого несколько дней продолжали сопротивление¹⁴⁹. И. Хаммер так описывает захват Хамадана турками: «С трех сторон стали взрываться, мины, а в образовавшиеся при этом отверстия бросились осаждающие, прикрываясь деревянными щитами. Осажденные пытались поджечь щиты тряпками, пропитанными нефтью, но нападающие крюками быстро сбрасывали тряпки, не давая разгораться огню. После того, как стена высотой в 25 локтей была взорвана минами и превратилась в груды камней, начался штурм, после двухмесячной осады и после горячей схватки на холме город был взят»¹⁵⁰. По случаю захвата Хамадана в Стамбуле праздновали победу 7 дней¹⁵¹. Тем временем другая турецкая армия под командованием ванского Абдулла паши продвигалась к Тебризу, и летом 1724 г. этим корпусом были захвачены Салмае и Ордубад¹⁵². Еще до этого под Нахчиванью турки разбили направленное Тахмасибом II в помощь защитникам Иреванской крепости 10-тысячное сефевидское войско и город Нахичевань был захвачен¹⁵³. Османское правительство придавало огромное значение взятию Тебриза. Для выполнения этой задачи был выделено две армии. Армия Абдулла паши около Тебриза должна была соединиться с армией Ариффи Ахмет паши¹⁵⁴.

В донесении от 11 сентября 1724 г. И. Неплюев писал, что; Абдулла паша продолжает марш к Тебризу, однако сами турки не надеются, что он сможет теперь занять Тебриз, поскольку

его войско ослаблено оставлением гарнизонов в оккупированных местностях¹⁵⁵. Такому пессимизму турок способствовала также решимость жителей Тебриза бороться до конца—в городе велась серьезная подготовка к предстоящей

осаде¹⁵⁶. Надо сказать, что Тахмасиб II вместо того, чтобы организовать оборону города, спасая собственную жизнь, покинул Тебриз. Горожане же, считая, что присутствие шаха в городе «прибавит им силу», обещали ему дать 30 тысяч рублей

и просили не покидать город. Шах обещал вскоре возвратиться в Тебриз¹⁵⁷. Согласно А. Абдурахманову, турецкие войска предприняли первую, безуспешную попытку взять Тебриз в феврале 1725 г. Однако внимательное изучение исторической литературы и источников показывает, что это событие произошло в августе 1724 г. Так, турецкий историк И. Х. Данишменд

констатирует, что 31 августа 1724 г. неудачно закончилась первая осада Тебриза турецкими войсками¹⁵⁸. По И. Ф. Хаммеру, везир Копрулли Абдулла после того, как были заняты Хой и Чорос, в августе 1724 г. направился в сторону Тебриза. Когда он достиг Тасуджа, на берегу р. Урмии произошло столкновение между подошедшими войсками турок и отрядами, вышедшими из Тебриза. Победа осталась за османскими войсками, после чего город был осажден ими¹⁵⁹.

На 16-й день осады осажденные сделали вылазку, а через четыре дня после этого они выступили с 2 тысячами воинов и 70-ю полевыми орудиями на верблюдах навстречу галекскому Ибрагим паше, направлявшемуся с запасами продовольствия на помощь к основным силам турецкой армии. В состоявшемся у деревни Икдели бою турки были близки к поражению, однако к ним подоспела помощь из лагеря Абдулла паши и сражение завершилось в их пользу. В результате

турки захватили 700 пленных и 61 переносную пушку⁶¹⁰. И. Ф. Хаммер пишет, что османские войска, несмотря на одержанную победу, покинули окрестности Тебриза якобы «из-за смены времени года»¹⁶¹. Это кажется неубедительным, так как в конце сентября в тех местах не бывает такого резкого похолодания, которое могло бы заставить турецкую армию, не воспользовавшись плодами своей победы, отступить. Сведения, приведенные Неплюевым, показывают, что османские войска после первой победы потерпели неудачу. В своей реляции он писал, что находящийся в Ардебиле Тахмасиб II отправил отряд на помощь защитникам Тебриза, по прибытии которого тебризские жители сделали вылазку и, соединившись с этим отрядом, напали на турецкое войско. Неплюев

утверждал, что «турки с немалым уроном остались и от города отступить принуждены и потом сераскер Абдулла паша ретировался от Тавриза шесть часов»¹⁶². Летописец султанского двора А. Челебизаде также подтверждает факт поражения османских войск под Тебризом. Он пишет, что на 16-й день осады защитники Тебриза сделали вылазку, но их атака была отбита. Потом же к ним приицла помощь и турецкий 2-тысячный отряд был разбит 20-тысяч-1 ным отрядом кызылбашей, вследствие чего Абдулла паша, отошел от Тебриза¹⁶³. Абдулла паша для зимовки выбрал деревню Акдив нахолившуюся в 10 часах езды от Тебриза. Он вернул своего сына Абдурахман пашу на зимовку в Тасудж¹⁶⁴, куда возвратился и бидлисский Ади хан из Меренда¹⁶⁵. Таким образом, в 1724 г. Османской империи удалось занять сравнительно небольшую территорию, понеся при этом серьезный урон. По имеющимся сведениям, за время кампании; 1724 года Османская империя потеряла под Хоем, Хамаданом Иреваном и Тебризом 40 000 человек¹⁶⁶. Во второй половине 1724 г. в прикаспийских провинциях нелегко приходилось и русским, особенно в Гиляне. Малочисленное русское войско в Реште (6 батальонов пехоты, 500 драгун и несколько рот донских казаков, Грузии и армян) ожидало нападения стоявшего вблизи 20-тысячного Иранского войска. Прибывший в конце декабря 1724 г. в г. Решт генерал Матюшкин отправил представителя в Ардебиль к Тахмасибу с просьбой не предпринимать нападения на русских, но не получил никакого ответа¹⁶⁷. В начале 1725 г. иранские войска предприняли несколько попыток захватить Решт, и Перибазар, но были отбиты¹⁶⁸. Для укрепления позиций России на юго-западном побережье Каспия немаловажное значение имело разграничение в этом регионе земель, отошедших к России и Османской империи по Стамбульскому договору 1724 года. Дело в том, что в результате походов 1722—1723 гг. русскими войсками была занята не вся прибрежная линия, а только города Дербенд, Баку и Решт. Территорию между Баку и Дербендом Россия намеревалась занять только после размежевания, чтобы не вызвать осложнений с Османской империей. По указу Петра I от 28 августа 1724 г. для размежевания в Закавказье комиссаром с русской стороны был назначен бригадир А. Румянцев. Его помощниками были назначены полковник фон Лукей и артиллерии майор И. Гербер¹⁶⁹. Румянцеву было поручено изучить дорогу от Баку до Грузии, разведать, за сколько

дней войско может пройти это расстояние, сколько фуража можно здесь достать; можно ли по реке Куре, хотя бы на маленьких судах, доплыть до Грузии; на каком расстоянии от Грузии живут армяне¹⁷⁰. Это показывает, что, несмотря на заключение договора с Османской империей, Петр I вовсе не отказался от экспансии в Грузии и Армении и хотел изучить обстановку в этих регионах.

Румянцев 26 декабря 1724 г. прибыл в Стамбул, а 2 января 1725 г. вместе с русским резидентом И. Неплюевым имел аудиенцию у главного везира, где объявил о целях своей миссии¹⁷¹. Везир ответил, что из-за зимнего времени в настоящее время ехать невозможно, к тому же еще Гянджа не взята и это препятствует тому, чтобы через нее проехать в Ширван¹⁷². Было предложено отложить поездку до весны. 5 января 1725 г. Румянцев и Неплюев были на аудиенции у султана, где Румянцев передал султану царскую грамоту и ратифицированный договор¹⁷³. 19 января состоялась еще одна аудиенция у султана, где Румянцеву, был вручен турецкий ратифицированный экземпляр договора¹⁷⁴. Со стороны Османской империи комиссаром был назначен Дервиш Мехмет ага¹⁷⁵.

Однако Османская империя не спешила с отправкой комиссаров в Прикаспье. Это было связано с наступательной политикой Турции, мало считавшейся с условиями русско-турецкого договора 1724 г. Убийство русских солдат и офицеров в Сальянах и временное оставление этой провинции, а также смерть Петра I, последовавшая в начале 1725 г., все-лили надежду в турецкое правительство на серьезное ослабление России и возможность полного ее вытеснения из Прикаспья. Ходили даже слухи, будто русских уже изгнали из Гиляна¹⁷⁶. Поэтому и при османском дворе рассуждали так: зачем преждевременно проводить размежевание, когда Османская империя может через некоторое время сама занять прикаспийские провинции после ухода русских войск. Франция, которая играла роль посредника в русско-турецких отношениях, занимала выжидательную позицию, пока не выяснила точную обстановку в Прикаспье и не разгадала полностью намерения Екатерины¹⁷⁷. После смерти Петра I, в условиях заметного ослабления центрального правительства, в России началась междоусобная борьба за верховную власть. Как правильно отмечает Е. Б. Шульман, «внешняя политика России во второй четверти XVIII века (отчасти из-за господства так называемой «немец

кой команды») не отличалась ни целеустремленностью, ни последовательностью¹⁷⁸.

В конце 1725—первой половине 1726 г. юго-восточные аспекты русской внешней политики были отодвинуты на второй план: преувеличенный интерес правительства Екатерины I «голландским и курляндским делам» отвлекал Россию от серьезных проблем в районе Каспия и Черного моря и приковывал ее внимание к Балтике.. Только после провала попыток содействия голштинскому герцогу в вопросе о Шлезвиге, а также ввиду продолжавшейся турецко-иранской войны восточные аспекты со второй половины 1726 г. стали вновь занимать в русской внешней политике подобающее место.

Восточная проблема имела и важное международное значение, оказывая большое влияние на отношения России с европейскими державами на Ближнем Востоке. Англия, заинтересованная в торговле с Востоком и богатых рынках прикаспийских стран, как и раньше, стремилась подорвать позиции России в этом регионе.

С середины 20-х годов XVIII в. непримиримо враждебную позицию по отношению к России стало занимать и французское правительство, что было связано с участием России и Франции в противоборствующих группировках в Европе.

Как известно, 19 (30) апреля 1725 г. между Австрией и Испанией был заключен союзный Венский договор, направленный против Англии, Голландии и Франции. В ответ на это 3 сентября 1725 г. был заключен договор (Ганноверский) между Англией, Францией и Пруссией, направленный против Австрии и Испании¹⁷⁹. Поскольку два из трех членов этого союза были непримиримыми противниками России, он в определенной степени был направлен и против России. Это обстоятельство сблизило Австрию и Россию. У них была общность интересов и в отношении Османской империи. К тому же Австрия не возражала против того, чтобы оказать содействие в возвращении голштинскому герцогу Карлу-Фридриху (мужу дочери Петра I и Екатерины I) Шлезвига¹⁸⁰. Англия и Османская империя любыми способами хотели помешать сближению России и Австрии. По наущению Стеняна османское правительство потребовало от русского резидента в Стамбуле Неплюева и находившегося там в это время генерала Румянцева заверений, что Россия не вступит в союз с союзом Австрией¹⁸¹. В связи с этим в рескрипте к Румянцеву и Неплюеву от апреля 1725 г. предписывалось: объявить

туркам что между Россией и Австрией издавна существует дружба и австрийский император отправил своего посланника только по случаю восшествия на

90

престол Екатерины I, При этом Румянцев и Неплюев должны были передать османскому двору, что действия Османской империи в Иране и Закавказье беспокоят Россию. Русское государство обещает не вступать в союз ни с Австрией, ни с другой державой с условием, чтобы Османская империя обязалась в дальнейшем не предпринимать «противные» действия в Иране и Закавказье¹⁸².

После смерти Петра I в вопросе о прикаспийских провинциях политику России стал определять т. н. план Остермана, суть которого состояла в проведении осторожной тактики и постоянном свертывании военных операций с одновременным закреплением на уже приобретенных землях. Остерман, учитывая реальную ситуацию, в том числе тяжелое положение русских войск в Прикаспье, советовал поскорее урегулировать отношения с Ираном и добиться признания им присоединения к России прикаспийских провинций. В случае сопротивления шаха Тахмасиба II он предлагал воспользоваться пунктом русско-турецкого договора 1724 года и совместно с Османской империей возвести на иранский престол нового шаха¹⁸³.

Весной 1725 г. генералу Матюшкину был дан указ, предписывавший ему на время отложить завоевание других «персидских провинций», а в уже приобретенных укрепиться¹⁸⁴. Для закрепления позиций России в захваченных прикаспийских провинциях в 1725 г. туда было отправлено подкрепление из 4 полков пехоты, 3 драгунских полков, 10 тысяч новобранцев. Кроме того, из Астрахани были направлены 54 судна с оружием и боеприпасами в Дербенд и Баку¹⁸⁵.

В то время как после смерти Петра I Россия свертывала военные действия в Прикаспье, турецкое правительство со всей серьезностью готовилось к новой военной кампании. Были привлечены и крупные силы крымских татар. Ходили слухи, что крымский хан с 40-тысячным войском вошел в «персидскую область» и направляется в сторону Дербенда и Терки¹⁸⁸.

Поддержка Англии и некоторых других европейских стран, обстановка сложившаяся в Иране, способствовали расширению турецких завоеваний в Закавказье. В самом Иране в это время продолжалась борьба между Тахмасибом II, находившимся в Мазандаране, и афганцами, предводитель которых Эшреф после убийства своего двоюродного брата Мир Махмуда в 1725 г. провозгласил себя шахом в столице Ирана—Исфагане.

91

В феврале 1725 г. находившаяся в Иреване османская армия выступила маршем в направлении Тебриза. По пути она с трудом овладела городом Хой. В ответ на предложение османского командования добровольно сдаться по приказу хойского Шахбаз хана первому посланнику турков были отрезаны уши, а следующему—голова. На 21-й день осады после упорного штурма туркам удалось захватить город. Однако защитники внутренней крепости во главе с Шахбаз ханом еще несколько недель—до 1 мая; 1725 г. продолжали сопротивление¹⁸⁷.

Захватив Хой, турецкая армия продолжила путь к Тебризу и в деревне Тасудже соединилась с находившейся здесь с зимы другой турецкой армией. Обе армии под общим командованием Абдулла паши продолжили путь до Тебриза¹⁸⁸. Из других лагерей, например, из Килитджелии, Акдюзе и Наирли, также прибыли турецкие войска¹⁸⁹. Теперь Абдулла паша имел около 70-ти тысяч воинов только пехоты¹⁹⁰.

На пути к Тебризу турецкие войска захватили крепость Зунуз в Мерендском махале, а также Меренд, покинутый жителями¹⁹¹. В мае Абдуррахман бей—сын Абдулла паши Копрулли достиг окрестностей Тебриза, однако туркам не удалось ворваться в город и они вынуждены были отступить¹⁹².

В середине июля основные силы турецких войск под командованием самого Абдулла паши появились перед Тебризом и расположились лагерем в двух часах езды от города¹⁹³. Здесь, в лагере у Деваба к Абдулла паше прибыли с изъявлением покорности представители местечка Хурремабад, а У также

правитель Карадага Абдурразак-хан¹⁹⁴. Возглавлявший оборону Тебриза Аллах Гули-хан со своими отрядами вышел навстречу туркам, но был разбит и отброшен обратно¹⁹⁵.

17 июля 1725 г. турецкие войска, осадив Тебриз, начали штурмовать город¹⁹⁶. Защитниками его являлись главным образом жители, умевшие обращаться с оружием, но совершенно не привычные к военному делу¹⁹⁷. Горожане укрепили все девять кварталов города окопами и укреплениями. И. Ф. Хаммер пишет, что в течение четырех дней турки, разрушили укрепления в семи кварталах, и на четвертый день осажденные решили сдаться¹⁹⁸. Однако имеются источники, в которых, сдача Тебриза описывается по-другому. Как утверждал русский резидент в Стамбуле, на пятый день осады тебризцы сделали отчаянную вылазку и произошло решающее сражение, продлившееся около 5-ти часов и закончившееся победой турок: тебризские защитники поспешно отступили в

92

город, а турецкие воины преследовали их и кровопролитное сражение длилось до полной победы турок¹⁹⁹. Часть защитников города заперлась в двух крепких и тесных кварталах и все попытки турок захватить их закончились неудачей. Тогда воюющие стороны пришли к соглашению, и защитники этих двух улиц были отпущены с женами, детьми и имуществом из города²⁰⁰.

Гаджи Давуд в письме к дербендскому коменданту от 10 сентября 1725 г. датирует взятие Тебриза 27 июля 1725г.²⁰¹. Как видим, большинство источников сходится на том, что после четырех дней осады турки ворвались в Тебриз и еще несколько дней продолжались уличные бои.

В боях за Тебриз османская армия понесла крупные потери. Так, А. Ериванци сообщает, что после захвата Тебриза Абдулла паша устроил своим войскам смотр и увидел, что у него из 158 тысяч воинов осталось только 42 тысячи²⁰². Однако эти цифры кажутся нам не точными. Во-первых, не-известно, из какого официального источника взята цифра 158 тыс. чел.; во-вторых надо учесть, что обычно половину турецкого войска составляли вспомогательные отряды, т. е. люди, которые занимались перевозкой провианта, рытьем траншей, выпечкой хлеба и. т. п. Они не участвовали в боях, а значит, должны были остаться в

живых. Наверняка, они не учитывались при смотре. Получается, что численность турецких воинов, непосредственно участвовавших в штурме Тебриза, составляла примерно 80 тыс. человек. Если из них осталось в живых 42 тыс. воинов, значит погибло около 40 тыс. человек. По заявлению самого турецкого правительства, османская армия в боях за Тебриз потеряла 30 тыс. человек²⁰³. Потери защитников города были еще больше и, по имеющимся сведениям, включая убитых и раненых, доходили до 70 тыс. человек²⁰⁴. П. Г. Бутков пишет, что защитники Тебриза в ходе боев потеряли 40 тыс. чел²⁰⁵.; Видимо, он имеет в виду только убитых.

В Стамбуле радость по поводу взятия Тебриза была очень велика. В награду за воинские заслуги Абдулла паше было пожаловано на условиях пожизненной аренды наместничество Ракки, а его сыну Абдуррахману—третий бунчуг паши²⁰⁶.

Взятие османскими войсками Тебриза приветствовали и английские власти. Получив письма Стеняна от 23 июля и 21 августа, где было подробно описано взятие Тебриза, английский король даже составил план похода турецкой армии в Ширван для устрашения русских, чтобы заставить их от

казаться от всех своих притязаний на Каспийское море²⁰⁷. Некоторые государственные деятели Англии считали, что турки должны начать поход в Ширван как можно быстрее, и тогда они смогут не только вытеснить Россию из новозавоеванных ею прикаспийских провинций, но даже захватить

Астрахань. Они считали, что туркам больше никогда не представится более благоприятной возможности: власть находится в руках женщины, русское государство ослаблено и расстроено как никогда²⁰⁸, Стеняну поручили убедить турецкое правительство, что самое время вытеснить русских из Прикаспья, т. к. царица серьезно увлечена голштинскими делами и ради них скорее всего пожертвует завоеваниями в Прикаспье²⁰⁹.

Одновременно с захватом Тебриза армией Арифн Ахмет паши была завоевана Луристанская провинция²¹⁰. Другим не менее важным стратегическим объектом в

ходе наступления османских войск в 1725 г. являлся город Гянджа. Султанское правительство для захвата Гянджи снарядило новую армию под командованием трапезундского Сары Мустафа паши, состоявшую из 20-ти тысяч воинов и таким же числом вспомогательных войск. При Мустафа паше находился известный Дервиш Мехмет ага, который считался «тех стран практиком»²¹¹. Армия Сары Мустафа паши была подкреплена войсками сына и брата крымского хана, которые также приближались к Гяндже²¹². Гянджинцы, понимая трудность своего положения, обратились к русскому командованию в Прикаспье и русскому правительству с просьбой о военной помощи²¹³. Как мы отмечали в предыдущей главе, укрепление в центральных районах Закавказья составляло не первоочередную, а лишь перспективную задачу русского правительства, из-за которой оно не собиралось воевать с Османской империей. Поэтому Россия отказала в военной помощи гянджинцам. В это же время русские власти устными обещаниями поощряли и подбадривали закавказские народы в борьбе против турецких войск, стремясь тем самым ограничить продвижение Османской империи в Закавказье, особенно в направлении Каспийского моря. Именно с этой целью русское правительство отправило в Карабах своего агента армянина Ивана Карапета²¹⁴, переселившегося в начале XVIII в. в Россию и поступившего на русскую службу. Следует отметить, что в Карабахе, в его горной части проживало некоторое количество христианского населения армяно-григорианской веры. Пользуясь развалом Сефевид

ского государства, оно под началом меликов и других феодальных правителей создало в труднодоступных горных районах укрепления, известные под названием «сыгнах»—т. е. пристанище (от азерб. слова «сыгнаг») и перестало подчиняться карабахскому бейлербею²¹⁵. Весть о приближении турецких войск заставила меликов обратиться к бейлербею и другим гянджинским феодалам с

предложением объединить силы,, обязуясь «во время туркского и лезгинского нападения помогать и быть подведением гянджинским»²¹⁶. И. Карапет в то же время агитировал гянджинцев принять русское покровительство. Весной 1724 г. представители Гянджи и Карабаха обратились с письмами к Петру I с просьбой о военной помощи для борьбы против османских войск²¹⁷. Однако силы гянджинцев были заметно ослаблены результате первого наступления турецких войск в 1723 г. И теперь, в 1725 г. им не удалось организовать эффективную оборону города. 26 августа 1725 г. турецким войскам под командованием Мустафа паша после двухмесячной осады удалось совместно с крымскими татарами овладеть Гянджой²¹⁸. В конце 1725 г. турки захватили и Ардебиль, который Стамбульским договором 1724 г. был оставлен за Ираном. Надо отметить, что И. Неплюев еще задолго до захвата турками Ардебилля узнал об этом их намерении и предупредил Екатерину I. Он предложил «к Ардебиллю пристойное число войск отправить дабы оном засеет напред покуда турки не войдут»²¹⁹. Ставший правителем Тебриза турецкий Абдулла паша в начале 1726 г. в письме генералу Левашову мотивировал захват Ардебилля турецкими войсками тем, что «по Стамбульскому договору Тахмасиб II должен был Тебриз отдать туркам, однако он этого не сделал и не признал самого договора. Потому турки, считая Иран воюющей стороной, поступили по своему усмотрению и заняли Ардебиль»²²⁰. 23 декабря 1725 г. генерал Левашов в связи с вступлением турок в Ардебиль потребовал от тебризского Абдулла паша, «чтоб чрез учиненном трактата они—турки в бариер не вступали, и трактата бы не вредили под опасением войны»²²¹. Однако турецкая сторона проигнорировала это требование²²², и турецкие войска не только не покинули Ардебиль, но болеетого—в 1726 г. захватили Астару и Кергерудский махал отнесенные по договору, 1724 г. к русской зоне, что вызвало резкий протест русской стороны²²³ Ардебильский Али паша так мотивировал захват Астары и Кергеруда: эти махалы не подчинялись ни одной из трех

сторон и многие люди из захваченных турками земель уходили туда и, собираясь вместе, нападали на турецкие войска; чтобы якобы покончить с этим, турки захватили упомянутые места²²⁴.

По донесению генерала Левашова канцлеру И. И. Головкину, в Астаринскую провинцию турки были приглашены частью жителей, которые, услышав о том, что Астара по трактату должна отойти к России, предпочли власть единоверной Османской империи власти христианской России²²⁵.

Однако вскоре приверженцы турков в Астаре были разочарованы в своих ожиданиях, увидев их жестокое обращение с жителями²²⁶. В результате кампании 1725 года Османская империя завоевала территорию длиной примерно в 20 географических миль шириной в 30—50 миль, пролежавшую от горной цепи Луристана на севере до Иревана, Гянджи и Муганской степи. Как мы отметили выше, в некоторых местах турки перешли линию, определенную русско-турецким договором 1724г., захватив, в частности, Ардебиль, Астару и Кирманшах²²⁷. Таким образом, в течение 1723—1725 гг. Османской империи удалось захватить восточные области Грузии и Армении, часть иранской территории и азербайджанские города Гянджу, Нахичевань, Ордубад, Марагу, Салмас, Хой. Меренд Гебриз и Ардебиль. По сведениям, полученным русским курьером в Стамбуле Сенюковым, для завоевания закавказских и иранских владений сефевидов султан выделил 22 тысячи кисеи (6600000 русских рублей) казенных денег²²⁸. Расширение наступательных действий турецких войск в Закавказье и Иране вынудило русское правительство искать меры для приостановления турецкой экспансии в регионе. Канцлер И. Головкин предлагал призвать на помощь армян и с этой целью отправить бывшего грузинского царя Вахтанга в Прикаспье. Из членов Тайного Совета генерал-адмирал граф Апраксин, граф Петр Толстой, князь Дмитрий Голицын и князь Павел Ягужинский поддерживали это предложение²²⁹. Предлагалось также укрепить позиции русских войск в Прикаспье и отправить туда немедленно дополнительно войска которые должны были зайти сначала в устье р. Куры и там в удобном месте построить крепость с целью налаживания водных коммуникаций с грузинами и армянами. Следовало проследить, чтобы «турки прежде устья Куры реки не захватили и своей крепости не сделали»²³⁰.

Видимо, с целью подготовки этой экспедиции Ф. Соймонову было поручено организовать разведку в прибрежной

части Астрабада и Мазандарана. На обратном пути мазандаранские жители, разгадав намерение русских, открыли по ним стрельбу. В отместку Ф. Соймонов задержал 14 бусов и киржимов, плывших из Гиляна в Мазандаран²³¹. Как уже отмечалось, Головкин и другие члены Тайного

Совета предлагали послать в Баку Вахтанга VI, чтобы оттуда с небольшим войском он направился в Карабах²³². Однако впоследствии задачи, возложенные на Вахтанга VI, изменились. 21 марта 1726г. его вызвали в Верховный Тайный Совет и объявили, что получено известие о том, что шах Тахмасиб II начал переписку с русскими командирами в Гиляне. Поэтому императрица повелела, чтобы Вахтанг ехал прямо в Гилян и там попытался шаха Тахмасиба склонить на сторону России, «также армян и грузинцев и прочих христиан через посылки в верности утверждать»²³³. Вахтанг настаивал на поездке в Баку. Но русское правительство было больше заинтересовано в тот момент в заключении союза с Ираном. Вахтанг VI, согласившись в конце концов поехать в Гялян, попросил разрешения увезти с собой ранее арестованных и содержавшихся в Санкт-Петербурге, Астрахани и других городах России бакинцев и гилянцев. Верховный Тайный Совет решил кроме «крещенных и до которых важные дела касаются» гилянцев и бакинцев отпустить, а вопрос о возвращении их в родные места оставить на усмотрение генерал-фельдмаршала Долгорукого²³⁴, который отправлялся вместе с Вахтангом. Ему же было поручено взять в свои руки верховное командование русскими войсками в Прикаспье. Перед Долгоруким была поставлена цель: «чтоб по малу искать из персидских дел выйти...на таком основании... ежели какое надежное правительство в Персии возстановлено быть может...»²³⁵. Долгорукий должен был помогать Вахтангу в осуществлении главной его миссии—склонить Тахмасиба II к предложениям Екатерины I и привлечь «тамошние народы» на сторону России²³⁶. Долгорукому предписывалось соблюдать осторожность в отношениях с Османской империей и не подавать какого-либо повода для нарушения договора 1724 года. Если же турки сами начали бы военные действия и пришлось бы вступить с ними в противоборство. Долгорукий с помощью Вахтанга должен был открыто привлечь к борьбе против них не только грузин и армян, но и Азербайджан осуществлении главной его миссии—склонить Тахмасиба II против турок²³⁷.

1 августа 1726 г. Долгорукий и Вахтанг VI прибыли в Астрахань, 26—в Дербенд, а 10 сентября—в Решт²³⁸.

Обострение русско-турецких противоречий в Прикаспийском регионе, а также враждебность Англии ускорили присоединение России к Венскому австро-испанскому союзу, созданному в 1725 г. Секретным пунктом австро-русского договора, заключенного 26 июня (6 августа) 1726г., Австрия и Россия обязывались в случае нападения Османской империи на одну из них оказать помощь войсками численностью в 30 тысяч человек на европейской территории или же объявить войну Османской империи²³⁹. Россия, вступив в Венский союз, думала, что это напугает Османскую империю и уменьшит ее притязания в Закавказье и Иране²⁴⁰. Однако, сблизившись с Австрией, Россия отклонилась от самостоятельного курса внешней политики и вышла на орбиту т. н. политики «равновесия сил». В результате русско-турецкие отношения резко обострились, а также ухудшились и франко-русские отношения, ибо французскому правительству совсем нежелательно было сближение России с ее давнишним противником—Австрией. Как следствие этого, не так давно выступавшая в роли арбитра между Россией и Османской империей Франция изменила свой внешнеполитический курс на 180° и заняла позицию, откровенно враждебную России.

Тем временем предводитель афганцев Эшреф, объявивший себя иранским шахом, отправил своего посланника Абдулазиз-хана в Стамбул с требованием вывести турецкие войска с территорий бывшего Сефевидского государства. Одновременно 19 афганских улемов направили послание, в котором объявлялось, что война турков против афганцев неправомерна, так как и те, и другие являются суннитами²⁴¹. Турецкое правительство, естественно, отклонило требование

Эшрефа, более того, муфтий объявил фетву, в которой говорилось, что если земли не разделены труднопреодолимыми естественными преградами, то не позволяется там одновременно править двум главам правоверных мусульман поэтому надо свергнуть с престола Эшрефа, если он не покорится султану²⁴². 1 февраля 1726 г. состоялся диван, после чего везир уведомил русских представителей о том, что от османского двора выделено 2 сераскера с войсками для отправки в поход против Эшрефа. Он мотивировал это решение тем, что Эшреф предъявил притязания на земли, которые по договору 1724 года отошли к России и Турции²⁴³. Османское правительство

даже попыталось привлечь на свою сторону Тахмасиба II в борьбе против Эшрефа и с этой целью был отправлен в

98

Тебриз для переговоров с шахом рузнамечи (регистратор) Мустафа эфенди²⁴⁴. Эшреф в свою очередь решил силой вытеснить турок с территорий бывшего Сефевидского государства. Узнав об эпидемии среди турецких войск в Тебризе, он развернул наступление в этом направлении. По пути афганцы попытались захватить г. Хамадан, однако потерпели неудачу. Тогда они отошли и остановились в Фалхане, не решаясь идти на Тебриз²⁴⁵. Турецкое командование решило воспользоваться неудачей противника и захватить новые территории. Хакимоглу Али паша выступил против Шахкули-хана, бывшего правителя Мараги, назначенного афганцами владельцем земель от Капланкуха до Мараги²⁴⁶. Между тем основные силы турецкой армии в составе 70—80-ти тысяч человек под командой Ахмет паши предприняли поход против самого Эшрефа. В 20-ти часах езды от Хамадана произошла битва, в результате которой турки потерпели поражение, потеряв около 12 тысяч человек убитыми и ранеными²⁴⁷. Сами турецкие историки тоже отмечают, что войска Ахмет паши потерпели крупное поражение от армии Эшрефа²⁴⁸. Воодушевленный успехом последний отправил отряд для захвата Ордубада, однако тебризскому сераскеру Хакимоглу Али паше удалось отбить это нападение²⁴⁹. Турецкое правительство поспешно собирало новые силы для похода против Эшрефа и предложило России выступить совместно²⁵⁰. Однако до афгано-турецкой войны дело не дошло. Османское правительство в конце концов пошло на мирные переговоры с Эшрефом. К такому шагу его толкали и изменения, происшедшие в международной обстановке, связанные с русско-австрийским сближением. Заключенный в 1726 г. австро-русский союз вынудил Османскую империю действовать в Закавказье и Иране более осторожно. С

другой стороны, начиная с этого времени, французское правительство приказало своему посланнику в Стамбуле д' Анрезолю прекратить всякое содействие России в русско-турецкоиранских отношениях.

Франция старалась склонить османское правительство к заключению сепаратного мира с Эшрефом, убеждала его в том, что Эшреф мог бы начать борьбу с Россией в прикаспийских провинциях, что сковало бы силы России и тогда сложились бы благоприятные условия для возведения на польский престол ставленника Османской империи, Франции и других членов Ганноверского союза—Станислава Лещин

99

ского. В противном случае, предостерегала французская дипломатия, Россия могла бы заключить союз с Польшей и совместно с Австрией и Польшей начать борьбу против Османской империи²⁵¹. Учитывая вышеизложенное, а также негативное отношение населения Турции к войне с единоверцамиафганцами, султан настоятельно требовал заключения мира с Эшрефом. Стало известно и о стремлении Тахмасиба II к заключению мира с Эшрефом²⁵². Мирные переговоры между посланником Эшрефа —Исмаилом и Ахмет пашой закончились заключением 22 сентября

(3 октября) 1727 г. в Хамадане договора из 12 пунктов²⁵³. По этому договору Османская империя должна была уступить афганцам города Султанийе, Ахар, Зенджан и вернуть захваченные афганские орудия³⁵⁴. В то же время Эшреф признал власть Османской империи над закавказскими территориями, входившими в государство сефевидов (за исключением прикаспийской полосы), а также Тебризом, Хамаданом и Кирманшахом²⁵⁵. В результате настойчивых требований России турецкое правительство было вынуждено пойти на проведение разграничения (размежевания) в Прикаспье. Поскольку Франция отказалась участвовать в этом, Турция согласилась проводить раграничение без посредника²⁵⁶. 4 августа 1726 г. А. Румянцев,- возглавлявший группу комиссаров,

прибыл в Шемаху. Однако здесь родственники и сторонники Гаджи Давуда стали чинить препятствия комиссии в выполнении возложенных на нее функций²⁵⁷ по той причине, что почти все его владения и его свойственников должны были отойти к России²⁵⁸. Несмотря на это, благодаря стараниям Румянцева, в начале сентября все же приступили к разграничению. Расстояние от Шемахи до моря было разделено на три части и в конце 2/3 части от моря (7 часов 30 минут верховой езды) был поставлен главный знак⁵²⁴.

Следует отметить, что Гаджи Давуд еще долго сопротивлялся проведению разграничения. Он даже насильно выселял жителей из местностей, которые должны были отойти к России²⁶⁰. Однако большинство жителей возвращались обратно на свои места²⁶¹.

Между тем комиссары, установив знаки между морем и Шемахой, уехали в Дербенд и оттуда направились в горы. Они проехали по владениям табасаранского майсума и готовились вступить во владения Сурхай-хана. Однако последний, собрав на границах своих владений вооруженные отряды, помешал комиссии продолжить работу. На требования

100

Румянцева к турецкому комиссару пресечь подобные действия Сурхая, тот, заявив, что он пришел производить разграничение, а не воевать, вернулся в Дербенд²⁶². Попытка комиссаров поехать от Дербенда по уцмиевым владениям также натолкнулась на враждебные действия уцмий²⁶³.

Комиссары возвратились в Шемаху. Турецкий представитель предложил провести прямую линию от с. Мабур до Самура, а к северу от Самура включить в русскую зону только Дербенд. Чтобы работа по разграничению не прерывалась и, надеясь, что в дальнейшем удастся склонить

Сурхая к соглашению, Румянцев принял это предложение.²⁶⁴

К ноябрю от Мабура до слияния Аракса с Курой разграничение было проведено. Однако вскоре турецкие комиссары пришли к выводу, что «все лучшие места

владенье Даудбекова достаетца в сторону России, а особенно новопостроенный Давудом городок Тенга» (напротив горы Тенги), и все их старания оставить Тенгу во владениях Гаджи Давуда оказались напрасными.²⁶⁵ Тогда Гаджи Давуд стал распускать слухи, что его сын собрал войско и будет защищать Тенгу. Турецкий комиссар Дервиш Мехмет ага приостановил разграничение и направил письмо гянджинскому паше с просьбой оставить Тенгу за Гаджи Давудом.²⁶⁶

Несмотря на требования русских комиссаров завершить разграничение, гянджинский Сары Мустафа паша послал указ Дервиш Мехмет аге, «чтобы более комиссии не продолжать». Паша объяснил это наступлением зимы, и русские комиссары поехали для зимовки в Дербенд, а Дервиш Мехмет ага—в Шемаху.²⁶⁷

По некоторым сведениям, разграничение было приостановлено, т. к. Гаджи Давуд сказал паше, что если его продолжить, то лучшие его земли отойдут России, поэтому он просит приостановить разграничение и написать султану, чтобы границы были определены не как установлено в трак-

тате, а на основании нового соглашения. За это Гаджи Давуд якобы отдал паше 12 тысяч туманов, т. е. 120000 рублей и будто при том сказал: «Ежели границы по трактату окончатца, то он оставя все и сам выйдет из Шемахи вол, понеже де мне не токмо людей содержать но самому жить будет нечем».²⁶⁸

Поскольку завершить разграничение до наступления зимы не удалось, Румянцев предупредил турецкого пашу и Гаджи Давуда, что некоторые русские части будут зимовать в Низовом и в Мушкюре. Ему ответили, что Низовая и Мушкюрский магал, а также часть Кубы, несом-

ненно, останутся в русской зоне и хотя разграничение еще не закончено, но русские отряды могут остаться там на зимовку с условием, что по большой дороге, проходившей через шабранские и кубинские махалы и называемой «элчийоли» (посольская дорога), русские солдаты выше в горы не пройдут.²⁶⁹ Однако вскоре Румянцев вынужден был по приказу Долгорукого вернуть эти войска в Дербенд. Между тем,—писал Румянцев Екатерине 1—15

ноября 1726г —когда эти войска стояли у Низовья, то многие жители которые до этого вследствие нестабильной политической обстановки разбежались, ожидая нормализации положения, в результате появления русских регулярных войск стали возвращаться.²⁷⁰ Поэтому Румянцев счел нужным оставить 150 человек драгун в Мушкюрах и 20 человек казаков городке Дедели²⁷¹. Спустя некоторое время Румянцев от правил в Мушкюр под командой майора Гартмана 300 солдат и 135 казаков, снабдив их на месяц провиантом и, кроме того, деньгами в сумме 300 рублей для покупки провианта «понеже тут хлеб дешевле».²⁷²

В конце 1726—начале 1727 г. было присоединено к России Кубинское владение и Гусейн Али-бей был утвержден кубинским правителем. Здесь нужно отметить что по утверждению видного азербайджанского историка Г. Б.Абдуллаева, Кубинское ханство было присоединение к России в 1722 г. и Гусейн Али хан утвержден кубинским ханом самим Петром I. При этом он ссылается на С. М. Гмелина, побывавшего в 70-х годах XVIII в. в Азербайджане, на донесения посланника Фатали-хана к российскому двору Мирза Садых Мухаммад Велиева и на устную беседу Фатали-хана с чиновником русского консульства Матвеевым. Однако исследователь не учитывает, что Фатали-хан Кубткский и его посланник могли умышленно связывать назначение Гусейн Али-хана кубинским правителем с такой крупной исторической личностью, какой был Петр I, из-за желания подчеркнуть законность и основательность власти кубинских ханов. Или же они могли попросту ошибаться. Что же касается С. Г. Гмелина, то он почерпнул свои сведения из тех же источников.

Однако изучение достоверных официальных русских документов дает основание считать действительной датой перехода Кубинского ханства под протекторат России и утверждения Гусейн Али-бея кубинским ханом конец 1726 начало 1727 г. Возможно, в 1722 г. представители Кубинского ханства и прибыли в Дербенд к Петру I или же к подо

шедшему в Мушкюр русскому отряда Что касается присоединения Кубинского ханства к России в 1722 г., то об этом и речи не могло быть, т. к. известно что в указанном году русская армия продвинулась от Дербенда к югу совсем незначительно, один отряд ее прибыл в Мушкюр и после кратковременного пребывания там вернулся обратно.

Так, в русском официальном источнике говорится, что 20 октября 1726 г. прибывший в Дербенд сын убитого в 1720 г. кубинского Султан Ахмед-хана²⁷³— Гусейн Али-бей объявил о принятии им российской протекции и присягнул на верность Русскому государству. Одновременно с ним присягнули старшины Кубы и окрестных деревень.²⁷⁴

21 декабря 1726 г. в Верховном Тайном Совете был рассмотрен и положительно решен вопрос о принятии Гусейн Али-бея в русское подданство и утверждении его кубинским ханом. Главнокомандующему русскими войсками в Прикаспье фельдмаршалу В. В. Долгорукому был послан указ, в котором говорилось, что «ежели земля владетеля оного по заключенному от онаго трактату останется во владении российской империи, а не турецкой владений, то б дал ему титул ханский, как и отец его писался»²⁷⁵.

Так как по разграничению Куба досталась России, в 1726 г. Гусейн Али-бей был утвержден ханом,²⁷⁶ а ввиду его малолетства определены опекуны. Афрасияб—наибом, Фарамаз—назиром (государственным казначеем)²⁷⁷. Дербендский комендант отрядил команду под начальством полковника фон Лукея в Мушкюрскую провинцию для обеспечения безопасности Кубы и близлежащих мест. Русские генералы придавали большое значение Мушкюру, т. к. там было много леса, а мушкюрским хлебом снабжались Шемаха, Казикумык, Кайтаг и Дербенд. Стремясь не вызывать недовольства и предотвратить сопротивление местных жителей, русские власти старались при захвате прикаспийских провинций по возможности ограничить использование военных методов и добиться присоединения их дипломатическим путем, используя создавшуюся здесь сложную и напряженную обстановку. Когда в конце 1726 г. представители провинции Астара, захваченной, как было отмечено выше, турецкими войсками, обратились за помощью русское командование не преминуло воспользоваться представившимся случаем. Причиной недовольства населения Астаринской провинции явилось то, что турецкие власти собирали с населения повышенные налоги и подати.²⁷⁸ Так, турки требовали от них податей и налогов в сумме ¹⁴⁰

тысяч рублей,²⁷⁹ тогда как во времена господства сефевидов эта сумма составляла всего 50 тысяч рублей. Старшины Астаринской провинции отправили посланника по имени Аллахверди-бей к Левашову в Решт, сообщая, что они хотят находиться в русском подданстве²⁸⁰. Как только Аллахверди-бей вернулся с положительным ответом, астаринцы, собрав силы, в начале 1726 г. выбили из города турецкий гарнизон. После этого астаринские старшины, опасаясь карательных мер со стороны турок, взяли с собой жен и детей и подошли к р. Кескер в ожидании русской помощи.²⁸¹ Все это создало благоприятную обстановку для присоединения к России Астаринской и близлежащих провинций, тем более, что в это время находившиеся в составе турецких войск в Азербайджане янычары и крымские татары вернулись обратно.

Известный своей прорусской ориентацией кызылагачский наиб Мир Аббас-бей также просил русского коменданта в Баку, не упустив момента, отправить некоторое число войск на лодках до острова Сари, куда намеревался прибыть Мир Аббас-бей и остаться там, пока русский отряд не займет Ленкорань.²⁸² Чтобы убедить Россию в своей верности, Мир Аббас-бей предлагал отдать в аманат (в заложники) своего сына или брата.²⁸³ Мир Аббас-бей добавлял: если комендант отправит к нему 1000 воинов, то пусть пришлет с ними и мундиры на 1000 человек для его воинов.²⁸⁴

Надо отметить, что брат Мир Аббас-бея—Мир Азиз-хан сначала являлся противником России, принял турецкую протекцию и своего брата уговаривал сделать то же, указывая, что и Муса-хан астаринский тоже «в лутчею турецкого факцию вошел».²⁸⁵ Очень скоро между Мир Азизом и его братом Мир Аббас-беем возник конфликт, в котором определенную роль играл упомянутый астаринский Муса-хан. Между тем, турки, схватив Мир Аббас-бея, отрубили ему голову.²⁸⁶

После этого Мир Азиз-хан, испугавшись, тоже начал искать русского покровительства. Как писал Левашов, к октябрю 1726 г. Муса-хан еще продолжал оставаться под турецкой протекцией и при нем находились «для охранения ево несколько турков».²⁸⁷

Осенью 1726 г. Муса-хан со своими старшинами прибыл в Решт к Долгорукому с просьбой принять его в русское подданство, обещая верность Российскому государству. За оказанную помощь он обязывался платить определенную сумму в царскую казну.²⁸⁸ 8 декабря 1726 г. Муса-хан, его

сын Келбе Хусейн и 55 калантаров и старшин присягнули на верность русскому престолу.²⁸⁹ Астаринские правители сообщили генералу Долгорукому, что в провинции имеется хорошая гавань, и тот отправил морского офицера с несколькими солдатами для ее осмотра. 25 ноября 1726 г. он писал русскому правительству, что если упомянутая гавань окажется благоприятной для захода судов, то он отправит гарнизон в Астаринскую провинцию, а пока с тремя полками отпра-

вил генерал - поручика Штоффа в Сальяны.²⁹⁰

Русский командующий считал, что поражение турок от Эшрефа под Хамаданом создало благоприятные условия для решительных действий России в прикаспийском регионе. Он предложил правительству заключить союз с Эшрефом и, опираясь на поддержку Австрии, использовав также силы армян, начать военные действия против Османской империи. Однако Остерман и члены Верховного Тайного Совета, а также сама императрица не согласились с данным предложением. Долгорукому было сообщено, что Австрия согласилась помочь России «только в том случае, когда турки первые нападатели» на Россию, а не наоборот, и потому, если

русские вместе с армянами предпримут какие-то действия против турок, Австрия не обязана помогать России²⁹¹. В обстановке, когда Европа была разделена на две враждующие группировки и все опасались общеевропейской войны, русскому правительству небезопасно было начинать войну с Османской империей.

В указанные годы на политику русского правительства в прикаспийском регионе влиял ряд факторов. Так, из-за дальности расстояния России невероятно трудно было предпринимать военные действия в Прикаспье кроме того, непривычный климат вызывал повышенную смертность среди русских солдат и офицеров. Потому, не ввязываясь в войну с турками, Россия должна была уйти из Прикаспья. Вместе с тем она не хотела допустить, чтобы Османская империя

либо примирением с Эшрефом, либо другим путем вышла из так называемых «персидских дел», а Россия осталась увязшей в них. Русские правящие круги опасались, что в этом случае турки и иранцы объединятся против России. Поэтому было решено в Прикаспье действовать следующим

образом: переговоры с Тахмасибом II продолжать, но предъявить ему ультиматум, что если он условия русско-турецкого договора 1724 года не примет, то с ним

поступят как с врагом. В случае примирения османов с Эшрефом предполагалось привлечь Тахмасиба на сторону России. Долгорукому

105

предписывалось, если переговоры останутся безрезультатными, прервать их и тайно начать переговоры с Эшрефом.²⁹²

Князь Долгорукий в январе 1727 г. отправил из Рейт в Астару отряд в 500 человек под командованием бригадира Штерншанца. Спустя некоторое время и сам Долгорукий с кавалерийским отрядом из трех сотен всадников двинулся туда же. В ответ на просьбу В. Долгорукого продать провиант на 5 месяцев для 1000 человек и фураж на 300 лошадей Муса-хан незамедлительно предоставил все это, причем бесплатно. Более того, он обещал постороить собственными силами крепость, которую русское командование предполагало основать в Астаре. В. Долгорукий за оказанные услуги одарил Муса-хана халатом, утвердив его ханом в Астаринской провинции и обещав ему расположение императора.²⁹³

После Астары бригадир Штерншанц со своими войсками направился в Ленкорань. Отношения между ленкоранским Мир Азиз-ханом и русскими военачальниками складывались несколько иным образом. Из письма Мир Азиза Долгорукому видно, что как только бригадир Штерншанц прибыл в Астару, Мир Азиз-хан отправил к нему своего племянника Мухаммеда Гули, готовясь вскоре приехать и самолично. Однако, как видно из архивных документов, в Ленкоранской провинции в то время имелись и противники России. Один из них, Мухаммед Гули советовал Мир Азиз-хану не ехать в Астару, умышленно настраивал его против русских, запугивал, что если он появится в ставке русских, то будет ими убит. Поверив ему, Мир Азиз-хан возвратился обратно²⁹⁴. Следует отметить, что Мухаммед Гули преследовал свой тайный умысел—отстранить от власти Мир Азиз-хана руками русских. Узнав о враждебной позиции правителя Ленкорани, Штерншанц в свою очередь направил туда казаков, но Мир Азизхан уклонился от открытых военных действий произошли лишь небольшие перестрелки.

Между тем Мухаммед Гули перешел к открытым враждебным действиям против Мир Азиза и несколько раз совершал ночные набеги на его владения. После этого Мир Азизхан больше не колебался и выразил желание перейти в подданство Российской империи и просил указать, «какую службу» ему выполнять.²⁹⁵ Он вместе с ленкоранскими старшинами дал обещание платить ежегодно подать не менее 5000 рублей.²⁹⁶

Таким образом, разногласия между российскими властями и Мир Азиз-ханом возникли из-за авантюры Мухаммеда

106

Гули, который, не достигнув своей цели, открыто выступил против Мир Азиз-хана. В этом инциденте часть вины падает и на Штерншанца, необдуманные действия которого могли привести к нежелательным для России последствиям. Кстати, главнокомандующий русскими войсками в прикаспийских провинциях генерал-фельдмаршал В. Долгорукий отметил «непорядочное обхождение» Штерншанца с Мир Азиз-ханом, доложив коллегии иностранных дел, что тот бессмысленный «непорядочный поступок учинил только по слабому своему рассуждению»,²⁹⁷ без злого умысла.

Надо отметить, что еще до описываемых событий Штерншанц получил указ В. Долгорукого, «чтоб он с помянутом Мир Азиз-ханом поступил с великую ласкою и обнадеживанием»²⁹⁸. Сам Долгорукий быстро наладил нормальные отношения с Мир Азизом, который, наконец, принял присягу на верность Российскому государству. В. Долгорукий писал Штерншанцу: «оному хану вина во учиненных ево продерзостях упускаетца... понеже... великой вина ево не находится а больше не порядочно поступок учинен с нашу стороны».²⁹⁹

Управление Астаринской, Кергерудской и Ленкоранской провинциями В. Долгорукий поручил Штерншанцу, а сам 3 марта прибыл в устье р. Куры.³⁰⁰ Большинство провителей прикаспийских провинций Азербайджана южнее р. Куры, вошедших в русскую оккупационную зону по договору 1724 г., понимали невозможность сопротивления превосходящим силам русской армии. Поэтому, чтобы сохранить свою власть, правители и представители населения Уджарудской,

Сальянской, Кызылагачской провинций и Муганской, Шахсеванской, Мазаригской степей явились к Долгорукому и объявили о согласии принять русское подданство. 6 марта уджарудский Мухаммед Джафар султан, правители Муганской, Шахсеванской, Мазаригской степей Рамазан султан и его наиб Али Гули-бей, сальянский наиб Гарде Али-бей приняли присягу на верность Российскому государству. Одновременно присягу приняли старшины и другие представители населения этих провинций.³⁰¹ 18 марта 1727 г. прибыл в ставку В. Долгорукого и принял присягу на верность Российскому государству кызылагачский Беджан султан и его старшины.³⁰²

Долгорукий утвердил правителей провинций в их должностях: в Уджарудской провинции—султана Джафара, в Шахсеванской, Муганской, Мазаригской степях—Рамазан султана и его наиба Али Гули-бея, в Сальянской провинции

107

—Гарде Али-бея (наверное, Гариб Али-бея.—Т. М.), в Кызылагачской—Беджан султана.³⁰³

В. Долгорукий сообщил в Коллегию иностранных дел и Государственную военную коллегию, что он надеется с названных провинций получать доход в императорскую казну около ста тысяч рублей в год.³⁰⁴

Из устья р. Куры Долгорукий отправился в сторону Дербенда. Прибыл в Мушкюрский магал, он оставил отряд в 2 тысячи человек (взятый им из Баку) в селе Дедели и в крепости Тенга, построенной русскими напротив одноименной крепости Гаджи Давуда.³⁰⁵ По указу Долгорукого,

весной 1727 г. в Ниязабаде начали изготавливать большие лодки, необходимые для доставки провианта и дров. Долгорукий просил у астраханского адмиралтейства «мастеров как морских судов, так и бусных»³⁰⁶, а также просил прислать полубуски, на которых намеревался «беспрестанно нефть из Баку возить в Низовую и менять на пшеницу и ячмень»,³⁰⁷ так как шемахинцы покупали в Баку нефть и меняли ее в Мушкюрах на хлеб. Долгорукий надеялся, что

русские, имея достаточное количество судов, смогут прибрать к своим рукам ввоз в Мушкюр нефти, и его жители будут с удовольствием менять хлеб на нефть. Это нужно было русским властям, чтобы установить свой контроль за вывозом хлеба в Шемаху и «другим горским по рассмотрению смотря по их заслугам по пропорции продажу иметь»³⁰⁸. Долгорукий рассчитывал таким путем поставить в зависимость от русских властей шемахинцев и горских феодалов.

Таким образом, к 1727 г. русскому правительству удалось значительно укрепить свои позиции в Прикаспье. К тому же, благодаря настойчивости русских властей, к концу 1727 г. было в основном завершено разграничение Закавказья между Россией и Османской империей и 12 декабря 1727 г. около деревни Мабур (недалеко от Шемахи) был подписан акт между комиссарами обеих держав.³⁰⁹ Карту, приложенную к соглашению, составил майор Гербер.³¹⁰ Линия границы от соединения Аракса с Курой в сторону селения Мабур была проведена таким образом: поле деревни Джавада, поле деревни Табаглар, берег р. Карасурмакишлак, поле деревни Тапхал кишлаги, поле деревни Каракулери; Шах Гусейн кишлаги, гора Карагуне, земли между селениями Менги и Кахан, поле между селениями Телюч и Чалык, гора Татлы против деревни Бакулин³¹¹.

Генерал Румянцев в своей реляции от 30 декабря 1727г. из Баку писал о том, что он сумел закончить разграничение

108

в Ширване. Однако турки не позволили провести разграничение во владениях Сурхай-хана казыкумыского под тем предлогом, что эти территории не входят в Ширван и что поскольку Сурхай находится под турецким покровительством, нельзя провести разграничение в его владениях без согласия османского правительства.³¹² Румянцев сообщил еще о том, что турецкая сторона упорно настаивала на разрушении Тенгинской крепости, мотивируя свое требование тем, что русские, заняв Тенгу и укрепляя ее, нарушили трактат, по которому было установлено, что в трех часах езды от границ обоих государств никаких военных укреплений не строить. Однако Румянцев не допустил разрушения Тенги.³¹³

Русское правительство поручило Долгорукому и Румянцеву Тенгу не укреплять, а держать в том же состоянии, в каком она находилась при Гаджи Давуде. Было поручено Неплюеву заверить турок в том, что Тенга укрепляться не будет.³¹⁴

Русские командиры в Прикаспье получили приказ из владений Сурхай-хана ничего к русским провинциям насильственно не присоединять, более того—никому не разрешать заходить на его территорию.³¹⁵

Прочность позиций России в Прикаспье зависела и от ее взаимоотношений с Тахмасибом II и Эшрефом. В марте 1727 г. состоялись встречи генерала Левашова с представителем шаха—Мухаммед Резой, возведенным в должность сепасалара (главнокомандующего). В переговорах в качестве посредника участвовал Вахтанг VI (Долгорукий от участия в переговорах уклонился и перепоручил это дело Левашову).³¹⁶

Иранский представитель согласился на узаконение оккупации Россией прикаспийских провинций с условием отказа ее от притязаний на Мазандаран и Астрабад, а в Гиляне—от Лахиджана, н.е занятого русскими войсками³¹⁷. Однако до подписания соглашения дело не дошло, так как политика Верховного Тайного Совета в отношении иранских дел в это время претерпела существенные изменения. Дело в том, что еще до начала переговоров Верховный Тайный Совет, рассмотрев Донесения Долгорукого о политической конъюнктуре, не счел целесообразным поддерживать Тахмасиба; поэтому генерал Левашов стал оттягивать время, ставя на обсуждение все новые вопросы, в результате чего переговоры в конце концов были прерваны.³¹⁸ Одновременно, в мае 1727 г. Левашов установил контакты с людьми Эшрефа. Однако, не будучи уверены в устойчивости власти

последнего, Левашов и Долгорукий окончательно не порывали связей с Тахмасибом и придерживались политики лавирования. Примечательно, что Левашову на всякий случай посылалась документация о заключении договора как на имя Эшрефа, так и на имя Тахмасиба³¹⁹.

Разуверившись в возможности передачи прикаспийской полосы Гиляна русскими мирным путем, афганцы решили отнять эти земли силой. Сепаксалар афганских войск Мухаммед Сайдал хан напал на русские войска в Гиляне, но потерпел поражение.³²⁰

Укреплению позиций России в Азербайджане содействовало возвращение в Баку в конце сентября 1727 г. Бывшего бакинского правителя Дергях Гули, который в 1724 г. перебрался в Шемаху и стал фаворитом Гаджи Давуда. С ним переехали в русскую зону 400 дворов бармакских и бакинских деревень³²¹.

Дергях Гули-хану разрешили жить в деревне Маштаги и заселить пустые деревни.³²² Долгорукий отметил большое влияние Дергях Гули-хана среди населения: «Зело нам помянутой Дарга надобен и прибылен, также кредит великой имеет в народе и смотря на него и другие много перейдут в нашу границу».³²³ Русские власти в то же время не очень доверяли Дергях Гули и приняли меры предосторожности были на всякий случай взяты в аманаты (заложники) жена, сын и братья Дергях Гули, которые должны были жить под надзором и не имели права покидать крепость³²⁴.

АЗЕРБАЙДЖАН В ПЕРИОД ОСМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ (1723—1735гг.)

Захватив азербайджанские земли, Османская империя ввела на них свою систему управления, осуществлявшуюся тремя ведомствами: военно-административным, судебным и финансовым. Их возглавляли соответственно бейлербей, кади и дефтердар. Однако такое распределение функции не всегда строго соблюдалось. Так, к примеру, военачальники имели право вмешиваться в судебные и финансовые вопросы.

Османе в основном сохранили существовавшее при сефевиде административное деление, внося в него лишь незначительные изменения. Азербайджанские земли были разделены на военно-административные единицы-вилайеты эялеты (области) или бейлербейства и санджаки¹. Вилайеты, эялет² и их границы в определенной степени соответствовали границам бывших бейлербейств, но в некоторых случаях размеры их были несколько уменьшены. Так, вне Тебризского эялета остались такие олке и махалы, как Уджаруд, Астара, Лахиджан, Кызылагач и часть Мугана.² Причиной тому была оккупация перечисленных местностей Россией.

Значительно меньшей по сравнению с территорией бывшего Карабахского (Гянджинского) бейлербейства оказалась территория Гянджинского эялета (вилайета). Так в султанском указе, изданном в 1727 г., о Гянджинском вилайете говорилось, что границы его охватывают территорию начиная от подчиненного Тифлисскому вилайету Казахского санджака по течению р. Куры до слияния ее с Араксоми оттуда вверх по течению р. Араке до Бергушадского махала где начинаются горные цепи Малого Кавказа; от этой местности границы вилайета продолжают в северном направлении до Казахского санджака³.

Казах еще в 1723 г. добровольно принял турецкое подданство. До этого времени он находился в составе Карабахского бейлербейства. Так как большинство земель последнего еще не было приведено в подчинение Османской империи, Казах был включен в состав соседнего Тифлисского вилайета. Правителем Казахского санджака был оставлен Мир Али-бей, являвшийся им еще со времен сефевидов.⁴

По той же причине вне Гянджинского эялета остались Лори и Памбак, расположенные на северо-восток от оз. Геокчи (Севана).⁵ Турецкий историк И. Х. Данишменд пишет, что после захвата в 1724 г. Иревана турецкий сераскер, двигаясь в сторону Гянджи, захватил по пути местечко Лори.⁶ В состав Иреванского эялета были включены Нахичевань и Ордубад, ранее входившие в состав Иреванского (Чухурсаадского) бейлербейства.

Вилайеты делились на санджаки. Территория последних соответствовала границам бывших «олке», а в некоторых случаях— «махалов». Санджаки, в свою очередь, подразделялись на более мелкие административные единицы махалы и нахийе, состоявшие обычно из нескольких десятков деревень. Например, на территории Казахского санджака, где находилось 205 деревень (из них—95 в рассматриваемый период пустовали), было 4 нахийе: Ахтала, Инджа, Тюрк и Джувар.⁷ Нахийе, в свою очередь, обычно делились на «гэрийе» состоявшие из нескольких деревень.⁸

Высшая военно-административная, а также политическая и финансовая власть в эялатах в военное время сосредотачивалась в руках сераскера (букв. «предводитель воинов»), назначавшихся султаном из числа наиболее отличившихся турецких военачальников, а иногда—из представителей местной знати. Более мелкие управители—санджак-беи (управители санджаков), наибы (управители махалов или нахийе) и кендхуды (управители деревень)—назначались в основном из числа местных феодалов.

Османские власти, стремясь привлечь на свою сторону правителей и родоплеменную верхушку, а также многих низших средних и некоторых высших чиновников, как правило, власть на местах оставляли в руках местной феодальной аристократии. Например, марагинский хан был утвержден правителем Мараги в ранге бейлербея Карамана, казахский санджак в качестве «бейлика» был оставлен бывшему правителю Казаха Мир Али-бею⁹ и т. д.

Азербайджанские земли севернее р. Куры имели особый статус, т. к. согласно Стамбульскому договору 1724 г. османам запрещалось держать там военные силы и иметь комендантов. Эти территории управлялись вассальными владетелями. Так, правителем Шекипской области был утвержден Али Султан с присвоением ему титула паши. Он являлся внуком Сары Али-бея, который в 1607 г., когда Азербайджан временно оккупировался Османской империей, был

утвержден турецкими властями илисуйским султаном, а в 1616 г. признан в этом качестве уже шахом Аббасом.¹⁰

В фирмане турецкого султана Ахмета III на имя Али Султана от августа 1723 г. указано, что он назначается бейлербеем Шекинского владения с присоединением к нему Захурского санджака и ему поручается управление указанным владением и санджаком. Али Султан должен был с ширванским правителем Гаджи Давудом «всегда действовать совокупно для упрочения шариатских постановлений меж населением обоюдных владений».¹¹

При смене турецких султанов права вассальных азербайджанских феодалов, в том числе шекинского бейлербея, подлежали подтверждению новым султаном. Например, когда в 1730 г. в Стамбуле на престол вступил султан Махмуд, он издал фирман на имя Али Султана, в котором подтверждалась его должность; при этом ему была послана через Гамза пашу «почетная шуба».¹² Из фирмана турецкого султана, относящегося к 1142 г. х. (1729г.), видно, что турки именовали Али Султана титулом бейлербея.¹³ Али Султан со своей стороны был обязан при необходимости отправиться к гянджинскому паше для содействия турецким войскам во главе отряда в 1500 человек.¹⁴ Кроме Шеки, в вассальной зависимости от Османской империи находились также и некоторые более мелкие феодальные владения. Одним из таковых являлся Ареш, который по фирману турецкого султана Ахмета III от 1138 г. х. (1725 г.) передавался Мухаммеду Али Султанзаде (по некоторым данным, он был сыном Али Султана). В фирмане, в частности, говорилось, что, учитывая его заслуги перед Османской империей, ему жалуются Арешское владение с условием, что он по требованию турецких пашей будет являться к ним во главе 300 отборных воинов для несения службы в Гяндже, Ширване и других местах, «в которых представится надобность в военных действиях».¹⁵

Еще одним вассальным владением являлось Кахское Турецкое правительство предоставило право на него младшему сыну уцмия Мухаммеду, который даже именовался бейлербеем кахским. У него же во владении некоторое время находился и Захур, который в 1723 г. был отдан Али Султану.¹⁶ В 1731 г. под управление Али Султана было передано еще и Кахское владение.¹⁷

В центральной части бывшего Ширванского бейлербейства было образовано полувассальное от Османской империи Ширванское ханство, правителем которого, как уже

упоминалось, был утвержден в конце 1722 г. Гаджи Давуд. Однако ему пришлось долго бороться за установление своего единовластия. Сурхай, казикумыкский хан, отстраненный от управления Ширваном, порвал отношения с Гаджи Давудом, не признал его власти и искал удобного случая свести с ним счеты. В источниках хорошо прослеживается междоусобная борьба в Ширване, которая началась еще в 1722г., когда Гаджи Давуд вместе с Чобан шамхалом, с согласия кайтагского уцмий, решил подчинить себе Кубинское владение. Однако Сурхай-хан, узнав об их намерении и решив опередить соперников, прибыл туда и стал сам собирать налоги с окрестных деревень. Тогда кайтагский уцмий отправил против Сурхая своего сына Ханмурада. В происшедшей стычке стороны потеряли около 200 человек, после чего уцмий и Сурхай помирились¹⁸.

В начале 1724 г., пользуясь отсутствием Гаджи Давуда, сын кайтагского уцмий захватил власть в Шемахе и стал временно управлять городом вместе с находившимся там турецким пашой Османом¹⁹. Вскоре права на управление Ширваном получил и Сурхай-хан, находившийся в Кабале²⁰. Дербендский наиб Имам Гули-бей в письме к Петру I от 19 марта 1724 г. по этому поводу сообщал, что Сурхай с младшим шамхалским сыном и уцмием подчинили Шемаху, «...при том всякие зборы в Шеки и Кабале, ..збирают»²¹. По сообщению Имам Гули-бея, Сурхай, уцмий и младший сын шамхала с многочисленным войском напали на шахсеванов, однако потерпели от них тяжелое поражение.²² На помощь к шахсеванам выступил с 7000 воинами и астаринский Муса-хан²³. После, этого, по некоторым сведениям, сын кайтагского уцмий в январе 1724 г., разорив Мугань, уехал в свои владения в Дагестан²⁴, а по другим источникам, он, «ограбив шахсеванов, отправился в Карабах»²⁵.

После отъезда сына уцмий и сына шамхала вся полнота власти в Шемахе на несколько месяцев сосредоточилась в руках Сурхай-хана казикумыкского. Источники свидетельствуют о том, что сам Сурхай-хан находился в Кабале, а в Шемахе назначил управлять своего наиба.

Междоусобицы и борьба за власть в Ширване принесли много бед населению. Каждая из противоборствующих сторон расправлялась не только со сторонниками своих соперников,

но и с мирными жителями, не оказывавшими им сопротивления. Не случайно, многие сельские жители в это время в страхе покинули свои жилища. Так, 25 марта 1724г. в Баку при были из деревни Стожали Шабранского махала некоторые

114

«мужики», которые рассказали, что Садык юзбаши пришел к ним в деревню и сказал, что войско Гаджи Давуда уже в Худате, и он грозит «вырубить» стожалинцев за то, что якобы они помогли Сурхаю овладеть Шемахой. Поэтому стожалинцы покинули свои жилища и обратились с просьбой поселить их в Баку или в его окрестностях²⁶.

Политические неурядицы, междоусобные столкновения были настоящим бичом для народа. Любой временщик, пришедший ненадолго к власти, самовольно собирал налоги в свою пользу, вернее, грабил население. Дербендский наиб Имам Гули-бей по этому поводу писал: «понеже владение без владетеля, кто хочет по желанию своему владеет и едят народ божий».²⁷ Зато владетельные феодалы богатели. Так, по сведениям одного источника, в 1724 г. Сурхай отправил в свои дагестанские владения из Шемахи, Мугана, Карабаха и других мест, помимо шелка и других ценностей, 8 верблюжьих выюков денег и золота.²⁸

К 1725 г. Гаджи Давуду удалось в определенной степени укрепить свою власть в Ширване. Он уже стал подумывать о полном вытеснении русских войск из пределов Азербайджана и просил у гянджинского паши военной помощи, обещая взять Баку и Дербенд²⁹. По нашему мнению, при этом он в основном преследовал иную цель: с помощью турецких войск расправиться со своими соперниками. Паша отклонил просьбу Гаджи Давуда, советуя ему обратиться к самому султану. Писал Гаджи Давуд и крымскому хану, чтобы тот в случае нападения русских на Ширван пошел со

своими войсками «позади российских войск и от Сулаку оных охватил».³⁰

Между тем, Сурхай-хан не прекращал свои происки против Гаджи Давуда. Он и его союзники—горские феодалы своими набегами на Ширван настолько беспокоили турецкие власти, что те, с целью закрыть дорогу на Ширван, начали

строить крепость Топкараган. Однако сторонники Сурхайхана—джарцы, напав на османские войска, разрушили эту крепость³¹. Чтобы нейтрализовать Сурхайхана, турки в 1727г. дали ему титул паши двух бунчугов с ежегодным жалованьем. Одновременно ему было вверено управление Кабалой. Но Сурхай, не довольствуясь этим, занял еще и Агдаш и только после этого присянул на верность Османской империи.³²

Это, естественно, сильно обеспокоило Гаджи Давуда, и он начал проявлять колебания в своей турецкой ориентации. Дело дошло даже до того, что паша начал сомневаться в

115

верности Гаджи Давуда Османской империи, подозревая его в расположении к России. Когда генерал Румянцев прибыл в Ширван в качестве комиссара России для разграничения, Гаджи Давуд с дарами хотел встретить его. Однако находившийся в Шемахе турецкий паша сначала запретил ему видеться с Румянцевым и «никакой коммуникации с посланником чинить не велел».³³ Правда, потом паша все же разрешил встречу Гаджи Давуда с Румянцевым, но тут уже Гаджи Давуд заподозрил, что этим паша хочет скомпрометировать его и добиться таким образом назначения на его место Сурхайхана. Основанием для такого подозрения явилось то обстоятельство, что как раз в это время от Сурхая к паше прибыл посланник. С другой стороны, паша задерживал у себя отправленные турецким двором шубы, сабли и другие подарки, не передавая их Гаджи Давуду. Посланник Сурхайхана даже заявлял, что паша просит Сурхая стать ханом шемахинским, а если Сурхай согласится, «то и Давуд-бека, сыскав какую вину, умертвит».³⁴

О колебаниях в ориентации Гаджи Давуда в какой-то мере свидетельствует тот факт, что племянник его, являвшийся юзбаши (сотником) в Шемахе, тайно сообщил Румянцеву, что если при разграничении владения Гаджи Давуда и его братьев окажутся в русской оккупационной зоне, то они не покинут своих жилищ и

попросят принять их в русское подданство. Имеется свидетельство и о том, что Гаджи Давуд отправил к Тахмасибу II послание, в котором выражал готовность служить ему. В ответном фирмане Тахмасиб указал, что после изгнания своих врагов из Шабранской и Мушкюрской провинций он отдаст их «навечно» Гаджи Давуду³⁵. Надо отметить, что Гаджи Давуд в период борьбы против сефевидов щедро раздавал народу обещания, однако после прихода к власти ничего существенного для улучшения его положения сделать не смог. Поэтому он потерял политическую и социальную опору в Ширване и был вынужден искать помощи извне.

Между тем и турецкие власти, выражавшие все большее недовольство Гаджи Давудом, тоже отказывали ему в поддержке. Так, 19 февраля 1728 г. реис-ул-киттаб в разговоре с Неплюевым сообщил, что Гаджи Давудом они недовольны, так как он не только ссорится с Сурхаем, но и

чинит препятствия разграничению, и поэтому они намерены его сменить.³⁶

Конечно, вышеизложенное не является истинной причиной недовольства османского двора Гаджи Давудом. В дей

116

ствительности оно было вызвано тем, что последний недостаточно беспрекословно повиновался указаниям османского правительства, стремился к самостоятельности и намеревался превратить Ширван в независимое государство. Что же касается сопротивления Гаджи Давуда разграничению, то он это делал с согласия и поощрения турецких же властей.³⁷

Из разговора с рейсом Неплюев понял, что турки собираются на место Гаджи Давуда ширванским ханом назначить Сурхай-хана казикумыкского. Неплюев возражал против этого, заявляя, что Сурхай, как и Гаджи Давуд, «люди возмутительные» и хорошо было бы, если «Порта мимо оных из тамошнего народа какую добрую персону избрала, было б сие к содержанию соседственной дружбу полезнее». ³⁸ Однако османское правительство твердо решило заменить Гаджи Давуда Сурхаем.

26 марта 1728 г. генерал Румянцев известил князя Долгорукого, что Сурхай стоит под Шемахой, а Гаджи Давуд собирает силы, чтобы помешать его вступлению в город.³⁹

Румянцев испрашивал у Долгорукого инструкции на тот случай, если Гаджи Давуд или его представитель вдруг попросят российской протекции, на что получил ответ, что если принятие Гаджи Давуда в российское подданство повредит отношениям с Турцией, то эту просьбу следует отклонить.⁴⁰

Во время беседы с Сары Мустафа пашой курьер русского командования Русевич задал ему вопрос: почему турецкие власти позволяют враждовать Сурхай-хану и Гаджи Давуду, хотя это не отвечает интересам Турции? Паша отвечал, что делается это преднамеренно, «чтоб они в ссоре между собою людей потеряли и тем силу свою ослабили».⁴¹ Русевич заметил, что турки с большей симпатией относятся к Сурхайхану. Так, турецкий комиссар Дервиш Мехмет ага, приехавший в Шемаху для прекращения споров, приказал Гаджи Давуду уступить Сурхай-хану Агдаш и Кабалу, однако тот отказался выполнить это указание. Русевич доносил: «И сим миром они оба недовольны». Сурхай-хан заявил Русевичу, что ни за что не откажется от Шемахи. Русевич также сообщал: «А ныне де они оба к паше великие суммы денег посылают: Сурхай для получения себе Шемахи, а Давуд — для удержания его».⁴²

Наконец, 6 июня 1728 г. Гаджи Давуд был низложен турецким правительством и вместе с семьей перевезен в Гянджу,⁴³ а Сурхай-хан после этого вступил в Шемаху⁴⁴.

117

По мнению А. Румянцева, османское правительство назначило Сурхая ширванским ханом потому, что он имел большое влияние среди горских феодалов и его владения граничили с территориями, входившими в зону русской оккупации. Румянцев, выражая свое недовольство назначением Сурхая ширванским ханом, писал своему правительству: «не уповаю дабы на него, Сурхая без противностей к стороне нашей произошло».⁴⁵

Надо отметить, что назначением Сурхая ширванским ханом были недовольны многие и в самом Ширване. Генерал Румянцев 16 июля 1728 г. писал в коллегию иностранных дел: «правлением ево (Сурхая.—Т. М.). Шемаха и протчие недовольны, который были из нашей порции, из Мушкюр, из Шепрани юзбаши и протчие знатные люди Дауд бека в Шемахе, ныне многие из Шемахи уехали и под высокую державу его императорского величества пришли, хотя он весьма их удерживал»⁴⁶. Османское господство не привело к существенным изменениям в аграрных отношениях. Как известно, в Азербайджане, как и на всей территории Сефевидского государства, земли подразделялись на государственные (аразий-едивани), династические (хассе или хассе-йи шерифе), частновладельческие (мульк), земли религиозных учреждений и духовенства (вакфы) и земли сельских общин (дж-амаат-едех или джамаат торпаги).⁴⁷ После захвата азербайджанских земель Османской империей дивани и хассе были зачислены в разряд земель «мири», т. е. султанских земель.⁴⁸ Османское государство прибрало к своим рукам земли местных феодалов, оказавших сопротивление турецким войскам, причем не только тиюльные, но и мюльки. Права тиюльдаров и мюлькедаров, проявивших лояльное отношение к Османской империи, были оставлены в силе. Более того, часть земель, перешедших в ведение османской казны, была передана в условное владение местным феодалам, оказавшим услуги османским властям. Очень часто турецкие воины, особенно янычары, становились владельцами имений и дворов на оккупированных землях. Об этом свидетельствует тот факт, что, когда в 1730 г. османское командование сдало Тебриз иранским войскам, расквартированные там янычары взбунтовались после того, как их лишили захваченных поместий.⁴⁹ Не случайно но состоявшемся в январе 1734 г. диване было выра

жено опасение по поводу бунта воинов, захвативших поместья и дворы в Картлии и Иреванском эялете⁵⁰.

Захват турецкими воинами дворов и имений во время оккупации был повсеместным явлением. Имеются также сведения о поселении в Азербайджане и сопредельных странах гражданских лиц из Османской империи.⁵¹

Турецкие военные власти раздавали земли и религиозным учреждениям. Например, в Ордубаде мечети Султана Мурада III было пожаловано имущество, состоявшее из 150 лавок одной бани и одного караван-сарая.⁵² Годовой доход мечети доходил до 27,5 тысяч акчи. Это была довольно большая сумма, если учесть, что доход, получаемый турецкой казной из Ордубадского нахийе, составлял всего 64 тысячи акчи⁵³. Имена, объявленные собственностью «мири», часто продавались турецкими властями, а в роли покупателей выступали и местные землевладельцы, и представители торгового сословия, и турецкие военные, и чиновники, и отдельные духовные лица.⁵⁴

Характер и основные направления социально-экономической политики Османского государства наиболее наглядно проявились в системе налогов.⁵⁵ Детальное исследование налоговой политики османов в Азербайджане в 20—30-х годах не входит в нашу задачу, поскольку, как было отмечено во введении, этот вопрос освещен в известной степени в советской и азербайджанской историографии. Поэтому мы, не вдаваясь в подробности, постараемся воссоздать лишь общую

картину османской налоговой системы в 20—30-х гг. XVIII в. Как отмечают исследователи военно-феодальный характер османской системы управления в определенной степени обуславливал жесткость налоговой политики.⁵⁶ Подчинив себе тот или иной район, османские власти проводили там перепись населения, т. е. составляли подробный реестр (дефтери муфассал), где фиксировались численность населения, количество земли, доходы. На основании этих переписей составлялись кануннаме (законоположения) каждого санджака (провинции). В них указывались все налоги, взимаемые с населения, способ и время их сбора, кому именно они предназначались—государству или какому-то конкретному представителю феодального класса, различные налоговые льготы, предоставленные тем или иным группам населения.⁵⁷

Составление таких реестров преследовало фискальные цели. Все мужское население, достигшее совершеннолетия и годное по состоянию здоровья к трудовой деятельности, регистрировалось

в «дефтере» и на этих подданных тем самым возлагалась обязанность уплачивать указанные в реестре налоги и подати. В 1727 г. было завершено составление «пространных дефтеров» вилайета Гянджи, а в 1728 г.—вилайетов Ардебиль, Тебриз, Тифлис, Хамадан и санджака Нахичевань.⁵⁸

Согласно законоположению в Гянджинском вилайете с населения взимались следующие налоги:

1. Ушр—налог за пользование землей» в пользу землевладельца, взимался и при сефевидях, иногда его называли дахйак (в переводе с персидского—1/10 часть). Само название «ушр» в переводе с арабского также означает 1/10 часть. Другими словами, он должен был составлять 1/10 урожая. Ушр собирался натурой и деньгами. С каждого тагара⁵⁹ пшеницы—200 акча, а с тагара других зерновых культур—100 акча, с тагара риса—600 акча, с батмана грубого шелка—1200 акча.⁶⁰
2. Бахре—налог за пользование водой, в пользу владельца водных сооружений, составлял 1/5 часть урожая. Бахре взимался и при сефевидях. Он имел и другое название—малджахат. В том случае, когда владельцем земли и воды был один человек, ушр и бахре соединялись и объединенный налог назывался бахрой.
3. Ресми-баг—налог с садов, при сефевидях он назывался «багбаши» и составлял 1/10 часть урожая. Во время османской оккупации собирался деньгами, размер его был определен в 24 акча за 1 «донум»⁶¹.
4. Ресми бостан—налог с огорода за донум—60 акча.
5. Ресми-гован⁶²—собирался с крестьян-пчеловодов. Размер его был определен в 4 пара или 12 акча.
6. Ресми-роган—взимался с каждой дойной коровы или буйвола, размер его был определен в 4 пара или 12 акча.
7. Ресми-баннак—подушный налог с имевших земельный участок менее полчифта (1 чифт—это площадь, которую в течение дня можно было вспахать одной парой упряжных быков), или же с вовсе неимущих, но трудоспособных лиц. Размер его был определен в 40 акча.
8. Ресми-агнам—налог с- полукочевых скотоводов. При сефевидях назывался чобан-беги. Взимался за пользование принадлежащими казне летними (яйлаг) и зимними (кышлаг) пастбищами, с полuosедлых крестьян, зани

мавшихся скотоводством, и с тех племен, которые не числились маафами. Согласно законоположению, размер его был определен в 2 пары или бакча.

9. Ресми-динг⁶³—выплачивался владельцем динга в размере 300 акча.

10. Ресми-асияб—налог за мельницу, который владелец выплачивал в пользу феодального правителя. Размер его был определен в 1 гуруш.

11. Ресми-испендже—подушный налог взимался с каждого подданного, независимо от того, имел он землю или являлся безземельным, был холостым или женатым. Размер этого налога был определен в 120 акча, он соответствовал существовавшему при сефевидях «серанэ», «башпулы» (букв.—поголовный).

Как видим, основные налоги, взимавшиеся с населения при сефевидях в Гянджинском вилайете, были сохранены. Одновременно были отменены некоторые налоги, в том числе такие как ресми-арусане—налог за невесту» тапуйи—замин —налог за участок земли, невспаханной из-за нахождения на нем подсобных сооружений и зданий, бади-хова—подушный налог. На некоторое время был отменен и ресми-беннак. Отменяя те или иные налоги, османское правительство исходило из фискальных соображений, полагая, что такие нормы в какой-то степени повысят платежеспособность населения. При обложении налогами некоторым слоям населения делалась скидка. Как видно из пространной книги Нахичеванского санджака, османские власти освободили от уплаты налогов женщин и детей, стариков и инвалидов, больных, а также людей умственного труда.⁶⁴

Таким образом, из законоположения вилайета Гянджи видно, что Османская империя ввела здесь такую налоговую систему, при которой часть налогов, собираемых при сефевидях, была сохранена, а часть—заменена османскими налогами.

Что касается других областей Азербайджана, включенных в состав Османской империи, то об изменениях в их налоговой системе, существовавшей в период сефевидов (исключая Казахский санджак, входивший в состав Гюрджистанского вилайета, где была введена османская налоговая система), в исторических источниках сведений не имеется.

В санджаке Казах население платило «ресми-агнам», «беннак», «испендже», «бади-и хова», «ресми асийаб», «ресми-и

арусане), «ресм-и бостан», «ресм-и гован», «ресм-и рогат. «тапу-йи-замин» и др.—всего 16 видов налогов и податей⁶⁵. Здесь ставка «испендже» колебалась от 75 до 135 акча, «ресм-и асийяб» составлял 120 акча за мельницу, действующую круглый год; «ресм-и арусане» со вступающей в брак девушки-мусульманки составлял 60 акча, со вдовы—30 акча; если в брак вступала девушка-немусульманка, то взнос составлял 30 акча, а со вдовы—15 акча.⁶⁶

Окладные, т. е. стабильно взимаемые налоги и подати с крестьян, делились на две группы. Первую составляли так называемые шариатские налоги (текялиф-и шерие), размер которых определялся предписаниями ислама, что в некоторой степени ограничивало произвол чиновников фиска и местных феодалов. Вторую группу налогов составляли сборы, взимаемые на основе традиций и обычного права (текялиф-и орфие). В их число входили крестьянские подати, размер которых менялся в зависимости от местности.

Кроме окладных налогов, размеры которых были точно определены, во время нахождения Азербайджана в составе Османской империи существовали и неокладные, т. е. чрезвычайные налоги и повинности, размеры которых были нестабильными. При сефевидях неокладные сборы были объединены под названием «ихраджат», куда входили «алафе» (букв. «фураж», «корм») для верховых и вьючных животных войска или феодального ополчения, а также провиант и продовольствие для воинов; «кональга» (букв.«ночлеп») — «право постоя» для иностранных послов, шахских гонцов, чиновников, знатных людей и важных чинов в домах райятов. При этом последние были обязаны кормить своих постояльцев, их свиту, слуг и лошадей. Иногда к этому добавлялась еще обязанность райята преподносить квартировавшим у него воинам «подарок». Последний получил в народе насмешливое прозвание «диш-киреси» (азерб.— «награда за зубы»), т. е. «награда» воинам за то, что они доставили себе труд есть даром чужой хлеб. Существовала также такая подать, как «улаг» (монгол, и чагатайско-узбекское, буквально: домашнее животное для перевозки тяжестей) — предоставление райятами по требованию начальников почтовой службы почтовых и курьерских лошадей от одной почтовой станции до другой⁶⁷.

Что касается торговых пошлин и сборов, то они были полностью сохранены в прежней форме. В таможенных пунктах взимали пошлины (гемрюк) или рахдари (букв. за охрану торговых путей).

122

С товаров, доставленных на рынок, взимали «ресм-и гапан» (сборы за весы) и «худдамийе» (сбор за обслуживание).⁶⁸ С каждого лошадиного вьюка с маслом, салом для свечей (мум), медью взималось по $\frac{1}{2}$ аббаси, с рисом—8 пара, с пшеницей, ячменем, мукой, просом— $3\frac{1}{2}$ пара, с шелковых тканей (гумаш), меда, сукна и суконной одежды (сика), олова, свинца, подков, чернильного орешка, марены, кишмиша, льна, шерстяных носков—7 пара, с дагестанской шали и япунчи—14 пара. Кроме того, с перечисленных товаров брали с лошадиного вьюка 1—2 пара за взвешивание (гапандар).⁶⁹

Если продаваемый шелк составлял меньше 4-х батманов, то за каждый батман с покупателя взималось 13 пара, если же более 4-х батманов—16 пара. Если покупаемый шелк составлял 1 дивани тюк (236,4 кг) за него бралось 22 гуруша, если же тюк весил на 1—2 батмана меньше, бралось 32 пара за каждый батман; если покупаемому шелку нехватало до дивани тюка 12 батманов, взималось 75 дирхам или 1 гул (23,16 кг) шелка⁷⁰.

Для пополнения казны османское правительство пользовалось и такими мерами, как, например, штрафование в крупных размерах «нарушителей закона».⁷¹

В некоторых случаях турецкие власти отдавали в аренду («муката'а») сбор налогов. Например, в Нахичеванском санджаке было отдано в аренду право на сбор налогов с виноградных садов.⁷² Для отдачи земли в откуп устраивались публичные торги. Лицу, получившему право сбора налогов с определенных налоговых единиц или районов, выдавался специальный документ, в котором указывалась ежегодная сумма, которую арендатор должен был вносить в казну. После уплаты установленной суммы кади⁷³ эялета на обратной стороне

документа («себеб-и тахрир-и хюкум») заверял своевременную уплату установленной суммы.⁷⁴

В период османской оккупации в Северном Азербайджане были в употреблении одновременно как бывшие сефевидские меры веса, так и османские денежные единицы. Имеется сведение о чеканке османских монет в Гяндже.⁷⁵ По султанскому указу «силахдар катиби» Яшеллизаде был назначен тебризским дефтердаром и откомандирован в Тебриз для организации монетного двора и контроля над его деятельностью. Было решено скупать динары, драгоценности, серебро для чеканки «султани алтун».⁷⁶

Военные действия Османской империи и России в Азербайджане и последующий раздел территории страны между

123

этими державами нанесли огромный ущерб внутренней и внешней торговле. Особенно тяжело отразилось на экономике страны искусственное отторжение прикаспийских провинций, являвшихся морскими воротами Азербайджана. Понимая значение торговых связей между прикаспийскими провинциями и другими частями Азербайджана, русские власти старались восстановить эти связи. Так, в начале 1724 г. на переговорах между русскими и турецкими представителями был затронут этот вопрос. И. Неплюев заявил, что русские коменданты в Баку и Дербенде предложили представителю Османской империи в Шемахе Али-бею, чтобы купцы могли свободно переезжать из одной оккупационной зоны в другую⁷⁷. Однако сераскер турецких войск в Грузии Ариффи Ахмет паша доносил турецкому правительству, что «оное купечество ныне небезопасно отправлять», так как границы между Россией и Турцией окончательно не установлены и жители многих местностей еще не знают, какому государству подчиняться, а по-

тому ведут себя самовольно; в связи с этим, как русские купцы в окрестностях Шемахи, так и шемахинцы—близ городов, входивших в русскую зону, не были застрахованы от неприятностей—ограблений и т. п.⁷⁸ Исходя из этих соображений, великий везир предложил Неплюеву предупредить русских комендантов в Баку и

Дербенде, чтобы они запретили жителям этих городов «ныне для вышеупомянутых причин с Шемахою купечество иметь»⁷⁹.

Неплюев обещал написать русскому двору, чтобы купцам приказали пока в Шемаху не ездить. Вместе с тем, он заявил, что между российскими комендантами и турецким шемахинским комендантом можно наладить переписку о «пресылки по пригодности и проезд людям обоих стран невозбранное»⁸⁰.

28 февраля Неплюев писал генералу Матюшкину, чтобы тот приказал запретить выезд купцов из Баку, Дербенда и Тарку в Шемаху и въезд шемахинских купцов в указанные города до особого указа царя.⁸¹

Впоследствии турецкими властями были приняты некоторые меры для оживления торговли. Например, Ариф Ахмет паша после занятия Иревана писал правительству, что если р. Араке и впадающую в нее р. Зенги очистить и сделать пригодными для судоходства, то можно открыть навигацию от Каспийского моря до самого г. Иревана. Турецкое правительство сразу же приняло ряд мер для очищения рек.⁸² Уже в 1724 г. русло р. Арпачай было приведено в пригодное для судоходства состояние⁸³. В г. Ордубаде на

124

р. Араке был построен мостик (искеле), который приносил турецкой казне немалый доход—12 тысяч акчи в год.⁸⁴ Турецкие власти расширили транзитную торговлю шелком через свои владения, введя более умеренные таможенные тарифы. Например, в 1729 г. в Тебризе был заключен договор между пашой и группой купцов, по которому с шелка, привозившегося из Гиляна в Тебриз, а оттуда в Турцию, следовало брать пошлину в Ардебиле с верблюжьего вьюка (пары)—4 куруша, в Тебризе—18 курушей, в Серабе же, Меренде, Чорсе, Мараги, Союджулаке и других местах, где надлежало брать рахдари, решено было пошлину не взимать.⁸⁵

Не все слои населения Азербайджана одинаково подвергались налоговому обложению. Некоторым, в частности суннитскому духовенству, были предоставлены большие льготы и оказывалось покровительство османскими

военными властями. Так, в фирмане турецкого султана на имя Али Султана—шекинского правителя—от зулкаде 1135 г. х. (август 1723 г.) последнему предписывалось оказывать постоянно «почтеннейшему духовенству должное уважение».⁸⁶ Такое отношение османского правительства к духовенству было не случайным и диктовалось необходимостью иметь социальную опору в Азербайджане.

Данные о годовом объеме податей и повинностей, взимаемых турецкими властями с азербайджанских земель, крайне скудны и отрывочны. В Казахском санджаке, где всех налогоплательщиков насчитывалось 1417 человек, причем четверть из них составляли мало-и безземельные крестьяне, годовой доход составлял 1 030 610 акчи. Таким образом, средняя сумма налога с крестьянина равнялась 723 акчи. Илаты платили примерно вдвое меньше.⁸⁷

По сведениям, переданным турецким казначейским чиновником русскому курьеру в Стамбуле—Сенюкову, с Тебриза и Тебризской провинции в казну поступало 700 кисе (мешков) денег в год⁸⁸. Если учесть, что каждый кисе содержал 300 рублей, то получается солидная сумма—210000

рублей. Однако следует отметить, что в период правления сефевидов сумма налогов была значительно выше. Это не было связано с уменьшением налоговых ставок, а явилось результатом резкого сокращения продукции земледелия, ухудшения положения различных слоев населения, прежде всего крестьян и городского люда. Платежеспособность населения резко

уменьшилась в результате разрушительных военных действий, грабежей и бесчинств. В некоторых случаях целые деревни и махалы пустовали и не с кого было взимать налоги, в других случаях налоги не удавалось собрать из-за неподчинения населения. По тем и другим причинам в середине 20-х годов XVIII в. в

Гянджинском эялете не были собраны налоги с нахийе Бергюшад, Кафан, Чалаберд, Дизак, Чавундур, Евлах, Барда.⁸⁹

Помимо налогов, правители областей должны были преподносить султанам (особенно при их смене) и их посланникам дорогостоящие подарки. Например, прибывшему в Шемаху в конце 1730—начале 1731 г. посланнику султана—Мир Ахундбаши Сурхай-хан подарил 8 лошадей с серебряными мундштуками и уздечками, по 8 ружей и сабель, 5000 рублей денег, 8 юношей и 8 девушек.⁹⁰ По случаю восшествия на престол нового султана Махмуда гянджинский правитель Ибрагим паша отправил ему 25 000 рублей.⁹¹

Народные массы страдали и от неразберихи, царившей в деле взимания налогов. Бывали случаи, когда на сбор налогов с одного и того же места претендовали два сборщика. Например, весной 1726 г. хамаданский Гамад паша послал в Марагу своих людей для собирания налогов. Услышав об этом, тербизский Абдулла паша в свою очередь велел своим налогосборщикам в Мараге собрать подати и потребовал от Гамад паши, чтобы тот с Тебризской провинции никаких сборов не взимал. Тяжба между упомянутыми пашами по этому поводу продолжалась долго⁹².

Обычно значительную часть собираемых доходов оставляли себе правители областей в виде жалованья. Например, Абдулла паша оставлял себе 1/3 всей взысканной с Тебризского эялета суммы.⁹³

Значительную часть средств местной казны, накопленных за счет налоговых сборов с податного населения, поглощали расходы на содержание османских войск. С каждым годом расходы на содержание османской армии возрастали. Например, если жалованье воинов гянджинского гарнизона в 1725 г. составляло 31 075 курушей, то уже в следующем году расходы на эти цели повысились более, чем в три раза, составив 100 тысяч курушей.⁹⁴ Немало средств шло и на укрепление стратегически важных пунктов (особенно крепости Гянджа). К началу 1726 г. в Гяндже вокруг ханского двора была построена 4-башенная крепость, общий периметр стен которой составлял 100 сажен. На каждой, башне было 3 или 4

медных и чугунных орудия, а внутри крепости имелось еще 20 чугунных и медных орудий⁹⁵

В 1725 г. с целью укрепления Тебриза была начата постройка крепости около мечетей Узун Гасана и Мехди Сахибза-Замана длиной в 1000 зераи и шириной в 800 зераи.⁹⁶ Построенная крепость имела форму треугольника и ее периметр был равен одной русской версте. Крепость окружала внутренняя стена, которая была построена из камня и жженого кирпича, и наружная—глиняная. В крепости было 8 больших и 4 маленьких ворот⁹⁷. Ширина крепостных стен составляла 2 аршина. Постройкой крепости руководил немец, находившийся уже 20 лет на турецкой службе.⁹⁸

Примечательно, что этот немец тайно сообщил посетившему его русскому курьеру Сенюкову, что бывший тебризский сераскер Абдулла паша писал турецкому двору о малочисленности русских войск в Гиляне и просил разрешения занять его, но турецкое правительство посоветовало еще подождать.⁹⁹

По имеющимся сведениям, весной 1729 г. в Ардебиле поспешно велись работы по строительству крепости и для этой цели из Тебриза привезли 400 рабочих.¹⁰⁰

Настоящим бичом для населения Азербайджана были бесчинства янычар. Тот же Алмухаммед рассказывал, что в Тебризе скопились караваны, которые хотят ехать в Гилян, но опасаются, что янычары разграбят их в пути.¹⁰¹

Правящие круги Османской империи пытались покончить с произволом своих воинов. Было запрещено превращать в рабов шиитов, а также разрешено жителям трехсот деревень, бежавшим из махалов Сурмели, Шурагел, Абаран и др., вернуться на свои родные места¹⁰².

Однако властям не всегда удавалось держать в узде своих вышедших из повиновения воинов. Например, упоминавшийся нами Алмухаммед рассказывал, что янычары требовали от Абдулла паши разрешения ограбить два местечка—Уську и Сердари, где проживали покинувшие Тебриз

городские жители.¹⁰³ Получив отказ паши, янычары захотели «тебризских жителей разграбить», чему паша также воспрепятствовал. В начале сентября 1729 г. в Тебризе произошел бунт янычар, причиной которого послужил указ паши: «не пленять персиян и не продавать»¹⁰⁴. Предводители янычар, убив ночью двух воинов, бросили их тела в центре города обвинив в этом городских жителей и требуя мщения, что в действительности означало бы повод для грабежей и мародерства. Тебризский сераскер Хаджи Мустафа паша, разгадав

эту провокацию, не дал своего согласия. Тогда янычары, подняв бунт, хотели убить пашу, который спасся, укрывшись в замке.¹⁰⁵ После этого паше пришлось дать волю янычарам, которые «ограбили оставших обывателей, жен и детей пленили»¹⁰⁶. Бесчинства, убийства и грабежи янычар в Тебризе продолжались и в дальнейшем. В одном архивном документе говорится, что в конце 1729 г. в Тебризе янычары искали предлога, чтобы грабить и убивать жителей¹⁰⁷.

На оккупированных азербайджанских землях османские подати и повинности существовали параллельно с сефевидскими. Азербайджанские феодалы в основном продолжали пользоваться, правда с ограничениями, своими правами и были зависимы от османской власти, главным образом, в вопросе уплаты податей и отчасти выполнения военных повинностей. В полунезависимом Ширванском ханстве турецкое правительство вообще не предпринимало сколько-нибудь серьезных попыток внедрить османские социально-экономические порядки.

ГЛАВА V

ПРИКАСПИЙСКИЕ ПРОВИНЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНА
В ПЕРИОД РУССКОЙ ОККУПАЦИИ (1722—1735 гг.)

Границы российских завоеваний проходили в Азербайджане на расстоянии 18 часов верховой езды от моря, т. е. в 100 верстах западнее Дербенда и в Гиляне примерно в 124 верстах к юго-востоку от г. Решта.¹ Ширина приморской полосы, оккупированной русскими войсками, составляла от 50 до 100 верст.

В 1727 г. в русскую оккупационную зону входили следующие города и местности: — Дербенд и его окрестности, составлявшие территорию бывшего Дербендского султанства, границы которого проходили от реки Самур на севере до реки Дарбаха (в 15 верстах от Дербенда), в 5—8 верстах к западу от Дербенда. Правда, И. Г. Гербер пишет, что Мушкюрский, Ниязабадский, Рустовский и Бармакский махалы подчинялись дербендскому султану.² Однако на самом деле их правители подчинялись ширванскому бейлербею и лишь во время военных действий они со своими ополчениями, так же как и кубинский хан и табасаранский кадий, должны были входить в войско дербендского султана. Дербендское султанство управлялось султаном, назначаемым шахом, а сам город—наибом.³ После занятия Дербенда русскими войсками султанство было ликвидировано и на его месте образована Дербендская провинция, управлявшаяся комендантом, назначаемым из числа русских офицеров. Первым комендантом Дербенда был полковник Юнгер. Во главе же гражданских властей провинции стоял дербендский наиб;

— Кубинское владение, находившееся южнее Дербенда. В отличие от Дербенда и Баку, здесь не была учреждена должность российского коменданта и вся полнота власти осталась в руках хана. Однако кубинский хан, находившийся под русским протекторатом, обязан был по требованию русских властей предоставлять в их распоряжение определенное количество войск.⁴ Во время восстания под руководством Гаджи Давуда жители Кубинского ханства разделились на две группы: одна присоединилась к Гаджи Давуду, а другая— сохранила верность хану Султан Ахмеду, который, однако, вскоре был убит Гаджи Давудом или по его наущению;⁵

—Рустовский махал, расположенный в горах южнее Кубинского ханства, на юге граничил с Шемахой, а на востоке—с Шабраном. Гаджи Давуд в 1724 г. построил в этом махале крепость Тенга на одноименной речке, на склоне крутой каменной горы и укрепил подходы к крепости каменной стеной⁶. Хотя большая часть Рустовского махала согласно разграничению должна была отойти к России, Гаджи Давуд с согласия османских военачальников, надеясь на построенную им крепость, решил не впускать сюда русские войска. Однако последние, применив силу, все же вытеснили Гаджи Давуда из названной крепости и разместили там небольшой гарнизон. В Рустовском махале было 30 деревень, насчитывавших до 675 домов;⁷

—Шешпаринский 'махал', расположенный северо-западнее Рустовского махала;

—Ниязабадский махал управлялся зависимым от дербендского султана даргой. После занятия русскими Ниязабада, там на берегу реки Низовой была построена небольшая крепость;

—Мушкюрский махал управлялся даргой, подчинявшимся дербендскому султану; он был расположен в равнинной части прикаспийской полосы, между реками Самур и Велвели (Ялама). После занятия махала русскими в деревне Дедели был расквартирован отряд российских войск;

— Бешбармагский махал доходил до моря. Он управлялся юзбаши, который подчинялся дербендскому султану; —Бакинская провинция включала в себя территорию бывшего бакинского султанства. При сефевидях бакинский султан подчинялся ширванскому бейлербею, который начал в городе своего наместника—наиба. Как отмечалось выше, бакинский султан оказал сопротивление русской армии, за что был арестован вместе со своими братьями и выслан в Россию. Высшая военно-административная власть перешла в руки русского коменданта. Первым комендантом города был бригадир Барятинский. Юзбаши Дергах Гулибей был назначен наибом, его власть распространялась и на села в окрестностях Баку. Вскоре он стал бакинским султаном

Однако после того, как властями было раскрыто готовившееся в 1724 г. антирусское выступление, Дергах Гули покинул Баку и султанство было

ликвидировано. Впрочем, в 1727 г. Дергях Гули вновь вернулся в Баку и был восстановлен в своей должности. После его вторичного ухода в 1730 г, бакинское султанство снова было упразднено и при возвра

130

щении в 1732 г. Дергях Гули уже так и не был восстановлен в своей должности;⁹

—Сальяны. Высшая военно-административная власть в этой провинции находилась в руках командующего русскими войсками Куринского округа. По приказу командующего генерала Шипова (ум. 12 сентября 1727 г.) на южном берегу р. Куры, в Сальянах, было построено укрепление, называемое в источниках Екатеринбургом или Межигорским двором; — Джавад. Находился при впадении Аракса в Куру. Подати с махала, собираемые старшинами и юзбаши, отправлялись отсюда в Сальяны и Баку;¹⁰

—Муган. Население Муганской степи, основным занятием которого было отгонное скотоводство, в 1728 г. Приняло российскую протекцию¹¹.

К другим азербайджанским территориям, отошедшим к России, относились:

—Кызылагач; управлялся султаном. — Ленкорань; управлялась ханом.

—Астара; управлялся ханом.

— Уджаруд (вблизи г. Ардебиля); управлялся султаном. Не все территории Азербайджана, отошедшие к России по трактату 1724 года, были заняты русскими войсками. Так, не подчинились русским жители вольного джамаата Алтыпара. Русское командование, учитывая малопродуктивность этой местности и опасаясь встретить ожесточенное сопротивление жителей, решило не подчинять их силой оружия.¹²

Русские власти сохранили прежнее административно-территориальное управление в прикаспийских провинциях, лишь передав верховную военно-политическую власть в них рус-

ским офицерам. В инструкции бригадиру Левашову от 16 сентября 1723 г. по управлению Рештской провинцией говорилось:

«1. Власть и правление Визирское взять на себя.

2. Управителей выбери, где возможно русских, а где невозможно без их народа, выбери тутошных людей добрых жителей...».¹³

После занятия Баку верховное управление прикаспийскими провинциями было поручено генерал-лейтенанту А. Матюшкину. В его отсутствие заменял его генерал-майор Кропотов.¹⁴ Комендантами отдельных гарнизонов были: в Баку—бригадир Барятинский, в Дербенде—полковник Юнгер, в Куринской крепости с 11 октября по 9 декабря 1726 г.—генерал-поручик фон Штоффер.¹⁵

Матюшкина на посту верховного главнокомандующего в Прикаспье сменил генерал-фельдмаршал Долгорукий. В его

131

отсутствие в прикаспийских провинциях севернее р. Куры его обязанности исполнял генерал Румянцев, находившийся в Дербенде. В конце 1726 г. генерал-поручик фон Штоффер умер, на его место начальника войск, находившихся в устье р. Куры, был назначен бригадир Шипов (ум. 12 сентября 1727 г.), а после него—полковник Киселев¹⁶.

В связи с возвращением в 1728 г. Долгорукого в Москву, командование войсками в Гиляне и Астаре вновь было поручено генералу Левашову. Управление провинциями, начиная от крепости Св. Креста до р. Куры, включая Сальянскую провинцию, а также Муганскую, Шахсеванскую и Мазаригскую степи, было возложено на генерала Румянцева.¹⁷

В 1730 г. А. Румянцев был отозван в Москву и верховное командование всеми войсками в Прикаспье от Гиляна до р. Терек было поручено генералу Левашову. Командующим войсками в Гиляне стал Е. И. Фомицын, а в Ширване генерал-майор Томас Венедигиер.¹⁸

При русском владычестве в прикаспийских провинциях административное деление на махалы и нахийе было сохранено. Управление ими находилось в основном в руках азербайджанских феодалов, принявших российское подданство, но лишь иногда эти должности занимали русские

офицеры, как, например, было в Шабранском махале¹⁹. Махалы иногда делились на нахийе, состоявшие из нескольких деревень и возглавляемые юзбаши (сотником). Во главе деревни стоял староста—«кетхуда» или «кевха».²⁰ Юзбаши при сефевидях получали жалованье от 200 до 500 руб. в год.²¹

Поступавшим на ооссийскую службу назначалось определенное жалованье. Например, по указу Петра I от 8 января 1724 г. предусматривалось выплачивать деобендскому наибу годовое жалованье 1000 руб., юзбаши и другим служителям (всем вместе)—1000 руб., рядовым—600 человек каждому по 5 руб. и по 5 четвертей хлеба.²²

Из письма бакинского управителя Дергах Гули видно, что селитряные заводы были отданы ему на откуп за 1000 рублей; из этих денег он передавал в казну всего 200 рублей, а остальное оставлял себе в качестве жалованья.²³

В период русской оккупации за владельческими азербайджанскими феодалами были сохранены их многие прежние права и привилегии. Например, кубинский хан сохранил за собой подтверждение права маафства подданных. Из фирмана Гусейн Али-хана, относящегося к месяцу зильхидже 1139 г. х. (с 20 июля по 18 августа 1727 г.), видно, что он

132

подтверждал жалование права коллективного маафства сельской общине Худат.²⁴

В сентябре 1726 г. Румянцев выражал свое опасение по поводу того, что если верховное управление российской частью Ширвана поручить Имам Гули-бею, то от этого будет мало прибыли, так как «наиб по прежнему их обычаю раздаст ей своим узденям».²⁵ Это свидетельствует о том, что дербендский наиб имел право раздавать земельные участки своим

подчиненным. Должности владельцев азербайджанских феодалов, оставались наследственными, как и при сефевидях, причем малолетним наследникам назначали опекунов. Так» когда в 1728 г. умер дербендский наиб Имам Гули-бей, его девятилетний сын Мухаммед Хусейн был назначен наибом, а через 2 года

объявлен дербендским ханом. Опекунами при нем состояли Мухаммед Юзбаши и Мустафа-бей.²⁶

По мере завоевания прикаспийских провинций русское правительство приступило к укреплению существующих крепостей и строительству новых, увеличению в них воинского контингента. Согласно плану Петра I, предполагалось силами местных жителей за десять лет построить в Дербенде каменные стены и гавань. Впоследствии решено было ускорить и сооружение крепостных стен Дербенда и с этой целью отправить туда рабочую силу, набранную в России, но состоявшую в основном из представителей неславянских народов. В записке Петра говорилось об отправке в прикаспийские провинции 500 татар, из них—половину в Баку, другую половину—в устье р. Куры; 200 черкесов—в Дербенд; 2500 черкесов—в крепость Св. Креста.²⁷

Петр I распорядился также об отправке в Дербенд 1200 казаков и более двух батальонов пехоты. По его указу началось строительство земляной крепости, которая должна была защищать дербендскую пристань.²⁸

Осенью 1725 г. на постройке крепостных стен Дербенда и гавани были заняты 2 510 человек, в том числе—1 340 украинских казаков. Для ускорения работ генерал Матюшкин требовал прислать из России еще 6 тысяч каменщиков, 700 кузнецов с инструментами и подсобных рабочих, чтобы можно было закончить строительство к весне 1726 г.²⁹ Надо заметить, что русские власти плохо заботились об этих рабочих и они влачили жалкое существование «без одежды и обуви», страдая от голода³⁰. Крепости и укрепления были построены также в Астаре, Ленкорани, Мюшкуре и других местах.³¹

Первоначально Петр I хотел основным опорным пунктом российских войск в Прикаспье сделать Баку, однако потом, узнав, что окрестности города бедны кормом и дровами, изменил свое решение. В 1723 г. в новой инструкции он поручил генералу Матюшкину, взяв с собой капитан-поручика Соймонова, отправиться к устью р. Куры и выбрать место для постройки большого города там.

Петр I советовал до начала строительства временно построить небольшую крепость, рассчитанную на гарнизон в 300 солдат, чтобы исключить возможность захвата этой местности османскими войсками.³² Планировалось также превратить впоследствии эту крепость в крупный центр, через который осуществлялась бы торговля с грузинами и армянами, для налаживания чего намечалось использовать р. Куру.³³ 23 октября 1725 г. Верховный Тайный Совет постановил К

для постройки указанной крепости в устье р. Куры направить инженера, генерал-майра Дебрины, поручив ему также составить карты прилегающих берегов Каспийского моря.³⁴

Дебрины поручалось, взяв с собой инженеров и проводников, подробно описать, и сделать чертежи всех крепостей и гаваней, а также крупных рек, впадающих в Каспийское море.³⁵ Дебрины должен был составить по два чертежа каждой планируемой крепости и поручить местным командирам начать строительство по этим чертежам.³⁶ Рекомендовалось использовать при этом местные материалы, поскольку из-за дальности расстояния везти их из России было невыгодно.³⁷ В октябре 1726 г. было начато строительство крепости³⁸ в устье р. Куры.³⁹ Видимо, уже в 1727 г. крепость была в основном готова, т. к. это время в ней размещалось три полка солдат.⁴⁰ Однако из-за нездорового климата в том же году много солдат умерло, и в 1728 г. генералу Румянцеву было приказано оставить в устье р. Куры небольшой отряд под командованием капитана Козлова, а остальных перевести в Астарту⁴¹ Придя к заключению, что из-за неблагоприятного климата строить большой город в устье р. Куры нецелесообразно, русское правительство снова обратило свое внимание на Баку.

Стремясь превратить прикаспийские провинции в сырьевой придаток России, Петр Гудеял большое внимание экономическому освоению захваченных территорий и строил в отношении их широкие планы. Так, будучи в Дербенде, он был восхищен местными виноградными посадками и, желая улучшить здесь виноделие, приказал выписать опытного

мастера из Бенгрии. 22 мая 1723 г. им собственноручно были написаны пункты, в которых поручалось собрать сведения об ископаемых, в первую очередь—меди, а также о citrusовых

и других фруктах. Он дал также указание «сборы всякие денежные и всякую экономию в полное состояние привести»⁴².

Особое внимание уделялось добыче нефти на Апшероне. Сразу же после занятия Баку русскими войсками, 9 сентября 1723 г. Петр I в своем указе поручил генерал-лейтенанту Матюшкину: «Нефти белой несколько пуд вели взять из Баки и пришли к нам или сам привези».⁴³ Некоторое время спустя, 23 мая 1724 г. Петр I писал ему же: «Белой нефти выслать тысячу пуд или сколько возможно».⁴⁴

Русская казна прибрала к своим рукам эксплуатацию нефтяных колодцев в Баку. Однако, чтобы склонить местных феодалов к сотрудничеству с русскими властями, им сдавали в аренду более мелкие колодцы.⁴⁵ В 1725 г. в окрестностях Баку было 48 пригодных для эксплуатации нефтяных

колодцев, из которых в сутки добывалось 4 710 батманов нефти, в год—1 718 150 батманов.⁴⁶ Кроме того, имелись колодцы белой нефти: из них пригодных—4, непригодных—3. Определить объем добывавшейся в них нефти очень сложно из-за разноречивости данных.⁴⁷

Нефть возили в город верблюдами, нагружая на каждого по 150 батманов. За наем одного верблюда платили 10 рублей. Черная нефть продавалась по цене батман за 4 рубля, белая нефть—батман за 19 с половиной рублей.

Как видим, продажа бакинской нефти стала доходной статьей, значительно пополнявшей царскую казну. Так, в период с 10 августа 1723 г. по 12 января 1725 г. доходы от продажи черной нефти составили 23 306 руб. 57 1/2 коп., а от продажи белой нефти—1 971 руб. 80 коп.⁴⁸

Поступления в русскую казну были бы еще больше, если бы не нестабильность политической обстановки. Так, Дергях Гули-бей после ухода из Баку в июле 1724 г., вселении Маштаги объединился с бывшим сальянским правителем Мухаммед Хусейн-беем, что сделало опасным и ненадежным сообщение с Баку.⁴⁹

Русское правительство дало указание генерал-лейтенанту Матюшкину не только обеспечить безопасность бакинских нефтяных колодцев, но и восстановить доходы с них.⁵⁰ Русские предприниматели надеялись заполучить в прикаспийских провинциях дешевое сырье не только для своих шелкоткацких, но и шерстяных мануфактур. Направленный с этой целью из России мастер суконной фабрики Григорий Шамы

кин нашел шерсть, годную для изготовления сукна, по цене; в Дербейде по 30—40 коп. за 1 батман (батман приравнялся к 14 русским фунтам), а в Баку по 10—15 коп. за батман. Если принять во внимание, что в Москве 1 фунт турецкой шерсти стоил 8 $\frac{1}{4}$. (т.е. батман стоил 1 руб. 15 $\frac{1}{2}$ коп.),⁵¹ то получается, что шерсть в Дербенде и Баку была дешевле, чем в Москве, соответственно в 3—4 раза и в 8—10 раз.

Царские власти рассматривали прикаспийские провинции как важный источник пополнения казны и поэтому старались собирать не только всю сумму ежегодных доходов, но даже недоимки за предшествующие годы. В частности, генерал Матюшкин писал Петру I, что раньше в течение 5 лет и 3 месяцев нефтяные, шафранные и прочие доходы в Баку были отданы на откуп за 50 тысяч руб. в год. Матюшкин не только намеревался в текущем году собрать эту сумму в полном размере, но даже хотел получить налоги за предшествующие 3—4 года, когда бакинский правитель оставлял эти доходы себе. Именно поэтому было описано имущество бывшего бакинского султана Мухаммед Хусейн-бея.⁵²

В окрестностях Баку были разбиты казенные сады. По указанию Петра I была создана шафранная плантация по европейскому образцу, с которой в 1724 г. было собрано 29 фунтов шафрана—всего на 29 руб. 20 коп.⁵³ В ведение казны перешло и хозяйство Мухаммед Хусейн-бея. Самое большое казенное садовое хозяйство в прикаспийских провинциях было организовано в Дербенде, где выращивались инжир, яблоки, груши, тут, слива, гранат и в большом количестве виноград. Здесь производилось также вино, называемое «чихир». Чтобы наладить создание виноградных плантаций и расширить производство вина, из Венгрии специально был приглашен известный виноделмайор Туркул.⁵⁴ Благодаря участию иностранных мастеров в Дербенде стали изготавливать улучшенные сорта белого и красного вина.⁵⁵ Уже к лету 1723 г. были готовы для отправки в Астрахань пробные вина, изготовленные опытными виноградарями—французом, венгром и австрийцем,⁵⁶ а к осени изготовлено 20 бочек белого и 2 бочки красного вина⁵⁷.

В казенном хозяйстве Дербенда большое внимание уделялось и выращиванию шафрана. Если в 1724 г. на казенных плантациях Дербенда было собрано, высушено и отправлено в Астрахань 119 фунтов или 8 батманов 7 фунтов шафрана,⁵⁸ то в 1728 г.—уже 13 батманов 5 фунтов.⁵⁹

Феодальные налоги и повинности, существовавшие при сефевидях, были сохранены российскими властями. Так, в Дербенде доход русской казны состоял главным образом из пошлин с ввозимых в город товаров и скота (1000—1100 руб. в год), с продажи вина (около 1 тыс. руб. в год) и продажи овощей с казенных огородов (30—50 руб. в год).⁶⁰

Доходы, получаемые русской казной с расположенных в окрестностях Дербенда деревень, по данным источников, слагались из малджахата (синоним бахре, дах-йек): с урожая пшеницы и ячменя, риса и прочих зерновых $\frac{1}{10}$ часть, шелка— $\frac{1}{5}$ часть; джутбаши (плата за плуг): за каждого быка платили по 50 копеек; чопбаши (за пользование летними и зимними пастбищами): в зависимости от площади выплачивали от 10 до 50 руб. Некоторые деревни поставляли лишь ручных соколов.⁶¹ Доходы казны в Сальянской провинции состояли из малджахата, налога с продажи соли, пошлины с ввозимых товаров, платы за откуп мелких лодок, из кочевых и подушных податей и др.⁶²

В Баку доходы поступали от продажи нефти, пошлинных и полавочных сборов с купцов, налогов с продажи соли, с селитряных заводов, податей, взимавшихся с жителей окрестных деревень.⁶³

В Мушкюре, Ниязабаде и других местах, отданных в управление команде бригадира Соймонова, доходы русской казны состояли из малджахата, поступлений с откупа марены, мельниц, конфискованных садов, рыбной ловли, платы за использование кишлаков (зимних пастбищ), с кочевников, пошлины с приезжающих купцов, красильщиков парчи, с продажи хлопчатобумажных изделий, производства шелка, табака (тютюнбаши), хлеба ($\frac{1}{10}$ часть), с торговли овощами и фруктами (морковь, лук, виноград, груши, персики), а также из мелких сборов: кутанбаши, барама, джутбаши, белбаши, кесма, хирбаши. Сумма хараджа в 1730 г. составила 10 877 руб. русской монеты и 240 руб. иранской монеты.⁶⁴

Жители Кубинского ханства не вносили налогов в русскую казну.⁶⁵ Во время русской оккупации в прикаспийских провинциях существовали и неокладные сборы: за выдачу паспортов, за выезд в Россию для торговли, штрафные за неуплату налогов в размере от 5 до 100 руб. (в 1729 г. только в Сальянской провинции были собраны штрафные на 369 руб. русской монетой и 25 руб. сефевидской монетой), описные, т. е.

137

конфискованные⁶⁶ В 1723—1725 гг. в Баку доходы казны от продажи конфискованного имущества жителей составили 5 238 руб. русской монеты и 1 121 руб. сефевидской монеты.⁶⁷

Часто сбор налогов и пошлин отдавался на откуп отдельным лицам. Например, как упоминалось выше, в Баку селитряные заводы были отданы на откуп за 1000 руб. Дергях Гули хану.⁶⁸

Сбор налогов и податей с и без того разоренных крестьян был нелегким делом. Русские власти весьма жестоко поступали с жителями, отказывавшимися уплачивать налоги. Были случаи, когда против них направлялись карательные войска⁶⁹. Но и такие крайние меры часто не помогали. Поэтому власти охотно отдавали на откуп сбор налогов с отдельных местностей. Так, например, сальянский рыбный промысел в конце 20—начале 30-х годов находился на откупе у Муса юзбаши—наиба муганского Али Гули-хана. Ежегодная сумма откупа составляла 1 600 руб⁷⁰.

Петр I намеревался использовать прикаспийские провинции также для транзитной торговли с Индией. С этой целью 5 ноября 1723 г. вице-адмирал Вильстер был отправлен в качестве посланника к великому моголу.⁷¹

Через прикаспийские провинции русское правительство старалось наладить широкую торговлю с Грузией, Арменией, ближневосточными странами и в этих целях организовать торговое судоходство на Куре и Араксе. Однако впоследствии выяснилось, что из-за быстрого течения и подводных камней суда не могут плавать по этим рекам против течения.⁷²

По указу Петра I в 1723 г. было организовано акционерное общество для торговли с прикаспийскими странами, которое просуществовало до 1762 г. Обществом было выпущено

4 тысячи акций, каждая стоимостью в 150 руб.⁷³

После оккупации прикаспийских провинций русское правительство отменило ряд ранее существовавших в отношении их торговых ограничений. Так, 19 апреля 1723 г. Петр I велел астраханскому губернатору А. Волынскому отправить из Астрахани

в Дербенд 5000 четвертей провианта для продажи тамошним жителям. «Сверх того,—писал Петр I,—они могут ныне свободно получить хлеб из Гиляни и для того им определенные бусы дать».⁷⁴

В сентябре 1723 г. Сенат издал указ,⁷⁵ которым вновь разрешался ввоз товаров в Астрахань для купцов всех восточных стран с уплатой обычных пошлин. Согласно указам Сената от 17 и 21 декабря 1723 г., а также от 17 апреля

138

1727 г. дербендские купцы, ставшие подданными России, должны были платить пошлины в том же размере, что и русские купцы,—т. е. в два раза меньше, чем раньше⁷⁶.

Указом Сената от августа 1724 г. разрешалось вывозить в новозавоеванные прикаспийские провинции хлеб, мясо, вино и другие продукты.⁷⁷ Однако, как и прежде, запрещался и ограничивался вывоз оружия, пороха, свинца. Вывоз железа разрешался лишь в исключительных случаях. Например, в ноябре 1724 г. известному промышленнику Демидову было разрешено вывозить сибирское железо в «Дербент, Баку и прочия тамошния места для домашнего жителей употребления».⁷⁸

Местным купцам при торговле с Россией предоставлялось право пользоваться русскими торговыми судами, однако жители прикаспийских провинций могли иметь суда на Каспийском море только с разрешения российских властей. Суда, вышедшие в плавание без разрешения, подлежали уничтожению.⁷⁹ Так, например, 19 сентября 1725 г. Экипаж под командой лейтенанта Лунина задержал вблизи Апшерона плывший без разрешения полубус, на котором было 19 пассажиров, в том числе купцы из Дербенда, Тебриза и один шемахинец. Полубус был сожжен.⁸⁰ За провоз товаров на казенных судах от Астрахани до Гиляна и Ниязабада и других мест с купцов взимались в пользу казны т. н. весовые: с каждого пуда по 10 копеек и узловые—с каждого тая и узла,⁸¹ в которых товары перевозились, по 3 копейки; когда суда возвращались в Астрахань, то за провоз тех же товаров брали только узловые: с тая по 1 руб. 10 коп., а с узла—по 20—30, иногда по 40 коп.⁸²

Кроме того, купцы платили с каждого тая по 20 коп. портовым служащим, матросам, солдатам, лоцману за погрузку и доставку товаров.⁸³

За перевозку товаров на судах из Астрахани в юго-западные города Прикаспья купцы платили судовладельцам за пуд перевозимых продуктов: до Баку—до 70 коп., до Гиляна—по 80 коп. и больше, до Дербенда—до 50 коп. с непродовольственных товаров: до Баку—до 10 коп., до Дербенда—до 10 коп., до Гиляна—12—18 коп. В обратном направлении из Баку и Дербенда до Астрахани эта плата составляла с каждого тая до одного рубля.⁸⁴ С 1726 г. По 1733 г. с пассажиров частных судов взималась плата за перевозимые товары в зависимости от их ценности, а именно в размере 10% от стоимости товара.⁸⁵ Купцы, перевозившие

139

собственные товары на своих судах из новозавоеванных провинций в Астрахань, платили 5%-ную пошлину.⁸⁶

Русские власти стремились развивать в прикаспийских провинциях и некоторые ремесла, в частности, шелкомотальное. Согласно царской грамоте от 29 марта 1726 г. Генерал Матюшкин поручил Левашову принять меры к увеличению числа шелкообрабатывающих заводов.⁸⁷ |

Царские власти использовали в качестве источников дохода и сефевидские монеты, отправляя их в Россию. Например, в марте 1728 г. генерал Долгорукий из доходов прикаспийских провинций привез с собой в Москву денег на сумму 290 637 руб., в том числе на 170 161 руб. 83 коп. сефевидских денег и серебро в слитках. При проверке оказалось, что сефевидские монеты выше 93-й пробы. Поэтому можно было, расплавив их, добавить лигатуры и, понизив таким образом

до 70-й пробы, получить на 205 430 руб. русской монеты, что составило около 40 тыс. руб. прибыли. Можно было также на привозимые деньги и серебро назначить комиссионную цену и продать монетному двору; тогда сефевидские монеты по номинальной цене на сумму 170 161 руб. 83 коп. продавались бы за 187 373 руб.

36 коп. и, таким образом, правительство, не прилагая никаких усилий, получило бы чистой прибылью более, чем на 17 тыс. руб.⁸⁸ Благодаря относительной стабилизации положения, урегулированию в определенной мере сбора налогов и податей с населения, а также другим упоминавшимся мероприятиям, в прикаспийских провинциях, присоединенных к России, наблюдалось некоторое оживление экономики, расстроеной до этого в результате междоусобных войн и политических неурядиц в конце 10—начале 20-х годов XVIII в. Оживилась торговля. Уже в феврале 1724 г. Комендаш г. Баку бригадир Барятинский писал о регулярном прибытии в город караванов шемахинских и кубинских купцов.⁸⁹

Однако ряд обстоятельств, в частности вооруженные набеги вассалов Османской империи, тормозили восстановление хозяйства в прикаспийских провинциях. Одно из таких нападений, нанесших Сальянской провинции огромный ущерб, было совершено Сурхай-ханом в 1728 г. при содействии тебризского правителя Ибрагима паши. Были разграблены 23 деревни, из них в 7 уничтожены все дворы и в 13 частично, убито 229 человек, взято в плен 266, в основном женщины и дети.⁹⁰ Ущерб, нанесенный прикаспийским провинциям и русской казне, составил примерно 216 109 руб.⁹¹

Однако такие опустошительные набеги были, по нашему мнению, не единственной и даже не главной причиной того, что царским властям не удалось добиться полного восстановления экономики прикаспийских провинций. Об этом свидетельствует тот факт, что и в тех провинциях, которые не подвергались нападению извне, уровень хозяйства оставался заметно ниже, чем в период правления сефевидов. Например, при сефевидях годовой доход казны в Баку составлял 50 тыс. руб., тогда как во время русской оккупации самый высокий уровень доходов в 1731 г. составил 27 504 руб., а за 10 месяцев 1732 г.—36 539 руб.⁹² Это говорит о том, что без радикальных изменений в налоговой политике, старыми военно-феодальными и колониальными методами царизм не сумел

достигнуть ощутимых результатов в деле восстановления и развития хозяйства прикаспийских областей.

Наряду с этим царское правительство старалось создать себе опору путем привлечения сюда христианского населения, особенно армян, и сокращения удельного веса мусульманского населения.

В. П. Лысцов отмечает попытки русского правительства изменить религиозно-национальный состав населения прикаспийских провинций. Однако при этом он лишь ограничивается констатацией указов и распоряжений правительства, но не приводит никаких данных об их дальнейшем претворении в жизнь.⁹³

Известно, что Петр I еще до похода в Прикаспье призывал армян и грузин переселяться в прикаспийские области. Неслучайно, в сентябре 1722 г. царь поручил ехавшему в Картли подпоручику И. Толстому разузнать, есть ли там жители, склонные к переселению в окрестности Дербенда и Шемахи, а также «можно ли нанять их в... службу».⁹⁴

Петр I хотел поселить в крепости Святого Креста эмигрировавшего в Россию картлийского царя Вахтанга VI со свитой, чтобы тот впоследствии способствовал привлечению в прикаспийские провинции грузин и армян. Планировалось поселить их вблизи Дербенда и Баку, чтобы из них вербовать воинов, способных совместно с русскими войсками «действия чинить над неприятели лезгинцы и дагестаны, а берег по Каспийскому морю в безопасное владение привести»⁹⁵.

Генерал Матюшкин 18 августа 1723 г. писал П. А. Толстому: «По прежней царской инструкции повелевалось бакинцев выслать из города, однако того сделать нельзя, поскольку от такого мероприятия от сальянских обывателей и из прочих деревень никаким харчевым припасом в Баку

141

приезжали бы, более того близлежащих деревень могли разойтица и ис того немало б плода не было».⁹⁶ Вместе с тем, Матюшкин писал и о другом указе Петра I, касающемся отношения к местным жителям: «помяче...ежели б какое озлобление здешним жителям было учинено то б ни откуду харчевого привозу не было и нефти покупать было бы ни в кому и пошлины б збирать не с ково».⁹⁷

Уже после взятия Баку, 14 сентября 1723 г. Петр I писал Матюшкину чтобы в отношении бакинских жителей он действовал по своему усмотрению, исходя из обстоятельств, «однако же сколько может без вреда столь их людей убавить». Петр I советовал из Баку высылать, в основном, суннитов, т. е. единоверцев Турции.⁹⁸

В дополнительных пунктах инструкции от 22 мая 1724 г, Матюшкину поручалось разведать о возможности поселения в Гиляне и Мазандаране русских.⁹⁹ Там же планировалось выслать бакинских жителей в Астрахань, а оттуда еще дальше, оставив в Баку лишь тех жителей, без которых невозможно обойтись. В указанных пунктах предусматривались и жесткие меры: «о смотрении между тем за женами и детьми оных жителей, чтобы не ушли, повелевая подозрительных людей не только в Баке, но и в других местах казнить».¹⁰⁰ Правда, здесь же содержалась и оговорка о том, что Матюшкин должен поступать по своему усмотрению, так как из-за дальности расстояния в переписке нельзя всего предусмотреть.¹⁰¹

Однако уже в октябре 1724 г. Петр I, получив известие о готовившемся в Баку антироссийском выступлении, снова приказал ужесточить отношение к местному населению. Он приказал генералу Матюшкину выслать бакинских жителей в Астрахань и оттуда в Москву, оставив лишь необходимое их количество, но и за теми установить строгий надзор, а всех подозрительных казнить.¹⁰²

Еще 24 сентября 1724 г. посланному в Стамбул А.Румянцеву Петр I дал указание уговорить армян переселиться в прикаспийские провинции и при этом обещать им, что, если они придут туда, то местные жители будут высланы, а им, армянам, отдадут их земли.¹⁰³ Когда карабахские и капанские армяне в 1724 г. отправили попа Антония, кевха Челеби и попа Петра к русскому двору с просьбой о принятии армян под русское покровительство¹⁰⁴, им был выдан документ («промемория»), в котором, в частности, говорилось что Россия заключила договоры с Османской империей, согласно которым не может открыто оказать армянам помощь

Из коллегии иностранных дел было направлено письмо находившемуся в Закавказье Ивану Карапету, чтобы тот склонял патриарха Исая и других армян к переселению в прикаспийские провинции.¹⁰⁶

10 ноября 1724 г. последовал императорский указ генералу Матюшкину, в котором говорилось, что, когда армяне придут в Гилян, Мазандаран, Баку, Дербенд или же в другие прикаспийские провинции, то им надлежит оказать всяческое содействие и предоставить удобные места для поселения, отдав в городах и селах пустующие дворы и дома, а также принадлежащие жителям, показавшим недоброжелательное отношение к России, выселив этих последних.¹⁰⁷

В Баку полковнику Остафьеву предписывалось поселить армян как в городе, так и в окрестных селениях, а в Дербенде полковнику Юнгеру предлагалось расселить их как в городе, так и в близлежащих деревнях.¹⁰⁸

В ноябре 1724 г. из коллегии иностранных дел последовал указ Юнгеру отвести армянскому попу Антонию один из имеющихся пустых дворов, когда он с семьей и имуществом

прибудет в Дербенд, а также подготовить удобные места для прибывающих с попом армян¹⁰⁹. Однако в середине 1725 г. патриарх и армянские феодалы выразили желание принять российское подданство, не покидая, однако, своего местожительства¹¹⁰. Некоторые армянские семьи все же прибыли в прикаспийские провинции, и русское командование поселило их пустующих домах. При этом власти опасались затрагивать религиозные чувства местного населения, что видно из следующего примера. Переехавший в 1725 г. в Дербенд армянский поп Антоний и некоторые другие армяне потребовали предоставить им под церковь помещение мечети, которая якобы, по их заявлению, раньше была армянской церковью. Однако русское командование отказало им, мотивируя тем, что данная мечеть была построена 300 лет тому назад, и предложило армянам занять одно из пустующих зданий для богослужения. Имеются данные о наличии в 1728—1731 гг. в Мушкюре, Шабране и других соседних махалах значительного числа армян-переселенцев.¹¹² В 1725—1735 гг. в прикаспийских провинциях проживало уже немало грузин и армян, а в составе русских войск числились армянский и грузинский эскадроны.¹¹³

В 1736 г. в Дербенде были основаны грузинская церковь и монастырь.¹¹⁴

Однако переселенческая политика царизма в рассматриваемое время в целом не имела успеха. Русское правительство вскоре вынуждено было вернуть на родину большинство бакинцев, сосланных в Россию в 1724 г. Екатерина II в 1726 г. удовлетворила прошение Вахтанга VI об освобождении гилянцев и бакинцев и возвращении их на прежние места жительства (кроме крещеных и поселенных во внутренних областях России).¹¹⁵

Впоследствии русское командование в Прикаспье из чисто практических соображений изменило курс своей демографической политики. Так, когда в конце 1728 г. армянские юзбаши Тархан и Аван со своими людьми прибыли в Прикаспье, Румянцев высказал князю Долгорукому свои соображения о том, что лучше бы армянам оставаться на местах их проживания, так как все деревни около Шабрана уже заселены и сбор податей и налогов упорядочен; кроме того, если выселить мусульман, то этим можно восстановить против себя все местное население, не получив никакой пользы.¹¹⁶

БОРЬБА ПРОТИВ ИНОЗЕМНОЙ ОККУПАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В 20-х ГОДАХ XVIII

После того, как Османской и Российской империям удалось договориться о разделе и оккупировать большую часть азербайджанских земель, им еще долго пришлось бороться за то, чтобы держать в подчинении население захваченных областей. Почти все годы иноземной оккупации были ознаменованы повсеместным неподчинением населения новым хозяевам, его борьбой за национальную независимость. Жестокая эксплуатация и иноземный гнет вызывали постоянный рост освободительного движения, пассивными формами которого являлись отказ от выплаты налогов и уход с захваченных земель. В источниках зафиксировано множество фактов передвижения жителей из прикаспийских провинций в турецкую оккупационную зону и в обратном направлении. Так, османский сераскер Али паша в декабре 1726 г. Упрекал генерала Долгорукого в том, что русские военные власти приняли некоторых людей, перешедших из османской оккупационной зоны в русскую.¹

В письме к Левашову от 26 марта 1728 г. ардебильский Юсуф паша просил выслать обратно на прежние места жительства «турецких подданных», покинувших свои деревни под предлогом моровой язвы и выехавших в Астарту и другие прикаспийские провинции.² Однако Левашов не выполнил эту просьбу турецкого паши под тем предлогом, что беглецы скрываются не в деревнях русской зоны, а в лесах и горах.³

По мнению фельдмаршала В. Долгорукого и резидента И. Неплюева, перебежчиков из османской оккупационной зоны следовало, безусловно, принимать, так как «с турецкой стороны таких не только принимали, но против российских действительно употребляли»⁴.

Активной формой освободительного движения в Азербайджане в рассматриваемый период являлась вооруженная борьба против оккупантов. Она проявлялась как в виде отдельных партизанских вылазок, нападений на вражеские силы, так и в форме массовых народно-освободительных выступлений. К партизанской борьбе можно отнести, в частности, вылазки Гаджи Давуда против русских гарнизонов.

Так, в октябре 1722 г. он со своими людьми напал на крепость, построенную русскими на реке Рубас. В результате перестрелки, продолжавшейся в течение целого дня, Гаджи Давуд потерял около 70 человек и вынужден был отступить.⁵

Во второй половине октября Гаджи Давуд в союзе с кайтагским уцмием напал на Дербенд, но был встречен пушечным и мушкетным огнем и отошел, не добившись успеха.⁶ Впоследствии Гаджи Давуд и уцмий напали на деревню Рокал вблизи Дербенда, после чего русский гарнизон в городе оказался в осадном положении.⁷

В начале ноября 1722 г. Гаджи Давуд и уцмий снова попытались штурмом захватить Дербенд. Комендант гарнизона полковник Юнгер направил против нападавших отряд конных и пеших солдат.⁸ Не добившись успеха в завязавшемся бою, Гаджи Давуд отошел от города и обосновался

в местечке Карасу, а следом за ним и уцмий отступил к деревне Терекемели.⁹

На руку русским оккупационным силам были отсутствие единства, постоянные разногласия и междоусобицы среди азербайджанских феодалов. Об этом свидетельствует, например, такой факт: во время боев за Дербенд Гаджи Давуд получил весть о нападении на Шемаху шахсеванов,¹⁰ и это послужило одной из причин его возвращения в Шемаху.

Бывали случаи, когда отдельные азербайджанские владетельные феодалы, после захвата османскими войсками их владений, с частью своих подданных перебирались на неоккупированные земли и оттуда делали вылазки против турок.¹¹ В начале 1726 г. Абдулла паша писал генералу Левашову и просил, чтобы русское командование таких перебежчиков не пускало в свою зону.¹³ В другом письме он же указывал, что местные жители уходят в русскую оккупационную зону и, там объединившись, «врасполох в наши стороны обиды чинят».¹³

Наиболее острой формой борьбы против завоевателей являлись массовые вооруженные выступления. Летом 1724г. крупное антирусское выступление произошло в Сальянах. Все русские офицеры, находившиеся здесь, были поиглашены в гости к сальянскому наибу Мухаммед Хусейн-бею и там убиты.⁴ Заметим, что в исторической литературе это событие обычно освещалось поверхностно и предвзято. Надо иметь в виду, что сальянские правители с самого начала с опаской относились к прибытию русских войск в прикаспийские провинции. Еще в августе 1723 г. мать убитого сальянского хана Фатима ханум, опасаясь прихода русских войск,

уехала в Шемаху, оставив Сальяны под управлением наиба Мухаммед Хусейн бея. Впоследствии, после занятия Сальян русскими отрядами, Фатима ханум изъявила желание вернуться,¹⁵ и русские власти не препятствовали этому. По всей вероятности, сальянские правители хотели принять русское подданство только формально, де юре, чтобы обезопасить себя. В то же время они были против пребывания здесь русских войск и администрации, что существенно ограничило бы их права и власть.

Это видно, в частности, из письма Фатимы ханум князю Барятинскому, коменданту Бакинской крепости, где выражается недовольство тем, что без их согласия в Сальянах был размещен русский отряд.¹⁶ Барятинский ответил, что русские войска направлены в Сальяны специально для защиты жителей от вражеских нападений, а содержать солдат местное население не обязано: «Понеже войски наши у вас не требуем ни пит, ни ест, но все за деньги покупаем, кроме куринской воды...».¹⁷ Примечательно, что Петр I, узнав об отправке русского отряда в Сальяны, приказал «хитрой сальянской княгини предостерегаться».¹⁸

Спустя некоторое время, в первой половине 1724 г., Фатима ханум писала русскому правительству, что прошло уже 122 года с тех пор, как ее предки стали управлять Сальянской провинцией, а теперь в собственности у нее осталась всего одна деревня—Сальяны. Она просила Петра I утвердить ее права на эту деревню и оставить в ее владении, чтобы она могла содержать своего малолетнего внука и 40 служителей.¹⁹

По всей вероятности, просьба Фатимы ханум не была удовлетворена, что и вызвало ее неприкрытую вкаждебность к русскому правлению. Антирусские выступления сальянских "феодалов были связаны также с усиливавшейся деятельностью в Азербайджане сторонников Тахмасиба II.

В целом же стал намечаться поворот к худшему в отношении азербайджанских и дагестанских владетельных феодалов к России. В 1722 г. многие из них, не разгадав истинных намерений царизма, в определенной степени поверили заявлениям о том, что Россия не ставит своей целью оккупацию и последующую

аннексию прикаспийских территорий и в дальнейшем намерена уступить их сефевидам. Однако в скором времени они убедились в ложности подобных заверений, преследовавших чисто пропагандистские цели.

Среди феодалов, изменивших свое отношение к политике России на Кавказе, был и крупный дагестанский владетель,

147

Тарковский шамхал Адиль Гирей, недавно еще являвшийся убежденным сторонником прорусской ориентации. Адиль Гирей предполагал, что русские станут довольствоваться его номинальным подчинением и сохранят за ним самостоятельность в вопросах внутреннего управления своими владениями. Однако постройка крепости Св. Креста всего в 40 км от г. Тарку, создание вокруг этой крепости поселения донских казаков и армян (более 1000 семейств)²⁰ серьезно обеспокоили Адиль Гирея, увидевшего в этом угрозу полного подчинения Дагестана России. Поэтому он стал готовиться к нападению на крепость Св. Креста и, с целью получить поддержку, наладил взаимоотношения с османским и сефевидским дворами, а также стремился привлечь на свою сторону многих азербайджанских владетелей. Еще 28 мая 1724г Фатима ханум писала полковнику Барятинскому в Баку о том, что шамхал и уцмий требовали от нее направить под Шемаху своего наиба Мухаммед Хусейн-бея с войском. Барятинский, однако, посоветовал Фатиме ханум не отпускать Мухаммед Хусейн-бея.²¹ Другие источники свидетельствуют и о связях тарковского и кайтагского владетелей с иранским правителем. Так, русский резидент в Иране Семен Аврамов

19 июля 1724 г. сообщал, что шамхал обратился к шахским везирам с просьбой отправить одного военачальника под Шемаху, «чтоб было кому Шемаху вручить и что после того всех россиян в персидских провинциях искоренить можно».²²

Летом 1724 г. дербендский наиб писал Матюшкину о том, что шамхал и уцмий подошли к Шемахе, но «шемахинцы, будучи им не рады, два раза с ними бились и в город не впустили». Тогда уцмий и шамхал разорили окрестные деревни.²³ Еще 28 мая шамхал писал Барятинскому о том, что он подступил к Шемахе якобы для защиты направлявшегося в Россию иранского посла Хафиз-бея. Барятинский, однако, потребовал от шамхала отступить от Шемахи²⁴ и тот выполнил это

требование, но вынудил шемахинцев признать его и сыновей уцмий управителями Шемахи. Предполагали что шамхал напал на Шемаху «по согласию с шахом», что кажется вполне вероятным. Известно, что Хафиз-бею, направленному в Россию в качестве посла, было поручено также склонить Сурхай-хана, кайтагского уцмий, кубинских, шемахинских и других владельцев в Ширване на сторону Тахмасиба II²⁵.

15 августа 1724 г. князь Барятинский писал из Баку, что, по имеющимся сведениям, формируются иранские войска, которые будет направлены в Шемаху для соединения

148

с шамхалом и уцмием,²⁶ с целью напасть на Куринскую, Бакинскую и Дербемдскую провинции. В Баку Дергях Гули также обещал «шахову величеству поступать против русских».²⁷

Шамхал и уцмий стояли в это время у реки Моллакенд вблизи Дербенда, ожидая перехода шахских войск через Куру, чтобы соединиться с ними.

В такой ситуации сальянские правители, сблизившись со сторонниками Тахмасиба II, решили покончить с русским господством в Сальянах. Видимо, по совету Фатимы ханум сальянский наиб Мухаммед Хусейн-бей пригласил 31 августа 1724 г. к себе в гости командира русского отряда подполковника Зимбулатова с 6 офицерами и 15 солдатами, и они были убиты. Потом Мухаммед Хусейн-бей напал на русский лагерь, находившийся по другую сторону Куры. Солдаты под командой капитана Козлова—единственного оставшегося в живых русского офицера—отошли к устью Куры в 50 верстах от Сальян.²⁸ Здесь Козлов получил распоряжение от Остафьева прибыть с солдатами в Баку.²⁹

Сразу же после убийства русских офицеров и солдат в Сальяны вступил отряд, направленный Тахмасибом II.³⁰ Лазутчики, посланные бакинским комендантом в Сальяны, по возвращении сообщили, что шахские войска численностью в 4 000 человек под командованием бывшего део-

бендского султана Алхаса прибыли в город. Они же слышали, что шах собирается отправить на помощь бакинскому Дергях Гули-бею отряд численностью в 500 человек во главе с Мухаммед Хусейн-беем.³¹ Бывший сальянский наиб намеревался, объединившись с Дергях Гули-беем, не допустить русских и лиц, принявших российское подданство, к нефтяным колодцам.³²

В это же время русским оккупационным властям стало известно о подготовке выступления и в Баку. П. Г. Бутков пишет, что бакинский правитель Дергях Гули договорился с Гаджи Давудом о том, что последний подойдет с войсками к Баку, а Дергях Гули организует истребление русского гарнизона³³. Однако маловероятно, чтобы такие непримиримые враги, как Гаджи Давуд и Дергях Гули могли договориться о совместном выступлении. Документальные источники свидетельствуют о том, что Дергях Гули, безусловно, ориентировался на шахский двор. Это подтверждают и его письма к сальянскому наибу и Фатиме ханум, в которых он сообщал, что невозможно вывезти из города, жен и имущество, и попросил прислать ему свинец и порох.³³

Бакинский комендант полковник Остафьев, заменивший бригадира Барятинского на этом посту в сентябре 1724 г, сообщал, что Дергях Гули-бей, находясь на даче, 4 сентября тайно послал своего слугу в город и через него передал жителям, чтобы те покинули Баку вместе со своими семьями,

Однако русские власти не выпустили жителей из города. В тот же день к Остафьеву пришли бакинские жители Гаджи Селим и Селим-хан, которые сообщили, что Дергях Гули прислал за людьми из-за «случившегося в Сальяне несчастья»³⁵. Сам Дергях Гули 5 сентября писал Остафьеву, что он выехал из города по своим делам, а узнав о случившемся в Сальянах, решил, что и его заподозрят в сговоре с сальянским наибом.³⁶

Полковник Остафьев арестовал в Баку 4 юзбаша, 258 служивых и торговых людей, подозреваемых в том, что они замешаны в подготовке антирусского выступления в городе.³⁷

Как видно из первоисточников, недовольство бакинских феодалов было связано с ограничением их прав при комендантском управлении, а также с приказом отдать нефтяные колодцы на откуп в пользу русской казны.³⁸ Дело в том, что раньше местные правители значительную часть доходов, получаемых с этих колодцев, оставляли себе.

Матюшкин дал указание полковнику Остафьеву всех арестованных бакинцев, кроме индийских купцов, допросить «об умыслах их и из оных для страху над винными чинить экзекуцию, а дворы и пожитки переписав, запечатать, и старатца ево юзбашу Дергах Кули-бека самого поймать».³⁹ Султанство в Баку было временно упразднено и власть в окрестных селениях, как и в самом городе, полностью сосредоточилась в руках коменданта—полковника Остафьева⁴⁰ (а не Барятинского, как утверждает известный историк С. А. Ашурбейли).⁴¹

В конце 1724 г. комендант Остафьев сообщал из Баку, что жители окрестных селений возвращаются в свои дома, а сам Дергах Гули-бей еще находится в Сальянах. Приехавшие из Сальян бакинские жители сообщили, что оставшиеся там бакинцы тоже хотят вернуться в Баку. По их словам, и Дергах Гули бей задумал «хануму и наипа убить и головы их привезть в Баку и просить прощения».⁴²

Почти одновременно с выступлениями в Баку и Сальянах произошло восстание в Дагестане. Шамхал Адиль Пхрей, собрав воинов-горцев, осадил крепость Святого Креста, но потерпел поражение⁴³. Осенью 1725 г. против шамхала был направлен карательный отряд под командованием гене

рала Кропотова. Шамхал бежал в горы, но уже в сентябре, надеясь на прощение, с повинной прибыл в лагерь русских войск. Однако он был арестован и сослан в Архангельскую губернию, где и умер.⁴⁴

Как было отмечено выше, некоторые азербайджанские владетельные феодалы, принявшие сначала российскую протекцию, позднее поняли истинные,

колонизаторские намерения царизма и из-за притеснений со стороны военных властей стали выступать против России. Так, ранее принявший русскую протекцию астаринский Муса-хан перешел на сторону турок, и его отряды даже вступали в перестрелку с русскими войсками.⁴⁵

Весной 1727 г. Тахмасиб II направил к находившемуся под российской протекцией муганскому султану Рамазану послание, в котором призывал его вступить в союз с Гаджи Давудом и выступить против России.⁴⁶ Получив это послание, султан Рамазан тут же направил Гаджи Давуду письмо с предложением: воспользовавшись отсутствием русских войск, двинуться на Мугань со своими отрядами.⁴⁷

Гаджи Давуд в ответном письме к султану Рамазану призывал последнего к осторожности, предупреждая, что русские, узнав о его намерении, вышлют его в Астрахань. Гаджи Давуд предложил Рамазану встретиться с ним лично.⁴⁸

В апреле наиб Муганского султана Али Гули-бей донес русскому командованию, что Рамазан обещал в апреле дать для драгун 200 лошадей, однако свое слово не сдержал. Это вызвало подозрения у Али Гули-бея, который «несколько своих по всем дорогам расставил»,⁴⁹ в результате чего была перехвачена переписка султана Рамазана с Гаджи Давудом и шахским двором.

Одновременно была перехвачена и переписка сальянского наиба Гардали-бея с бывшим наибом Мухаммед Хусейн-беем, из которой выяснилось, что они готовили выступление против русских.⁵⁰ На допросах султан Рамазан отрицал свою причастность к предъявленным письмам. Гардали-бей заявил, что все эти письма составлены Али Гулибеем. Выяснилось что брат Рамазана служил при шахском дворе.⁵¹ После долгих допросов, которые велись с апреля до июля 1727 г., обвинения, выдвинутые против султана Рамазана и Гардали-бея, были признаны доказанными.

Али Гули-бей был назначен ханом в Шахсеванской Муганской и Мазаригской степях, а Муса-хан—его наибом. По просьбе сальянских старшин старшина Шилской деревни

(Сальянской провинции) Гюляхмед был назначен сальянским наибом.⁵² Территория и население азербайджанских земель, включенных в состав Османской империи, многократно превышали таковые в прикаспийской полосе, занятой русскими войсками. Естественно, поэтому освободительные выступления здесь были намного масштабнее.

Народно-освободительное движение на территориях, оккупированных Османской империей во второй половине 20 начале 30-х гг. XVIII в., явилось героической страницей в истории азербайджанского народа и без изучения ее невозможно воссоздать объективную картину истории того периода. Однако, несмотря на это, данный вопрос до сих пор не стал объектом всестороннего научного исследования. Из азербайджанских историков он был затронут только Ф. М. Алиевым. Однако автор основное внимание уделил изучению героической борьбы азербайджанского народа против иноземной оккупации в 1723—1725 гг., т. е. в период наступления османских армий. Вместе с тем, без изучения последующего этапа этой борьбы невозможно получить полное представление о политической ситуации в Азербайджане в годы османской оккупации.

Из зарубежных историков лишь И. Х. Узунджаршили упоминает об антиосманских выступлениях в Азербайджане в конце 20—начале 30-х гг. XVIII в. Автор пишет, что поднялись шахсеваны и племя джаваншир в Карабахе, часть населения Гянджи и сгнахские армяне; шахсеваны, спасаясь от преследования, перешли в русскую зону, поэтому главный везир Дамад Ибрагим паша писал русскому канцлеру о том, что протекция над шахсеванами противоречит дружбе между двумя империями.⁵³ При этом причину восстания автор видит в распространении указа шаха Тахмасиба II⁵⁴.

Одним из беспокойных регионов в турецкой оккупационной зоне являлась горная часть Карабаха. В июне 1726г некий Нифталы, возвратившись из Шемахи в Баку, сообщал «Шахсеванцы шиитского толка, возглавляемые Джалил бекком и Мирза Алибекком, объединились с армянами и подкрепились в сыгнахе у Авана юзбаши. Число этих шахсеванцев достигает 15 тысяч семей».⁵⁵

В 1726г. происходили столкновения между турецкими войсками и карабахцами в округах Гюлистан и Чараберд. В ответ на убийство в Барде турецкого паши, войска Сары Мустафа паши и отряды Гаджи Давуда объединились и напали на сыгнах Шуша.

Официальный летописец османского двора А. Челебизаде пишет, что турецкий силахдар (наверное, он имеет в виду Сары Мустафа пашу—Т. М.), взяв с собой 1 тысячу всадников Гаджи Давуда, двинулся в сторону Барды. Захватив несколько сыгнахов в окрестностях Шуши, он обстреливал город из орудий в течение целого дня. Укрывшиеся там жители, бросив свое имущество, разбежались. Уничтожив 400 человек, турецкий сераскер вернулся в Гянджу, откуда направился против карабахских курдов и шахсеваков.⁵⁶

Весной 1726 г. вооруженными выступлениями была охвачена обширная территория—от Гянджи до Тебриза и Ардебилля. В мае 1726 г. сын Абдулла Копрулли везир Абдуррахман паша выступил с 20-тысячным войском против восставших племен шеггаги и шахсеванов и под Ардебилем произошло сражение между ними. Челебизаде отмечает, что численность шеггаги и шахсеванов, напавших на османское войско, доходила до 40' тысяч человек⁵⁷.

Рейс ул-киттаб османского двора 16 июня сообщил И. Неплюеву, что на днях получено известие о бунте населения, живущего между Гянджой и Тебризом, и потому Абдулла паша отрядил своего сына с 15-тысячным войском к Ардебиллю. Османские войска ардебильских жителей «укоротили и протчее собрание шедших к Ардевил розбили»⁵⁸ Это сообщение совпадает со сведениями, приводимыми А. Челебизаде. Он пишет, что шахсеванские и шеггагийские племена, не подчиняясь правительству, занимались грабежом и разбоями, а потому тебризский сераскер Абдулла паша, собрав больше 20 тыс. войска, во главе с ванским наместником Абдуррахман пашой, направил их в сторону Ардебилля для приведения к покорности мятежных племен. Абдуррахман паша, прибыв в Ардебиль, захватил с собой ардебильского мухафиза Мехмет пашу, а вместо него на этот пост был назначен Юсиф паша; его войско выступило против непокорных племен и разгромило их.⁵⁹

Недовольство османской оккупацией в Азербайджане день ото дня усиливалось. Фельдмаршал Долгорукий 9 января 1727 г. в донесении к Верховному Тайному Совету писал: «Турки в Персии становятся от часу в слабом состоянии».⁶⁰

Весной 1727 г. с письмом по вопросу о разграничении в Гяндже к турецкому паше был послан некий прапорщик, который по возвращении представил докладную записку в канцелярию генерала Долгорукого. Из этой записки видно, что при гянджинском паше было всего около 2 тысяч вои

нов, большую часть которых составляли азербайджанцы. Прапорщик сообщал, что имел с ними беседу, из которой узнал, что жители очень недовольны османским правлением. В записке также сообщалось, что Сары Мустафа паша гянджинский получил указ отправить помощь Тебризу, которому угрожала 20-тысячная армия Эшрефа, однако с трудов смог собрать всего 300 человек.⁶²

Согласно сообщению Челебизаде, в августе 1727 г. тебризский сераскер двинул на Дизакский и Баргушадский махалы Карабаха против курдских племен карачорлу, а также в Муганскую степь против шахсеванов 15-тысячную легкую кавалерию. Однако мобилизованные для этой цели ново-

бранцы, а также широкие слои турецкого населения были против вооруженной борьбы со своими же мусульманами, не желали воевать против единоверцев. Все это заставило османское командование заключить соглашение, согласно которому племя карачорлу обязалось подчиняться Османской империи и в дальнейшем не поддерживать связей с армянами. По условиям соглашения племенам были переданы в пользование земли из казенного фонда и хассе мирлива с тем, чтобы половина доходов от них поступала в распоряжение племен карачорлу, а другая— в гянджинскую казну.⁶³

В конце 1727 г. вспыхнуло крупное народно-освободительное выступление в Карадаге, впоследствии охватившее обширную территорию. То, что именно Карадаг стал очагом восстания, было не случайным. Начиная с 1726 г., благодаря энергичной деятельности талантливого полководца Тахмасиб Гули-хана, последнему сефевидскому шаху Тахмасибу II удалось на время восстановить власть сефевидов в некоторых районах Ирана. Это, естественно, воодушевило сторонников сефевидов. Немало их приверженцев нашлось и в Карадаге, что было обусловлено исторически. Еще в XV в. здесь было большое число последователей суфиев-мюридов ордена Сефевийе и его наследственных ардебильских шейхов. Семья карадагских правителей вместе со своими вассалами и феодальным ополчением (кошун) официально считались «особым племенем». В ряду кызылбашских племен карадаглу занимало восьмое место, непосредственно после семи главных кызылбашских племен.⁶⁴

Выступление в Карадаге началось примерно в конце 1727 г. Следует отметить, что руководитель восстания Абдурразак-хан, до этого добровольно перешедший на сторону Турции, служил у османов и получил чин паши. При нем находились войска нескольких санджаков, а также османские

войска, состоявшие из десяти «байраков» (знамен).⁶⁵ Есть сведения, что в подчинении у Абдурразак-хана иногда находилось до 12 тыс. воинов. При этом турецкое правительство держало в Ардебиле в качестве заложников детей и жен Абдурразака.⁶⁶

Первое письменное свидетельство о выступлении в Карадаге относится к началу 1728 г. 23 января к генералу Левашову явились рещтские жители, которым год назад по их прошению было разрешено отправиться для паломничества в Мекку. По их словам, когда на обратном пути они ехали через турецкие владения, то в Тебризе услышали о том, что Абдурразак Карадаган (карадагец—Г. М.), который состоял на турецкой службе и даже являлся пашой, имея при себе войско в несколько санджаков, пригласил к себе шахсеванов из Муганской степи и призвал их совместно выступить против османских властей. Шахсеваны сначала не слишком поверили Абдурразаку как человеку, служившему у османов. Тогда Абдурразак перебил турок, служивших под его командой, и заключил соглашение с шахсеванами о совместной борьбе против османских властей.⁶⁷

После истребления Абдурразаком служивших у него воинов семи турецких байраков, тебризский паша направил против него карательный отряд, который, однако, потерпел поражение.⁶⁸ Тогда паша сам стал готовиться к походу против Абдурразак-хана и обратился за помощью к крымским

татарам, возвращавшимся в это время после заключения Хамаданского мира с Турцией через Иреван в Крым. Однако татары не откликнулись на это обращение тебризского Али паши,⁶⁹ в связи с чем он отложил свой поход. Русский лазутчик, посланный в Ардебиль и Тебриз, прибыл в Решт, 27 января 1728 г. и доносил генералу Левашову: «Турки все в городке Агаре, а Абдурразак на Караджадаге, токмо еще между ними дела до сего времени не имеются»⁷⁰.

По некоторым сведениям, Абдурразак-хан в начале 1728г, намеревался напасть на Тебриз. Тебризский Али паша в это время готовился выступить и покарать жителей деревни Шамкаран, находившейся близ Тебриза, т. к. подозревал, что шамкаранцы укрывают у себя людей Абдурразака⁷¹. Однако начальник янычаров и другие турецкие офицеры предложили сначала проверить донесение о готовящемся выступлении шамкаранцев. Вскоре выяснилось, что обвинение, выдвинутое против них, было необоснованным, но Али паша все же велел

шамкаранцев наказать, наложив на них штраф в размере 20 мешков денег⁷². Он отправил гонца к кочую

155

щим в Соуж-булаке курдам за помощью, однако то ответ отказом⁷³.

Скоро шахсеваны, выполняя свое обещание, соединились с силами Абдурразак-хана и поднялись на вооруженную борьбу против османских властей. 25 мая 1728 г. Генерал Левашов писал в коллегия иностранных дел: «Турков шахсеванцы с муганцами и Абдурразак хан Караб(д)ахско беспокоит начинают в надежде, что турков в Ардевил весьма мало и в Тевризе немного»⁷⁴. Судя по сведениям источников, руководителем восставших шахсеванов был их вождь Сафи Гули-хан, который, также, как и Абдурразак-хан, не которое время служил у османов.

Несколько слов о шахсеванах и так называемых муганцах. Шахсеваны жили в основном в Халхалской, Карадагской, Мешкинской, Ардебильской областях и по течению рек Кызыл Узень и Куры, а муганцы, по данным И. Г. Герберапо реке Аракс, в Муганской степи, отчего и получили свое название, Эти племена занимались отгонным скотоводством, их зимовья находились в прикаспийской полосе, а летние пастбища, «которые были на ровных полях при реке Араксе», входили в турецкую зону.⁷⁵ После русско-турецкого разграничения большая часть шахсеванов и муганцев осталось в зоне османской оккупации. Турецкое правительство утвердило их племенного правителя—Сафи Гули-хана в его должности, однако обложило муганцев тяжелыми налогами, что вызвало с их стороны недовольство османскими властями.

Согласно А. Челебизаде,, представители обитавших в Азербайджане шахсеванских, шеггагийских племен и некоторых других крупных общин проявляли неповиновение властям, нападали на соседние округа. Правитель Тебриза Абдулла паша в конце марта 1728 г. направил против этих племен 20-тысячный отряд под командованием ванского вали Абдуррахман паши, который, прибыв в Ардебиль, объединился с находившимся там аккарским вали Мехметом, назначив правителем Ардебиля Юсиф пашу.⁷⁶

Турецкие отряды выступили из Ардебля, и в Арешском округе их авангард числом около трех тысяч воинов встретился с отрядом восставших. Турецкие военачальники, полагая, что все силы повстанцев составляют только эти 500—600 человек, атаковали их. Однако в это время турецкий отряд со всех сторон окружил около 40 тысяч повстанцев и лишь ценой больших потерь туркам удалось пробиться из окружения.⁷⁷

156

И. Хаммер, описывая эти события, констатирует широкий размах антиосманских выступлений. По его словам, войска турецкого паши были разбиты восставшими и они осадили Ардебиль. Число повстанцев возрастало и составило. Несколько десятков тысяч человек. Вскоре антитурецкие выступления распространились также на Халхал, Марагу и Гермруд. Для подавления восстания тебризский паша затребовал помощь от правителей Ширвана, Тифлиса, Иревана, Диарбекра и др.⁷⁸

В июле 1728 г. Абдуррахман паша около р. Ахара вступил в сражение с повстанцами, насчитывавшими 7 тыс. человек, и одержал победу. Турки преследовали их в Муганской степи на расстоянии примерно 4-х часов верховой езды. Было убито около 2 тысяч, взято в плен 600 человек, остальные скрылись в горах и лесах.⁷⁹

В начале 1728 г. усиливается и активность лжепринца Исмаила мирзы. К сожалению, пока не удалось обнаружить какой-либо источник информации о происхождении и точном времени вступления его на историческую арену. Одно ясно: этот человек и действительно был самозванцем и происходил из малозажиточных слоев населения. Являясь авантюристом по натуре и вместе с тем энергичным и предприимчивым человеком, он решил использовать благоприятную политическую обстановку в Азербайджане и Иране, подъем антитурецкого движения для претворения в жизнь своих честолюбивых замыслов и объявил себя сефевидским

принцем Исмаилом мирзой. Почву для появления лжепринца подготовили слухи⁸⁰ о том, что одному из сыновей шаха Султан Гусейна по имени Сефи удалось бежать из афганского заключения в Исфагане.⁸¹ Тебризский Али паша в письме к генералу Левашову в марте 1728 г. писал: «Около Гилями и Халхала самозванец шахович объявился, который именуется Исмаилом, дервиш, обманщик, худого состояния, бездельник скитавшийся и не имеющий пропитание, от всего света лишено, употребил себе за сокровище воровство и плутовство и собирает ото всюду подобных себе для воровства как из Тевриза, так и из других мест оттоманский оружием отвоеванных провинций всяких хищников и беглецов, бездельников».⁸²

Надо отметить, что вопреки исторической правде, в исторической литературе лжеприпц Исмаил мирза нередко фигурирует как протурецкий агент, выступавший против России.⁸³ Однако достоверные источники неоспоримо доказывают, что лжепринц Исмаил мирза не только не был про

157

турецким агентом, а напротив—его действия носили ярко выраженный антиосманский характер. Поводом для подобных оценок в исторической литературе послужило то, что лжепринц боролся также и против российских властей; и эти факты приводились как доказательство того, что Исмаил был сторонником Турции.

Мнение о том, что самозванца Исмаила мирзу ни в коем случае нельзя считать османским агентом, подтверждает, в частности, требование тебризского Али паши к генералу Левашову расправиться с лжепринцем и его сторонниками, если те будут скрываться от преследования турецких войск в русской зоне.⁸⁴

Чем же можно объяснить резкое усиление просефевидских настроений среди народных масс? Дело в том, что распад и раздел Сефевидской державы привели к разрыву экономических и культурных связей, складывавшихся в течение столетий и как следствие, ухудшению положения широких масс населения. Поэтому многие стали желать восстановления бывшей Сефевидской державы. Надо отметить и то обстоятельство, что хотя это государство вследствие ряда

причин (о которых было сказано в первой главе) в XVII в. превратилось из азербайджанского в иранское, но тем не менее по традиции многие азербайджанцы продолжали считать его своим. Этому способствовало и то, что глава Сефевидского государства одновременно являлся духовным владыкой шиитов, составлявших большинство азербайджанцев. Не случайно, сефевиды даже в начале XVIII в. набирали в свою армию в основном азербайджанцев. Как отмечалось выше приверженность многих азербайджанцев сефевидам отлично использовал Петр I, объявивший в своем манифесте, что якобы он организовал поход чтобы помочь сефевидам восстановить их распадавшееся государство.

Может возникнуть вопрос: почему же в предыдущий период в Сефевидской державе отмечены антиправительственные выступления азербайджанцев? Но ведь такие выступления обычно происходили в Ширване, где большинство населения составляли сунниты. Заметим здесь, что значительные антисефевидские выступления в Ширване происходили и в XVI в., т. е. когда Сефевидское государство было чисто азербайджанским. Что же касается волнений в Тебризе и других областях Азербайджана, то они в основном носили антифеодальный характер.

Напрашивается резонный вопрос: почему народные массы не сплотились вокруг - настоящего принца Тахмасиба II,

158

(объединились вокруг какого-то самозванца, выдававшего себя за сефевидского принца? Дело в том, что народ был недоволен правлением Тахмасиба, который продолжал политику усиления эксплуатации народных масс. К тому же положение самого Тахмасиба после поражения, нанесенного ему афганцами в 1725 г., было чрезвычайно сложным.⁸⁵ Слабовольный, с посредственными военными способностями Тахмасиб не смог возглавить движение за возрождение Сефевидской державы. К 1726 г. его владения ограничивались в основном, одной провинцией Мазандаран, да и здесь его власть была неустойчивой. Правитель Астрабада Фетали-хан Каджар, стремясь захватить верховную власть в Иране, воспользовался бессилием шаха и вынудил Тахмасиба II объявить его векилом

(регентом).⁸⁶ Чтобы распространить свою власть на сопредельные территории, Фетали-хан в 1726 г. предпринял поход в Хорасан, где в это время происходила борьба за власть между владельцем Туна Мелик Махмудом Сеистани и Надиром из племени афшаров.⁸⁷ Поскольку перевес в этой борьбе был на стороне Мелик Махмуда, Надир,

имея войско в 6 тыс. воинов, поспешил примкнуть к Тахмасибу II⁸⁸ и даже принял имя Тахмасиб Гули-хана (т. е. букв. Раба Тахмасиба). С помощью Надира Тахмасибу II удалось захватить центр Хорасанской области г. Мешхед,⁸⁹ шахские сторонники стали в дальнейшем использовать Надира и его войско в борьбе против Фетали-хана. Эта борьба закончилась гибелью последнего 6 сентября 1726г.⁹⁰

К началу 1728 г. Надир уже укрепил свои позиции на северо-востоке Ирана и полностью подчинил своему влиянию шаха Тахмасиба II. По словам русского резидента С. Аврамова, он прибрал к своим рукам шахскую печать и рассылал от имени шаха указы в Гилян, Мазандаран, Астрабад и другие области.⁹¹

В это время лжепринц Исмаил мирза объявился на южном побережье Каспия. Сначала он был побежден правителем Мазандарана, однако после этого собрал вокруг себя «кызылбашей, скитавшихся по дорогам» и начал действовать в округах Шафт, Руд и Кум, находившихся в зонах русской оккупации. Потерпев поражение от русских отрядов, Исмаил мирза направился к Тебризу и, собрав вокруг себя выходцев из племен шахсеван и шеггаги, начал нападать на Халхал и Ардебиль.⁹²

Эти данные подтверждаются и сведениями, приведенными в письме генерала Левашова к генерал-фельдмаршалу В.Долгорукому, написанном в 1727 г. В этом письме сообща

лось, что в Мазандаране «служивый народ называемые сифиляр, между которыми явился некто Измаил, шаховым сыном назывался и помянутого народу тысячи з две к себе присовокупил».⁹³ Мазандаранский сепаксалар выступил против повстанцев, но в сражении, происшедшем в сентябре, был разбит и его

люди разбежались, некоторые из них перешли в русскую зону.⁹⁴ Как видим, лжепринц активизировался летом 1727 г. Может быть это было связано с тем, что как раз тогда бывший шах Султан Гусейн умер загадочной смертью,—возможно, он был отравлен.⁹⁵ После победы над мазандаранским сепаксаром лжепринц перебрался в Лахеджан.⁹⁶ Генерал Левашов сформировал отряд для выступления против него, однако сначала ему пришлось вступить в сражение с напавшим на Кескер халхалским Мухаммед Гули-ханом, которого в октябре удалось разбить. В то же время гилянский Мухаммед Риза-хан с 12-тысячным войском!, выступил против лжепринца и разгромил его.⁹⁷ После этого Исмаил мирза снова перешел в русскую зону. Генерал Левашов направил против него отряды под командованием Девица, подполковника фон Феникбира и майора Юрлова. Однако лжепринц, не вступив в бой, отступил.⁹⁸

Впоследствии Исмаил мирза, продолжая партизанскую борьбу, еще несколько раз совершал нападения на русскую оккупационную зону, но каждый раз терпел поражение. 12 февраля генерал Левашов из Гиляна писал в Баку генералу Долгорукому, что русским отрядом во главе с подполковником Василием Озеровым «самозванец шахович и с его единомышленниками из бунтовским собранием», трижды был разбит: сначала в Шафте, а затем в Пумине и Кесме⁹⁹. При этом из сторонников лжепринца был убит 31 человек.¹⁰⁰ Окончательно потеряв шансы обосноваться в русской зоне, лжепринц перешел в турецкую зону. Здесь самозванцу удалось привлечь на свою сторону бывшего кызылагачского султана Беджана, так как последний был недоволен тем, что его отстранили от управления ранее подчиненными ему территориями.

25 апреля 1728 г. у Румянцева были кызылагачские старшины с предложением от имени жителей перейти под управление администрации Куринской крепости с тем, однако, чтобы их султаном, как и раньше, был Беджан. Румянцев же рекомендовал на пост кызылагачского султана сына сальянского правителя. Кызылагачские старшины возражали против этой кандидатуры, поскольку тот был еще малолетним.¹⁰¹

Вместо Беджана кызылагачским султаном в конце концов был назначен бывший старшина Келбали, а его наибом—Мухаммед Ханбудаг-бей. Ввиду заявления дештевенских, пешмуменского и аджимуменского старшин о том, что их провинции в шахские времена никогда не были в ведении кызылагачского султана, а всегда находились под властью муганского султана, Румянцев управление этими землями передал муганскому Али Гули-хану.¹⁰²

Румянцев приказал Али Гули-хану, чтоб тот поймал и казнил Беджан султана.¹⁰³ Выполняя этот приказ, капитан Козлов и Али Гули-хан выступили против Беджана и разгромили его отряд, в котором было немного более ста человек. Сам Беджан спасся бегством и укрылся в лесу.¹⁰⁴

По мнению Румянцева, Беджан султан «противным себя показал по причине обнадеживания самозванца шаховича»¹⁰⁵ Самозванец Исмаил мирза в это время разослал письма всем правителям, в том числе и бакинскому Дергях Гулихану, который передал его русским офицерам.¹⁰⁶

После того, как к нему примкнул Беджан султан, лжепринц с двумя тысячами своих сторонников вновь вторгся в русскую оккупационную зону. Генерал Румянцев направил против него отряд капитана Потцына, состоявший из 600 солдат и казаков. Вместе с ними выступили и 50 воинов Али Гули-хана во главе с ним самим. Остальных воинов Али Гули-хана в поход не взяли, опасаясь, что они тоже могут примкнуть к лжепринцу. В происшедшем бою самозванец был разбит и спасся бегством. После этого поражения ранее присоединившиеся к нему жители около 200 дворов из Прикаспья вернулись обратно в русскую оккупационную зону и обосновались вблизи от Баку.¹⁰⁷

Потерпев поражение от русских отрядов, лжепринц опять ушел в османскую оккупационную зону—к Халхалу и Ардебилю, чтобы там снова собрать своих сторонников.

По распоряжению тебризского правителя везира Али паши отряд из 400 человек под командованием Мехмет аги был отправлен на помощь к халхалскому правителю Мухаммед Гули-хану. Однако, еще до прибытия его лжепринц с превосходящими силами внезапно напал на Халхал. Мухаммед Гули-хан не сумел организовать оборону и вместе с находившимся в то время в этом округе Вели Мухаммедом— посланником Тахмасиба II к турецкому султану бежал в сторону Гармруда, в нахийе Машкул. Мехмет ага известил об этом Али пашу и попросил дополнительной помощи. Али паша собрал 5—6 тысяч воинов и подготовил их к выступле

нию.¹⁰⁸ Между тем Исмаил мирза с 4—5 тысячами шахсеванов и тысячей шеггагийцев под начальством Керим-бея отправился в поход против Мухаммед Гули-хана¹⁰⁹.

Тем временем народно-освободительные выступления в Азербайджане изо дня в день усиливались. Возвратившийся 24 июня 1728 г. в Баку поручик Степан Русевич, который был отправлен Румянцевым к Сары Мустафе—гянджинскому паше, рассказал, что он нашел последнего в Карабахе. Своего кегая (дефтер эмини) еще до этого он направил с частью войск против курдов (муганцев), находившихся в южной части Карабаха, на берегу Аракса, однако турецкий отряд потерпел поражение.¹¹⁰ Мустафа паша просил правительство о дополнительной помощи для борьбы против повстанцев. По слухам уже в апреле в Гянджу должно было прибыть

10-тысячное войско с 30 орудиями.¹¹¹

Мустафа паша писал и Сурхай-хану, чтобы тот отправил своих казикумыкских воинов к нему на помощь, но тот послал всего 500 человек шемахинских жителей, а казикумыков отправить отказался, отговорившись, что «они тамо в жарких краях неспособны воевать».¹¹²

Сары Мустафа паша сообщил Русевичу, что Махмуд, являвшийся врагом как России, так и Османской империи, у пойман Сурхай-ханом, доставлен в Гянджу и там казнен. Сурхай-ханом также был убит брат Махмуда и один из их сторонников.¹¹³ Этот факт лишний раз показывает, что многие азербайджанцы одинаково ненавидели и османских, и русских завоевателей.

Русевича известили, что паша намерен идти с войском к тебризскому Али паше, чтобы защищать Тебриз от отрядов лжепринца, шахсеванов и шеггагийцев, а по пути усмирить курдов.¹¹⁴

Генерал Левашов в донесении от 24 июля 1728 г. писал, что в Тебризе и Ардебиле муганцы и шахсеваны притесняют турок.¹¹⁵ Повстанцы в это время разбили большой турецкий отряд, направленный против них из Ардебилля.¹¹⁶ Отправленный из Решта в Тебриз русский агент, вернувшись 1 августа 1728 г. в Решт, доносил, что около Тебриза он видел много деревень, «разоренных от муганцев и от протчих народов»¹¹⁷ Этот факт показывает, что повстанцы в то время доходили до ближайших окрестностей Тебриза. Турецкое правительство, считая, что тебризский Али паша недостаточно решительно выступает против них, сменило его, назначив на его место ардебильского Юсуф пашу.¹¹⁸ Однако в ноябре 1728 г.

тот умер, а Али паша вновь стал командующим тебризским гарнизоном.¹¹⁹

Вскоре лжепринцу Исмаилу удалось объединить действовавшие до этого разрозненно партизанские отряды, в том числе и отряды Абдурразак-хана карадагского и шахсеванов. 6 июля 1728 г. генерал-майор Штерншанц из Астары писал Румянцеву, что самозванец, соединившись с Абдурразак-ханом, разбил османский отряд в 400 чел., вышедший из Тебриза для защиты Ардебилья.¹²⁰

Объединившись, лжепринц и Абдурразак-хан начали наступление на Ардебиль. Прибывший 5 августа в Решт русский агент Алмухаммедага Гордеев рассказывал, что он видел в Ардебиле, как при входе в город всех внимательно проверяли, а его самого в город не пустили.¹²¹ Алмухаммед также рассказывал, что «шахсеваны и муганцы прервали сообщение между Тебризом и Ардебилем».¹²²

Румянцев в донесении в коллегия иностранных дел 20 августа 1728 г. писал, что на днях получил известие из Шемахи и других местностей о том, что «самозванца шаховича адгеренты Абдурзак и Сафи ханы в Ардевиле великую тесноту туркам чинят... тамошние народы, которые у турок были ими недовольны, и ныне все к самозванцу шаховичу пристают, то по-видимому турки в великой безпокойство останутца».¹²³ Сам Абдурразак-хан писал Сурхай-хану, что в субботний день всем собранием к «городу Ардевилю все приступом пошли» и в местечке Карасу произошел недолгий бой с турками, в результате которого те отступили в Ардебиль, а Сафи хан преследовал их. В первых числах июля повстанцы вторично подошли к городу. Абдурразак-хан даже писал, что повстанцам якобы уже удалось взять Ардебиль.¹²⁴ 3 августа Румянцев получил письмо от гянджинского паши, в котором тот просил разрешения переправить через р. Куру несколько отрядов ширванских и дагестанских войск с тем, чтобы отправить их в Карадаг. Румянцев дипломатично отклонил просьбу паши, так как остерегался, что «понеже невозможно их удержать, чтобы обывателям в походе какие обиды не учинили».¹²⁵ Румянцев писал, что турецкий паша потребовал от Сурхая немедленно собрать 15—20-тысячное войско,¹²⁶ на что тот ответил, что это невозможно, но в течение 1—2-х месяцев он отправит столько воинов, сколько

сумеет собрать. По мнению Румянцева, эти войска предназначались для защиты Ардебилля и Тебриза.¹²⁷ Румянцев предполагал, что движе

163

ние, руководимое лжепринцем, будет в дальнейшем шириться и считал это благоприятным фактором для русских, т. к, это отвлекает турок и заставляет их на время забыть о своих претензиях к России.¹²⁸

Житель местечка Джавад некий Хан Мирза, схваченный муганским Али Гули-ханом в июле в урочище Балагаруд и отправленный в Баку, на допросе рассказал, что его отправил Мухаммед Хусейн-бей—бывший сальянский наиб с письмом, содержание которого ему неизвестно, в горы Савалан к Сафи-хану. В то время последний двинулся на Ардебиль и по прибытии отправил Хан Мирзу с ответным письмом обратно.¹²⁹ Хан Мирза рассказал, что, находясь в Ардебиле, он видел Абдурразак-хана, а численность их войска в общей сложности—около 15 тыс. человек. Далее он показал «и при бытность ево Сафи-ханово и Абдурразакова войска вступили в слободы, а турки зделали в ханском дворе Мухаммед Гули-хана крепость. И произошел бой, но повстанцы еще Ардебилля не взяли». Хан Мирза утверждал, что провиант для войска Сафи-хан и Абдурразак добывали в Ардебильской провинции, а «разорения тутошным обывателям никакова не чинят». Хан Мирза слышал, что лжепринц находится недалеко от Ардебилля, но где именно—он не знает, а войско его достигает десяти тысяч. Слышал он также от Сафи-хана, что после взятия Ардебилля они намерены двинуться в сторону Тебриза.¹³⁰ Слухи о поражении турецких войск ходили в то время и в самом Стамбуле.¹³¹

Мухаммед Кязим пишет о том, что лжепринц Исмаил мирза собрал около 5 тысяч своих сторонников и после взятия Халхала поставил перед собой цель—овладеть Ардебилем, Муганью и всем Азербайджаном. Бывший правитель Ардебилля—Осман паша выступил против лжепринца, однако жители города примкнули к самозванцу и османские войска, потерпев поражение, отступили в Тебриз. Исмаил мирза торжественно вступил в Ардебиль и начал восстанавливать

мавзолеей «своего деда» шейха Сафия, а также разрушенные дома. По словам Мухаммед Кязима, народ признал в нем своего правителя.¹³²

Однако в начале августа 1728 г. туркам удалось нанести у Ардебиля поражение объединенным силам повстанцев и отбросить их в сторону Муганской степи.¹³³ В одном источнике по этому поводу говорится, что хотя численность повстанцев была достаточно велика, однако они были очень слабо организованы, у них отсутствовало единое, четкое руководство.

164

Несмотря на это поражение, партизанская борьба продолжалась. Возвратившиеся 3 октября в Решт казаки, отправленные ранее генералом Левашовым к резиденту Неплюеву, рассказали, что они 21 сентября прибыли в Ардебиль и там слышали, что в городе имеется 7 тыс турецких воинов. Казаки рассказывали, что шахсеваны и муганцы находятся в 10 часах езды от Ардебиля.¹³⁶ И. Неплюев 16 октября 1728 г. писал: «Шахсевенли и муганли будто в великом собрании так утеснили турок, что из Ардебиля и Тавриза несмеют из города ходить, якобы в осаде сидят, понеже весь тамошний народ (в) возмущении, от чего турки в гарнизонах своих великую скудность имеют в правянте, также и малолюдство ибо воинские люди многие померли, а иные разбежались».¹³⁶ По сведениям, полученным И. Неплюевым, османский двор рассылал указы «дабы с поспешением в пограничные города провиант везли из Ардебекира (Диарбекра.—Г. М.) и Арзерума».¹³⁷ Кроме того, было строго приказано, чтобы туда же направлялись войска из «азиатских провинций» кроме того, в Тебриз было послано 10-тысячное войско из Адрианополя и окрестных деревень. По словам Неплюева, турки намеревались сосредоточить в Тебризе, кроме гарнизона, еще и 30-тысячный кавалерийский корпус под командованием тебризского Мустафы паши (прежде он был в Хамадане чаушбаши).¹³⁸

В конце 1728 или начале 1729 г. туркам удалось нанести еще одно сокрушительное поражение повстанцам— на этот раз в Муганской степи в

захватить Абдурразак-хана. И. Неплюев 31 марта 1729 г. писал из Стамбула: «Известный Абдурразак хан, взятый в Муганской степи, привезен сюда и содержится под караулом крепким и повидимому будет предан смерти».¹³⁹

А. Челебизаде пишет по этому поводу, что «черный» племенной правитель Абдурразак во главе племен шахсеван и шеггаги несколько раз нападал на Ардебиль и опустошал окрестности Тебриза. Чтобы положить конец его набегам, было мобилизовано войско под командованием Сурхай-хана, диарбекирского вали Ибрагим паши, гянджинских и тифлиссских мухафизов, арделанского мухафиза Ханы Мехмет паши и мукринского мотасерефа Фаррух паши. Когда об

этом стало известно, отряды кызылбашей, группировавшиеся вокруг Гармруда и Марага под руководством дунбулнйского Али султана, Джафар-хана и Мансур-хана, выступили против собравшихся в Тебризе турецких войск, однако были

165

разбиты. Джафар-хан и Мансур-хан были убиты, а Али хан вместе со своими воинами взяты в плен и наказаны ¹⁴⁰.

В донесении от 24 января 1729 г. Румянцев писал, что после поражения от турецких отрядов Абдурразак-хан и несколько его сторонников обратились к Сурхай-хану, рассчитывая на то, что он их не выдаст, Однако тот, невзирая на просьбы своих воинов, передал Абдурразака туркам.¹⁴¹

После подавления движения, руководимого лжепринцем Исмаилом, Абдурразак-ханом и Сафи-ханом, повстанческие отряды рассеялись, но долго еще продолжали напоминать о себе отдельными вылазками и нападениями. Одним из таких отрядов командовал уже упоминавшийся Беджан султан. Генерал Левашов в своем донесении фельдмаршалу Долгорукому от 5 февраля 1729 г. с удовлетворением сообщал, что Беджан был разбит турками в сражении при Ардебиле и

умер от раны, а его сыновья с матерью и женами явились с повинной к русскому командованию.¹⁴² Однако потом оказалось, что известие о смерти Беджана ложное: он до апреля

1729 г. «еще с бунтовщиками в сообщении от места до места волочился». Весной 1729 г. Беджан султан писал Тахмасибу II о том, что он вот уже седьмой год воюет с турками, афганцами и русскими, имея войско 600—700 и лишь иногда до 1000 человек.¹⁴³ Генерал Левашов 16 августа 1729 г. Сообщал Долгорукому о том, что Беджан султан скрывается в горах между Тарим и Султанией и при нем находятся около 500 человек. Одновременно Левашов тайно писал Беджану, чтобы тот продолжал борьбу против турок, обещая ему поддержку. Он считал, что при необходимости Беджан может укрыться в Гиляне, а туркам не придет в голову искать его там, так как они считают Беджана явным врагом России.¹⁴⁴

Не сошел с политической арены и лжепринц. По архивным данным, относящимся к маю 1729 г., в Ардебиль из Тебриза прибыла турецкая конница в 20 байраков для защиты города от самозванца Исмаила. По тем же данным, лжепринц намеревался напасть на Ардебиль и в связи с этим паше было приказано срочно построить крепости как в Ардебиле, так и в «Сарове».¹⁴⁵ (возможно, имелся в виду Сараб—на полпути между Тебризом и Ардебилем).

Для окончательного подавления антитурецких выступлений османское правительство направляло в Азербайджан и Иран все новые силы. Так, дозорный Левашова сообщал, что он 2 июля 1729 г. прибыл из Тебриза в Маранд, где встретил «войска турецкие следующие изнутри турецкого государства за множествы в Тевриз».¹⁴⁶

Летом 1729 г. Османской империи удалось окончательно разбить силы лжепринца.¹⁴⁷ Победенный самозванец с 2 тысячами человек перешел в находившуюся под русской протекцией часть Мугани и пытался поднять живущих здесь шахсеванов, однако те уже потеряли веру в лжепринца и не поддержали его. Кроме того, генерал Румянцев направил против самозванца отряд из 650

человек и 15 июля сторонники лжепринца были разбиты, а сам он с 10—15 повстанцами сумел бежать.¹⁴⁸ Некоторое время после этого самозванец скрывался с одним из оставшихся в живых предводителей восставших неким Асаном в местечке Мосулу. 30 июля 1729 г. они «оплощадь в баню пошли, где обыватели обоим головы отсекали и несколько с ними побили».¹⁴⁹

По утверждению придворного историка Надир-шаха Мухаммед Кязима, лжепринц Исмаил мирза пытался уговорить шахсеванов примкнуть к нему, однако те, отказавшись, в полночь убили его во время сна, отрубили голову и отправили ее российскому военачальнику.¹⁵⁰ Об убийстве лжепринца писал в своем сообщении от 25 сентября 1729 г. коллегии иностранных дел генерал Левашов. По его словам, самозванец с несколькими сторонниками скрывался в местечке Мосулу,¹⁵¹ которое находилось вблизи Решта, в гористой местности и из-за труднодоступно не подчинялось русским властям. Жители Мосулу занимались главным образом кузнечным промыслом, а хлеб привозили из других деревень.¹⁵²

Генерал Левашов приказал принять меры к тому, чтобы прекратить подвоз хлеба в эту деревню и поручил шафтинскому владельческому феодалу Селим-хану, чтобы тот склонил мосулинского феодала Мир Фазила к поимке или убийству лжепринца, за что были обещаны награда и продукты.¹⁵³

Селим-хану удалось выполнить это поручение Левашова, Мир Фазил и его люди убили самозванца и еще 20 его сторонников в бане, а потом явились к Левашову просить прощения за прежнее ослушание, готовые присягнуть на верность русскому правительству. Левашов наградил Мир Фазила дорогими халатами и другими подарками.¹⁵⁴

Однако, несмотря на то, что турки разбили основные силы повстанцев и уничтожили почти всех их главарей, вооруженную борьбу отдельных отрядов полностью подавить не удалось. Так, находившийся в сентябре 1729 г. в Тебризе казвинец Алмухаммед сообщал, что ардебильский паша от

правил в Мугань команду против шахсеванов, однако те разбили турецкий отряд.¹⁵⁵

Прибывший в начале октября из Тебриза в Решт исфаганский купец Молла Мухаммед Шафи Муджаред рассказывал: «В Муганской степи кочующих акберлинцы воровски разоряли Тебризском уезде деревни, на которые ездил из Тебриза Гяндж Ахмет паша и разбил их и оные акберлинцов с 1000 кибиток чрез Халхал ушли в Рудбар». Паша преследовал их до Халхала, но настичь так и не смог и упрекал Мухаммед Гули-хана в пособничестве повстанцам¹⁵⁶.

11 июля 1730 г. Румянцев из Дербенда писал в коллегии иностранных дел, что остатки сил лжепринца под руководством Бендерхана и Мирза Али-бея в Мугане сделали вылазку в российскую оккупационную зону, но были отбиты русским военным отрядом.¹⁵⁷ Румянцев сообщил что при этом более 100 нападавших утонули в Араксе, а 5 взяты в плен.¹⁵⁸

И в последующие годы в Азербайджане и в Иране появлялись разные лжепринцы, вокруг которых иногда ооъединялись немало людей. Например, в 1732 г в Белудже действовал самозванец Мухаммед Мирза Хаджисувар.¹⁵⁹

Некий Дергях Велиев, прибывший 19 мая в Решт рассказывал, что он будучи в Исфагане, слышал следующеепривезенный из Аравии «шахович», войдя в сговор с тремя женщинами из гарема Тахмасиба II и с тремя евнухами предложил каджарским главарям Джафар-хану, Ахмед-хану и шахсеванскому Бегдели вступить в заговор с целью захвата власти. Однако Тахмасиб II узнал об этом, и заговорщики были казнены.¹⁶⁰

Народные выступления и партизанская борьба в Азербайджане и Северном Иране крайне осложняли положение Османской империи. Для восполнения понесенных потерь и создания новых войсковых подразделений были введены чрезвычайные военные поборы.¹⁶¹

Нелегко приходилось и русским властям в Прикаспье Изгнание афганцев из восточных и центральных Падений Сефевидского государства -вызвало активизацию повстанческого движения и в других бывших владениях сефевидов в том числе и в Азербайджане. Тахмасиб II, и стремясь пользоваться этим, рассылал своих эмиссаров, которые призывали жителей присоединяться к нему. Один из них был направлен к шахсеванскому старшине Муртуза Гули, который в письме шахсеванскому наibu Мусе юзбаши сообщал, что шах Тахмасиб II собирается совершить поход в прикаспийские

провинции и велел готовиться к встрече с ним. Аналогичные письма были адресованы шахсеванским правителям Ибрагим-бею, Мирзе Али-бею, Бедирхан-бею и Исфаганбею.¹⁶² Шахсеванские правители арестовали человека, привезшего письмо, и отправили к муганскому правителю Али Гули-хану.¹⁶³

Однако в некоторых местах все же произошли антирусские выступления. Например, 28 августа 1730 г. Генерал Фамицын сообщил Долгорукому, что астаринский Муса-хан, оставив одного из сыновей в Реште, а другого—в Астаре, сам присоединился к халхалскому сердару Мухаммед Гули-хану. Джафар султан и кергерудский управитель Зербалибей тоже примкнули к нему.¹⁶⁴ По утверждению самого Муса-хана, основной причиной его ухода явилась безмерная подозрительность русского генерала Фамицына.¹⁶⁵ Из этого видно, что русские власти не только существенно ограничивали власть местных феодалов, но, не доверяя им, держали их даже под строгим надзором. Левашов доносил императрице, что Муса-хан напал на казацкий конвой, сопровождавший почту, при этом было убито три человека и три ранено. Самого же Муса-хана к тому времени многие видели уже в Ардебиле у Мухаммед Гули-хана.¹⁶⁶

Согласно донесению генерала Левашова, в сентябре 1730 г. в Ленкоранской провинции и Аркуванском магале собралось значительное число повстанцев, которые, однако, были разбиты отрядом майора Вульфа.¹⁶⁷ Таким образом, российскому командованию удалось пресечь волнения в южных прикаспийских провинциях. В сентябре 1730 г. Мусахан снова возвратился в Астару. Русские власти, учитывая его авторитет среди населения, вновь назначили его астаринским правителем.¹⁶⁸

В 1730 г. снова порвал с российскими властями бакинский Дергях Гули-хан. В одном архивном документе говорится: «Дергях Кули султан в 1730 году ушел из Баку, однако обывателям от него вреда не приключилось и от российских людей разорения не было»¹⁶⁹ Имеется письмо Дергях Гули-хана к генерал-майору фон Венедигиеру, полученное 14 июля 1731 г., где он сообщает о причинах своего ухода из Баку, объясняя его следующим образом: он просил фон Венедигиера освободить Мурада—сына Хасила, необоснованно арестованного русскими властями, но получил отказ, отчего расстроился и ушел в деревню Маштага. Жителей Баку это очень встревожило, и они тоже стали покидать

город. Уехали даже жена Дергях Гули-хана и его служители.¹⁷⁰ Когда же генерал Венедигиер направил в Маштаги военный отряд, то и бакинские старшины со своими женами тоже покинули город.¹⁷¹

Заметим, что объяснение Дергях Гули-хана, якобы он рассердился и даже заболел от того, что не была выполнена его просьба об освобождении Мурада— не более, чем отговорка. Мурад содержался под стражей за убийство и разбой, совершенные его отцом, причем арестовал его сам Дергях Гули-хан. Возможно, истинной причиной ухода Дергях Гули-хана послужил отказ властей удовлетворить его требование о просвоении ему титула бакинского хана, а его сыну Мирзе Мухаммеду—титула бакинского султана.¹⁷² Кроме того, здесь могли сыграть свою роль и финансовые вопросы. Так, в начале 1730 г. Дергях Гули-хан писал, что в его команде воины раньше получали жалованье в 50 рублей в год, «а ныне настоящае жалованье и по ныне им еще не выдана», в связи с чем просил о выплате им жалованья.¹⁷³

Прибывшие из Тебриза в ноябре 1731 г. сальянский житель Ахмед-хан и навагинский житель Селим рассказали, что Дергях Гули-хан живет в Ардебиле, войска при нем нет, а сын его назначен ардебильским наибом.¹⁷⁴

После Дергях Гули-хана бакинским правителем стал некий Селим-хан.¹⁷⁵ Замена бакинского коменданта генералмайора фон Венедигиера генерал-майором Дебрины летом

1731 г.¹⁷⁶ наводит на мысль о том, что русское правительство в определенной мере винило фон Венедигиера в ссоре с Дергях Гули-ханом, что привело к уходу последнего.

ГЛАВА VII

РУССКО-ОСМАНСКОЕ, РУССКО-ИРАНСКОЕ И ОСМАНСКО-ИРАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ПРИКАСПЬЕ В КОНЦЕ 20-х—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х гг. XVIII в.

После заключения австрийско-русского договора 1726 г. Россия, приобретшая в лице Австрии союзника против Турции, почувствовала себя более уверенно и снова попыталась распространить свое влияние вглубь Закавказья. Видя в некоторых народах этого региона (особенно христианских) опору в осуществлении своих планов, русское правительство старалось всячески поднять их на борьбу против Османской империи. Главнокомандующий русскими войсками в Прикаспье генерал-фельдмаршал В. В. Долгорукий, учитывая ослабление позиций Турции после поражения, понесенного от Эшрефа, считал необходимым активизировать действия русской армии в интересах укрепления позиций армянского населения Закавказья. Русские военные власти в Прикаспье стали оказывать армянам помощь, в том числе выдавая им деньги, порох, свинец и ружейные кремни. Командующий русскими войсками севернее р. Куры генерал Румянцев 16 июля 1728 г. писал в коллегия иностранных дел о том, что он обещал представителям армян поддержку в борьбе против турок и по его распоряжению армянам было передано 2 пуда пороха, 1 пуд свинца, 200 кремней и 200 рублей.¹

Подобные действия русских военных властей в Прикаспье вновь привели к обострению русско-турецких отношений в Азербайджане. Этому в немалой степени способствовало и стремление России овладеть некоторыми населенными пунктами, расположенным на территории Азербайджана, в частности Халхалом. 29 июля Верховным Тайным Советом было решено, что поскольку Халхал расположен недалеко от Каспийского моря и граничит с Кергерудом, находившимся в русской зоне, то генерал Левашов не должен допустить туда турок, мотивируя это тем, что Халхал согласно трактату находится в «барьере», т. е. иранской зоне.²

В случае, если турецкая сторона не откажется от своих притязаний, Левашов должен был предложить объявить Халхал нейтральным, то есть свободным как от русских, так и от турецких войск.³ В то же время, если бы турки попытались вступить в Астарту и Кергеруд, Левашову предписывалось

171

не допустить этого и при необходимости «употребить оружие».⁴ В июне 1728 г. турецкое правительство потребовало от Неплюева написать Левашову, чтобы тот не отправлял войск в Халхал.⁵ Неплюев отклонил это требование, пообещав, однако, передать его своему правительству.⁶

Часто конфликты в «русско-турецких отношениях возникали по поводу перехода жителей из одной оккупационной зоны в другую. Несмотря на возражения турецких властей, русские офицеры в Прикаспье, следуя указанию Верховного Тайного Совета, не только не препятствовали переходу жителей из турецкой зоны в русскую, но даже поощряли его.

Так, в 1729 г. перешел в русское подданство «с аулами своими» бывший союзник лжепринца Исмаила мирзы—Сафи-хан,⁷ он со своими людьми расположился у Бешбармака.⁸ Однако через два года по неизвестной нам причине произошел конфликт между Сафи-ханом и русским поручиком Петерсеном, после чего Сафи-хан покинул русскую зону.⁹

В свою очередь, турецкие власти старались привлечь на свою сторону местных феодалов из российской оккупационной зоны и в ряде случаев это им удавалось. Например, крупный астаринский феодал Вейсал в 1727 г. вместе с даргой Селимом перешел к туркам.¹⁰ Еще раньше то же сделал некий Аскер. По сообщению генерала Левашова, ардебильский Мустафа паша неоднократно «ласкательными письмами» пытался склонить к переходу на свою сторону и Мусахана астаринского.¹¹

Турки с помощью Вейсала и других таких же перебежчиков создавали много неприятностей русским властям в Прикаспье. Так, в 1728 г. упомянутый Вейсал совершил ряд партизанских вылазок в Астаринском и других махалах.¹² 9 сентября 1729 г. Левашов писал И. Неплюеву о том, что, Вейсал, объединившись с такими же, как он сам, перебежчиками, всего в количестве 600—700 человек, напали на Астаринскую провинцию.¹³

Особенно большие хлопоты русским доставлял Сурхайхан, назначенный летом 1728 г. ширванским правителем вместо Гаджи Давуда. В последних числах декабря того же года Сурхай со своими отрядами перебрался за Араке, где соединился с силами гянджинского и тебризского пашей. Собрал таким образом 15 тыс. воинов,¹⁴ Сурхай-хан отпустил посланного к нему генералом Румянцевым майора с предупреждением, что он вступит в русскую оккупационную зону, чтобы наказать непокорных шахсеванов.¹⁵ Русские офицеры, узнав о намерении Сурхая, велели скотоводам Муганской

172

степи перебраться ближе к Куринской крепости.¹⁶ Однако, Сурхай двинулся прямо к этой крепости и не только ограбил скотоводов, собравшихся там, но и разорил и сжег многие сальянские деревни, захватив большое количество пленных.¹⁷

Возмущенный действиями Сурхай-хана, генерал Румянцев с курьером отправил письмо в Гянджу, где в то время находился турецкий Мустафа паша. В письме, в частности, говорилось, что после того, как османскими войсками были разбиты главари антитурецких выступлений в Азербайджане Сафи-хан, лжепринц Исмаил Мирза и Абдурразак-хан, остатки их отрядов перешли в русскую зону. Тогда русскими властями были арестованы эхтиматдевет (первый министр) самозванца, два его сына и жена, а также жена Абдурразакхана. То есть Румянцев подчеркивал, что российские власти выполняют свои обязательства и пресекают действия бунтовщиков и повстанцев, направленные против Турции. В то же время Румянцев считал неправомерными действия Сурхайхана и грозил, что если тот «хотя мало глубже в границы подвинется», он, Румянцев, в свою очередь, будет чинить «через пограничные народы в Сурхаево владение к Шемахе репрессалию».¹⁸ В ответ Мустафа паша обещал отправить Сурхаю указ, запрещающий ему входить в русскую зону.¹⁹ В то же время турки через И. Неплюева требовали передать османским властям «турецких бунтовщиков», которые перешли на русскую сторону и были перевезены в Сальянскую крепость. Неплюев отклонил это требование под тем предлогом, что русские тоже воевали

против некоторых турецких бунтовщиков и самозванца.²⁰ Было вновь указано на то, что русскими были взяты в плен эхтиматдевет самозванца с его семьей, а также семья Абдурразака. На это реис-улькитаб возражал И. Неплюеву, что они были взяты русскими не в плен, а, по сообщению Сурхая, как и другие бунтовщики, сами перешли под русскую протекцию, спасаясь от турецких войск. Рейс подтвердил, что турецкая сторона требует выдачи бунтовщиков и их семей, так как «такового главного бунтовщика детей также и его адгерентов (помощников.—Г. М.) ни под каким правом России и удержать несходственно».²¹ 8 февраля 1729 г. И. Неплюеву было объявлено, что османское правительство отправит к русскому двору посланника²² с требованием выдать «абдурразаковых детей и их адгерентов».²³

В свою очередь турецкие власти, несмотря на неоднократные требования русского командования наказать винов

173

ников нападений на русскую оккупационную зону и возместить убытки, ничего в этом направлении не предпринимали.²⁴

Чтобы не дать повода османским отрядам и войскам Сурхай-хана войти в русскую зону для преследования остатков отрядов Абдурразак-хана и Сафи-хана, русские войска, применив силу оружия, помешали повстанцам войти в Прикаспье.²⁵

Помощь, оказанная русским государством различным силам, боровшимся против Османской империи в Закавказье, резко обострила русско-турецкие отношения. И. Неплюев в секретном письме к Ланчинскому—русскому послу в Вене от 23 февраля 1729 г. писал о подготовке Османской империи к военным действиям против России и Австрии, о чем свидетельствовала отправка из Анатолии кавалерии на границу с Австрией—в Нису, Зидин и Хойнен; а из Македонии—в Боснию, отправка войск, артиллерии и амуниции на границу с Россией— в Азов, а также из Диярбекира и Эрзерума—в Прикаспье.²⁶

В начале 1729 г. переводчик Порты тайно сообщил Неплюеву, что все пограничные паши, а также Сурхай призывают османский двор вытеснить Россию из сефевидских владений, так как в противном случае Турция не сможет укрепиться в Закавказье, ибо российские командиры настраивают местное население против Османской империи.²⁷

В начале марта 1729 г. секретарь канцелярии ренс-улькитаба передал Неплюеву, что идет подготовка для отправки в конце апреля войск в Азию. Армия в 50—60 тыс. воинов должна была, разделившись, продвигаться по направлению на Гянджу и Тебриз. Провиант для войск отправлялся в Тебриз из Диарбекира, а в Гянджу—по Черному морю и далее через Грузию.²⁸

Неплюев в письме к Румянцеву 13 мая 1729 г. писал, что, хотя турки ведут себя тихо, но это только потому, что в сложившейся ситуации они не в состоянии начать военные действия.²⁹ Не имея пока возможности решить конфликт военной силой, османский двор продолжал политику дипломатического давления на Россию. Так, 2 июля 1729 г. рейсуль-китаб заявил Неплюеву, что Россия на Мугань не имеет никаких прав, турки согласно трактату признают границы только в Ширване, а вне Ширвана русских владений не признают.³⁰

В конце августа 1729 г. турецкая сторона потребовала от Неплюева, чтобы русские отказались от постройки крепости в горах мяяду Ардебилем и Астарой, Именуемыми

174

Байрадаг, около р. Карасу, поскольку эта местность находится в полутора часах езды от Ардебилля,³¹ а согласно договору, «на спорном месте», т. е. там, где граница не установлена, строить укрепления без общего согласия нельзя.³²

Генерал-фельдмаршал В. Долгорукий в своем донесении императрице от 2 июля 1729 г. с тревогой писал об увеличении численности турецких войск в оккупированных ими провинциях.³³

В связи с этим Россия тоже решила увеличить количество войск и вооружения на Украине и в Прикаспье. Россия и Австрия заверили друг друга в том, что будут

точно соблюдать свои обязательства по союзным договорам в случае турецкой агрессии.³⁴

В связи с усилением опасности вторжения османских войск русское правительство заранее изыскивало контрмеры. В. Долгорукий, ставший к этому времени членом Верховного Тайного Совета, 30 апреля 1729 г. предложил в случае вторжения турецких войск в русскую зону направить в Карабах 3—4 сотни солдат, а также муганского Али Гули-хана со своими воинами, чтобы поднять местное население на борьбу против Османской империи. По мнению Долгорукого, это вызвало бы смятение в турецком тылу и тем самым вынудило бы турок вернуть свои войска обратно для защиты Гянджи. Предложения Долгорукого, не были сначала приняты Верховным Тайным Советом из-за возражений командующего русскими войсками в Прикаспье генерала Румянцева, который заявил, что, во-первых, в Карабахе будет трудно прокормить русский отряд из-за нехватки продуктов и, во-вторых, в случае конфликта османы вторгнутся в Муганскую степь и поэтому Али Гули-хану не следует покидать Мугань.³⁵

Однако вскоре и Румянцев согласился с предложением Долгорукого и предложил, кроме того, использовать против турок также силы джарцев, которые не ладили с османскими военными властями. То есть в соответствии с принципом «разделяй и властвуй» предполагалось поднять джарцев против Турции и склонить к тому же находившегося под российской протекцией аварского уцмья, «чтоб он соединился с джарцами против турок шел».³⁶

Однако в это время турецкие войска приостановили свое продвижение и в июле 1729 г. в Москву для переговоров прибыл турецкий посланник, которому было поручено договориться об улаживании пограничных конфликтов между Россией и Османской империей на Кавказе и о разграничении сфер влияния.³⁷

продолжались. В конце 1729 г. сын Сурхай-хана Гачай с сильным отрядом вступил в прикаспийские земли, призывая их жителей восстать против России. Чтобы наказать непокорных дагестанских феодалов, Румянцев выставил войско из 1 300 русских солдат, а также подчиненных России 600 кубинских и нескольких десятков дербендских воинов. 21 декабря, перейдя реку Самур, около деревни Нижний Ерлах (в Дагестане) они соединились с отрядом Безобразова.³⁸ 23 декабря Румянцев атаковал дагестанцев вблизи селения Махмуды. Гачай, оставив в селении небольшой отряд, отошел, однако русские отряды обошли деревню и атаковали Гачая. Бой закончился полным разгромом дагестанцев, которые потеряли 500 человек убитыми; погиб и сам Гачай.³⁹

Чтобы укрепить свое положение в Прикаспийском регионе, русское правительство предпринимало и дипломатические шаги. 13 февраля 1729 г. генерал Левашов в Реште заключил договор с представителем Эшрефа— Мухаммед Сайдал-ханом, согласно которому Россия «уступила» Эшрефу провинции Астрабад и Мазандаран. Заметим, что эти провинции вовсе не принадлежали России, а находились в руках Тахмасиба. Взамен такой «уступки» афганская сторона признала власть России над остальными прикаспийскими провинциями.⁴⁰

Однако вскоре владычеству афганцев в Иране пришел конец. В конце февраля 1729 г. Тахмасиб II выступил по направлению к Ширазу и, захватив окружающие территории, осадил город. Эшреф, узнав об осаде Шираза, поспешно выступил с 8 тысячами воинов из Исфагана, чтобы, объединившись с 30-тысячным корпусом Мухаммед Сайдал-хана, стоявшим между Исфаганом и Ширазом, двинуться на помощь к осажденным афганцам.⁴¹ Получив это известие, Тахмасиб II, по совету Надира, снял осаду с Шираза и выступил навстречу Эшрефу. Произошло сражение, в котором афганцы были разбиты. Эшреф с остатками своей армии отошел в Исфаган, а Сайдал-хан с 10 тысячами воинов направился в Бендер-Аббас. Надир, догнав последнего недалеко от Шираза, разбил его наголову.⁴² Разгромив таким образом афганскую армию, Надир, не возобновляя осады Шираза, пошел прямо на Исфаган. Потеряв всю свою армию, Эшреф не надеялся удержаться в Исфагане и поэтому, разграбив город, он в ноябре 1729 г. бежал с горсткой своих

сторонников в Кандагар. Накануне побега по приказу Эшрефа были убиты находившиеся в заточении шах Гусейн и, по словам Буткова, остававшийся еще в живых старший сын Сафи Мирза. Скоро и сам Эшреф был убит своими приближенными.⁴³

С возрождением и укреплением Иранского государства под властью Надира, оно, естественно, сделало попытку вернуть владения бывшей Сефевидской державы. Тахмасиб II, сразу после вступления в Исфаган, снова потребовал от Османской империи возвращения всех земель, ранее принадлежавших сефевидам. Его посланник Вели Мухаммед-хан выдвинул предлагавшиеся ранее условия мира, дополнив их некоторыми новыми пунктами. Однако еще до прибытия Вели Мухаммед-хана из Тебриза было получено известие о движении Тахмасиб Гули-хана (Надира) в сторону Иревана, и потому правящие круги Османской империи решили, что иранский двор разговорами о мире пытается отвлечь внимание и выиграть время. Поэтому Вели Мухаммед-хан и сопровождавшие его лица были арестованы и заключены в крепость Мардин.⁴⁴

На территории Азербайджана и Ирана снова начались военные действия. Надо отметить, что и в самой Османской империи в это время политическая ситуация была весьма напряженной. В сентябре 1730 г. в Стамбуле произошло восстание под руководством Патрона Халила, приведшее к падению султана Ахмета III. Причиной этого выступления послужил тайный сговор османского командования с неприятелем о сдаче Тебриза иранским войскам. Выступившие против этого сговора янычары вскоре были перебиты,⁴⁵ однако раздираемая внутренними противоречиями Османская империя не смогла организовать эффективного сопротивления наступающему противнику. Немалую роль здесь сыграло и то, что многие азербайджанские феодалы с восстановлением Сефевидского государства снова перешли на сторону иранских властей. Так, в конце 1730 г. Тахмасиб II отправил Угурлу-хана с отрядом в 700 человек в сторону Гянджи и ему удалось в Барде и Баргушаде собрать 12-тысячное войско. Служившая у турецкого Ибрагим паши «персидская рекрутная» армия во главе с Кара-беем тоже примкнула к Угурлу-хану.⁴⁶

В 1730 г. Тахмасиб II осадил Тебриз, причем к нему примкнул и Сафи Гули-хан. Сераскер турецких войск Абдулла Копрулли, получив известие об осаде Тебриза, поспешил на помощь осажденному гарнизону, однако по дороге его

войска были разгромлены и отброшены к Иревану.⁴⁷ В сентябре 1730 г. османский гарнизон в Тебризе сдался.⁴⁸ Турецкий историк И. Х. Данишменд пишет, что тебризский сераскер, выполняя тайный приказ правительства, бросил 70—80 тысяч своих воинов на произвол судьбы и ночью покинул Тебриз. Вошедшие в город кызылбашские войска истребили тысячи османских воинов и находившихся в городе мирных турецких граждан.⁴⁹ В это же время турки потеряли и Хамадан.⁵⁰

Войска Тахмасиба II осадили Ардебиль, но попытки взять город оказались безуспешными. Гянджинский Ибрагим паша потребовал от ширванского правителя Сурхай-хана присоединиться к нему со своим войском и отправиться на выручку Ардебиля. Сурхай-хан собрал 3-тысячное войско, однако сам не захотел выступить в поход и намеревался послать это войско под командованием своего сына.⁵¹ Тем временем русское правительство, заинтересованное в скорейшем вытеснении турок из Ардебиля, граничившего с Прикаспьем;

дало указание командующими русскими войсками и Гиляне генералу Левашову оказать помощь иранским войскам. Русские военачальники старались любыми способами добиться ухода турок из Прикаспья. Так, например, генерал Левашов 26 сентября 1730 г. писал императрице Анне Иоанновне о том, что он с этой целью вызвал к себе двух турецких купцов и сказал им, якобы кызылбаши со всех сторон идут на Тебриз и об этом надо предупредить тебризского пашу.⁵² По утверждению Левашова, якобы именно эта угроза послужила причиной ухода турецкого пашы с войсками из Тебриза.⁵³

Левашов предложил также этим купцам сообщить осажденному иранцами ардебильскому паше, чтобы тот в крайнем случае со своим отрядом перешел в Астару под защиту русских. На этот случай он приказал генерал-майору Фамицыну, «чтоб оных принял и в безопасных квартирах поставил и провиантом довольствовал». ⁵⁴

М. С. Иванов и Ф. М. Алиев отмечают двойную игру генерала Левашова, который, предложив убежище ардебильскому паше, одновременно отправил на помощь Надиру несколько переодетых русских офицеров и артиллерию.⁵⁵ Сам Левашов 26 сентября 1730 г. писал императрице, что, приглашая турок из Ардебиля, он учитывал и то обстоятельство, что, возможно, иранцы нападут и на Астару, а там у русских недостаточно войск и прибывший турецкий отряд можно будет использовать так дополнительную силу.⁸⁶

Надо отметить, что Левашов о своем намерении писал одновременно и иранскому сардару, руководившему осадой Ардебилля, заявив, что уход турок будет выгоден для иранской стороны.⁵⁷

Правитель Ардебилля Али паша сначала не хотел сдавать город иранцам и даже предложил Левашову направить русский отряд в количестве 1500 человек с двумя командирами к Ардебиллю, чтобы он мог сдать им «город со всеми пушками и со всеми припасами».⁵⁸ Али паша предлагал, чтобы потом один из командиров с 500 человек остался в городе, а другой с отрядом из 1000 человек сопровождал турок до Гянджи.⁵⁹

В конце концов туркам пришлось оставить Ардебиль. турецкий отряд вышел из города 5 января и прибыл в Астару. Турецким воинам были выданы кормовые деньги, и астаринский комендант генерал-майор Фамицын выделил отряд для сопровождения турок и на дорожные расходы 6 тыс. гурушей (3000 рублей).⁶⁰ Сначала предполагалось, что отряд Али паши проследует в Гянджу. Но ввиду того, что Сурхай-хан не отправил для сопровождения затребованные от него 3000 человек к месту слияния Аракса и Куры, туркам было разрешено ехать через Баку, и 27 февраля 1731 г. они прибыли в Шемаху.⁶¹

В начале 1731 г. внутривосточная ситуация в Османской империи в определенной степени стабилизировалась, и правительство получило возможность снова вплотную заняться иранскими и закавказскими делами. Началось новое, правда на этот раз кратковременное, наступление османских войск в Закавказье и Иране.

30 июля 1731 г. Ахмет паша без боя занял Кирманшах. Успехам османов способствовали и неудачные действия Тахмасиба II. Дело в том, что в 1731 г., когда Надир был занят подавлением мятежа в Хорасане, Тахмасиб II, чтобы поднять свой авторитет, предпринял поход с целью захвата Иревана и Нахичевани, однако потерпел поражение.⁶² Воспользовавшись этим, османские войска продвинулись вперед и ценой больших потерь заняли г. Урмие.⁶³ По сведениям, полученным в Стамбуле, в середине октября 1731 г. Хакимоглу Али паша уже осадил Тебриз. Город в это время обезлюдел, и его трудно было защитить только силами шахских отрядов. Благодаря измене одного

из иранских полководцев Али паше удалось без особого труда 4 декабря 1731 г. овладеть Тебризом,⁶⁴ и по этому Случаю в Стамбуле три дня продолжалась «пушечная стрельба» и «музыка у знатных играла». В связи со взятием Тебриза султану Махмуду было присвоено почетное имя гази.⁶⁵

179

В донесении Левашова и барона Шафирова 20 марта 1732 г. приводятся подробные сведения о вторичном захвате Тебриза турками. Оказывается, Тахмасиб II оставил город без надлежащей защиты, поручив управление им сначала халхалскому Мухаммед Гули-хану, а затем Биситун хану.⁶⁶ Мухаммед Гули-хан, узнав о своем смещении, разграбил караван-сарай и богатые дома и ушел в Халхал. Биситун-хан тоже недолго продержался в Тебризе. Услышав о приближении Али паша с многочисленным войском, он покинул город, оставив там своего сына с полутора тысячами воинов. Покинуло город и большинство жителей—остались лишь около двух тысяч самых неимущих. Когда же турецкие войска подошли к Тебризу, сын Биситун-хана вместе со своими воинами также покинул город.⁶⁷

В конце 1731 г. был снова занят турецкими войсками Ардебиль, и Али паша назначен его правителем.⁶⁸ Потеряв несколько городов, Тахмасиб II запросил мира у османского двора. Турецкое правительство решило начать мирные переговоры, но одновременно продолжало «бдительность войск в границах прибавливать».⁶⁹ В середине ноября 1731 г. секретарь реисуль-киттаба сообщил И.Неплюеву и А. Вышнякову, что османской двор желает заключить с шахом мир на прежних условиях, но оставив за собой Тебриз.⁷⁰

В конце 1731 г. в Хамадан уже прибыли послы Тахмасиба Мухаммед Риза-хан Горчи баши, Мустафа-хан Бегдили и Шахгули Беджан-бей. Они предлагали заключить мир, утвердив границей линию между Багдадом и Кирманшахом и далее по Араксу.⁷¹

24 января 1732 г. в Стамбуле было получено донесение багдадского Ахмет паша, в котором он сообщал, что прибывший к нему в Кирманшах посланник Тахмасиба

II предложил заключить мирный договор на прежних условиях, согласованных в 1730 г. По этим условиям Османская империя должна была отказаться от Тебриза, Кирманшаха, Гувейза, Хузистана и Хамадана; за Турцией оставались Грузия, Армения, Гянджа и Шемаха. Ахмет паша багдадский советовал принять эти условия, считая, что, во-первых, Тебриз и Хамадан разорены и опустошены и потому не принесут никакой прибыли, а напротив, потребуют значительных средств для их восстановления,⁷² во-вторых, если мир не будет заключен, то война может затянуться, учитывая, что Тахмасиб Гули-хан уже усмирил в это время подступавших к Меш

180

Хеду афганцев и должен был возвратиться с войском к турецким границам.⁷³ Ахмет паша, не дождавшись официального согласия своего правительства, принял предложенные условия и 30 декабря 1731 г. в Кирманшахе заключил договор с шахским послом. По условиям этого договора Османская империя обязывалась возвратить шаху Хамадан, Кирманшах, Ардебиль и Тебриз. Шах же уступал туркам Шемаху, Гянджу, Картлию, Кахетию и Иреван.⁷⁴

В начале 30-х гг. XVIII в. положение России в Закавказье и Иране значительно осложнилось. В 1730 г. Тахмасиб Гули-хан, извещая генерала Левашова о своих победах над турками, потребовал немедленного возвращения прикаспийских провинций. Дело в том, что, как уже отмечалось, русское правительство ранее обещало, что, как только шах сам сможет дать отпор своим врагам и овладеет Исфаганом, Россия сразу же передаст ему обратно прикаспийские области. Тахмасиб Гули-хан даже потребовал возвращения денежных сборов, собранных русскими властями в прикаспийских провинциях.⁷⁵

Левашов ответил посланнику, что русские немало помогли шаху, и афганцы оказались побеждены во многом благодаря русскому оружию. С другой стороны,

присутствие России вынуждало Османскую империю все время держать войско поблизости от прикаспийских провинций, что облегчило Ирану военные действия. Что же касается возвращения прикаспийских провинций, Левашов напомнил, что приграничные с ними земли еще находятся в руках турок, и потому российское правительство считает преждевременным говорить об их возвращении.⁷⁶

Надо сказать, что в это время ухудшилось международное положение России: она оказалась перед угрозой остаться лицом к лицу с коалицией в составе Англии, Франции, Пруссии, Османской империи и Швеции. Поэтому русское правительство само стало тяготиться прикаспийскими провинциями—военное присутствие там становилось слишком обременительным. К тому же успехи шахских войск позволяли надеяться, что в случае возвращения прикаспийских территорий Ирану, они не достались бы давнему сопернику России—Османской империи. Поэтому в мае 1730 г. коллегия иностранных дел направила Левашову указ с предписанием передать Тахмасибу II согласие России на уступку Ирану земель до реки Куры.⁷⁷ В случае, если Тахмасиб II потребует еще больших уступок, следовало на словах пойти

181

Эму навстречу, но не заключать При этом никаких письменных соглашений.⁷⁸

После получения летом 1730 г. известия о захвате Тахмасиб Гули-ханом Тебриза и о намерении его двинуться дальше в Гилян, коллегия иностранных дел посоветовала генералу Левашову в этом случае предложить Тахмасиб Гули-хану, чтобы тот, не дожидаясь официального заключения мира, принял под свою власть все прикаспийские провинции южнее р. Куры.⁷⁹

Указом императрицы от 4 августа 1730 г. Действительный тайный советник барон П. И. Шафиров был назначен помощником Левашова на переговорах с Тахмасибом II.⁸⁰

Русское правительство дало Левашову и Шафирову грамоту, уполномочивавшую их к заключению мирного договора.⁸¹ В секретной инструкции Шафирову говорилось: Видно, что Тахмасиб II набирает силу и уже Исфагань отобрал, с другой стороны, по имеющимся данным, Османская империя, видя победы Тахмасиба, через всякие способы ищет с ним шахом примирения, поэтому интересы России требуют, чтобы раньше турков заключить трактат с Тахмасибом II и воздержать его от заключения договора с Османской империей.⁸²

Левашову и Шафирову предлагалось склонить Тахмасиба II к заключению мирного трактата, заневерив, что Россия желает, чтобы «персидское государство в прежней славе и силе осталось». Поэтому шаху следовало дать обещания, что после нормализации обстановки в регионе остальные прикаспийские провинции Россия безвозмездно уступит Ирану.⁸³

Чтобы удержать Иран от заключения договора с Османской империей, русское правительство пыталось убедить Тахмасиба II в том, что последняя вынашивает планы захвата всего Ирана и предлагает России объединиться с ней против Тахмасиба, императрица же не намерена вступать в союз с турками; поэтому в интересах шаха как можно скорее заключить союз с Россией, которая не допустит расширения турецких владений в прикаспийском регионе.⁸⁴ Левашов и Шафиров должны были сообщить шаху, якобы турки намерены возвести на престол содержащегося в Стамбуле лжепринца и под предлогом восстановления его власти оккупировать всю территорию Сефевидского государства.⁸⁵ Если бы Тахмасиб II отказался пойти на соглашение с Россией, то Левашову и Шафирову предписывалось пригрозить ему тем, что Россия в таком случае объединится с Турцией, чтобы посадить на шахский престол лжепринца, т. к. Россия не

уступить туркам земли Багдадской сто т. е. подальше от российских границ. Мотивировалось это тем, что шах потом сможет легко вернуть себе эти территории, поскольку живущие там арабы часто восстают против Османской империи. Левашову и Шафирову предписывалось пообещать шаху помощь России в этом деле. Слывало также убедить иранское правительство в И что в случае уступки туркам кавказских провинции Иран окажется изолированным от России что облегчит в дальнейшем Османской империи осуществление своих экспансионистских планов в отношении Ирана.⁸⁷

Шайирову и Левашову предлагалось действовать соответственно обстановке. Сначала следовало согласиться лишь на уступку Мазандарана и Астрабада и только в том случае если шах этим не удовлетворится, уступить Гилян даже до Астары и Ленкорани лишь в крайнем случае предлагалось пообещать земли до самой р. Куры, причем желательно договориться о денежном вознаграждении за оставленные земли. Такие уступки должны были мотивироваться желанием русских властей что чья-то упрочил свое положение.⁸⁹ Россия опасалась, что эти земли впоследствии будут захвачены Османской империей что создаст угрозу границам самой России.

Русское правительство, узнав от Неплюева о том что Тахмасиб II отвоевал Тебриз и Халхал и намерен предпринять поход в прикаспийские провинции, 8 октября отдало Левашову приказ: если нет опасности захвата Гиляна и других прикаспийских провинций турками, отступить к р. Куре и стоять там, пока турки не будут окончательно изгнаны из прилегающих к Каспийскому морю территорий. Левашов в этом случае должен был отойти с войсками Баку, однако удерживая в своих руках берег р. Куры.⁹⁰

Барон Шафиров прибыл в Решт в апреле 1731 г. Однако еще до этого- в конце 1730 г. генерал Левашов начал переговоры с представителями Тахмасиба II. В ноябре 1730 г. Последний писал Левашову, что согласен заключить мир при условии возвращения Ирану всех прикаспийских провинции, ранее принадлежавших сефевидам.

Однако 4 июля 1731 г. русское правительство дало указание Левашову и Шафирову затянуть «действительное уступление»

гилянских земель до тех пор, пока Иран, усилившись, не начнет вытеснять османов.⁹³ Дело в том, что в это время на театре военных действий чаша весов вновь стала склоняться на сторону Османской империи.

Только спустя некоторое время, когда стало известно что готовится подписание османо-иранского договора, и опасаясь что Иран может объединиться с Османской империей против России правительство последней поспешило договориться с шахом; 21 января 1732 г. в Реште был заключен русско иранский договор.⁹⁴ Во второй его статье говорилось что русская императрица обязуется передать шахскому представителю Мухаммед Ибрагиму Лахиджанский, Ранекугский магалы по реке Сефидруд через месяц после заключения и обмена текстами трактата, не дожидаясь ратификации. Что касается гилянских, астаринских и других земель южнее Куры, то Россия обязалась передать их Ирану через 5 месяцев после ратификации договора. В отношении провинций расположенных севернее р. Куры, была достигнута договоренность об их возврате Ирану только после того, как шах вернет себе все бывшие владения сефевидов, занятые Османской империей.⁹⁶

В третьей статье договора шах в знак благодарности разрешал русским купцам бесполошленную торговлю в Иране и Азербайджане.⁹⁷ Русским купцам предоставлялось также право бесполошлиного транзита. В этой же статье оговаривалось, что местные правители должны содействовать русским купцам в получении долгов.⁹⁸ Им разрешалось строить в крупных населенных пунктах в торговых целях дома караван-сарай и лавки.⁹⁹ В свою очередь, иранские купцы, прибывшие в Россию с шахскими грамотами, могли бесполошлинно закупать товар «для шахского обихода».¹⁰⁰

Согласно шестой статье договора, наряду с официальными представительствами при дворах в лице резидентов в обеих странах в крупных городах разрешалось учреждать консульства которые занимались бы налаживанием торговых связей.¹⁰¹

Согласно восьмой статье договора шах обязался восстановить Вахтанга VI на грузинском престоле.»¹⁰²

Рештский договор 1732 г. вызвал широкий международный резонанс, причем отношение к нему великих держав было неоднозначным. Так, в Австрии приветствовали этот договор. В частности, в 37 номере венской газеты «*Winerishes Diatum*» от 1 мая 1732 г. была напечатана статья, где выражалась радость по поводу его заключения.¹⁰³

Османской же двор был сильно обеспокоен русско-иракским сближением и потребовал от И. Неплюева объяснений по поводу заключения с шахом мирного договора и передачи Ирану ряда провинций без ведома турецкого правительства. На это Неплюев ответил везиру Али паше, что, во-первых, Россия еще раньше объявила, что вступает в прикаспийские провинции не с целью их аннексии, а для обеспечения безопасности своих границ; во-вторых, русское правительство, узнав, что Османская империя заключила с шахом договор и уступила ему некоторые земли, также сочла нужным заключить мирный договор с Ираном и вернуть часть прикаспийских провинций.¹⁰⁴

Выполняя договор, русские войска уже в июле 1732 г. покинули г. Решт.¹⁰⁵ Некоторые историки считают, что российское правительство поступило недальновидно, уступив прикаспийские провинции Ирану, и даже выражают по этому поводу сожаление. Однако, по нашему мнению, русское правительство исходило из реальной обстановки и учета собственных возможностей. Во-первых, вспомним, что завоевание прикаспийских провинций Петром I не было самоцелью, а являлось лишь промежуточным звеном в его далеко идущих планах, в частности—предотвратить возможное проникновение Османской империи через Каспийское море в Поволжье, захватить все Закавказье и Западный Иран, установить торговые связи с Индией и т. п. К началу 30-х гг.

некоторые из этих задач (предотвращение турецкой экспансии) были решены, выполнение же остальных для того периода представлялось нереальным. Поэтому вряд ли было целесообразно ценой больших людских и материальных потерь удерживать дальше прикаспийские провинции, не имея конкретных перспектив, перед лицом надвигающейся войны с Османской империей. Кроме того, попытка сохранения прикаспийских провинций грозила привести к войне и с набравшим силу Ираном. В то время Россия не имела достаточных ресурсов и возможностей для успешной борьбы и с Османской империей, и Ираном—это было очевидно.

Число постоянного контингента войск в завоеванных провинциях от р. Терека до Решта составляло всего 30 тыс. человек, которые входили в 10—12 пехотных и 8 драгунских полков. Кроме того, здесь несли службу регулярные войска, состоявшие из казаков и калмыков, а также ланд милиция—всего свыше 10 тыс-1 человек. Для выполнения вспомогательных работ в Баку и другие города было отправлено 5 тыс. татар, мордвинов и чувашей.¹⁰⁶ По данным

П. Г. Буткова, все расходы по содержанию оккупированных прикаспийских провинций составляли больше миллиона рублей в год, т. е. в четыре раза больше, чем доходы казны от этих земель.¹⁰⁷ Людские потери за время оккупации прикаспийских провинций были также велики. По оценкам историков, они колебались от 130 до 200 тыс. человек,¹⁰⁸ причем в основном эти потери были результатом непривычного климата и заболеваний малярией.

Активизировала в это время свою антирусскую деятельность и Франция. По сведениям русского резидента Неплюева, сын прибывшего в Турцию «изменника» Филиппа Орлика был во Франции и оттуда возвратился в Смирну, ожидая там инструкций от французского посла с тем, чтобы отправиться в Иран для «возмущения шаха против России». В связи с этим Левашову и находившемуся при дворе шаха С. Аврамову поручалось захватить Орлика во что бы то ни стало, когда он прибудет в Иран, чтобы тот не сумел нанести ущерба русско-иранским отношениям.¹⁰⁹

Некоторые французские офицеры активно помогали приведению турецкой армии в боеготовность. Так, например, граф Боневал, бывший французский офицер, впоследствии австрийский генерал, позднее принял ислам и стал турецким пашой. Он в 1732 г. был назначен главным командиром турецкой артиллерии, преобразовал ее и сформировал первые османские полки по европейскому образцу.¹¹⁰

Если русское правительство, действуя гибко, без борьбы уступило Ирану прикаспийские провинции южнее р. Куры, то османским властям не удалось выйти без осложнений из так называемых «персидских дел». И. Неплюев и А. Вышняков из Стамбула сообщали, что, хотя правящие круги Османской империи устали от затянувшейся войны, но опасаются отдать Тебриз иранцам.¹¹¹ Не случайно вопрос об утверждении трактата, заключенного Ахмет пашой багдадским

с шахским представителем, обсуждался в диване несколько раз.

Донесение Ахмет паши о заключении/ им мира было получено султанским двором 24 января 1732 г. В тот же день поступило письмо тебризского правителя Али паши, который категорически выступал против отдачи Тебриза Ирану. Он уведомлял, что это решение чревато опасными последствиями, ибо его воины

успели захватить и присвоить дома и земли, как это было и при взятии Тебриза в первый раз в 1725 г. Известно, что когда при султানে Ахмете III в 1790 г. Тебриз был возвращен шаху, находившиеся там янычары,

186

Лишившись захваченных ими домов и земель, взбунтовались, что стало прелюдией к Стамбульскому восстанию 1730г., Али паша считал, что и на этот раз передача Тебриза Ирану может вызвать возмущение в турецких войсках.¹¹²

В конце января состоялся большой диван, в котором участвовало до 60 высших сановников Османской империи. На этом диване Ахмет паша сделал сообщение о заключении им договора с иранскими представителями. Большинство членов дивана, после некоторых колебаний, высказалось за заключение мира. Султан поручил участникам дивана сообщить об этом решении своим подчиненным и выяснить их мнение.¹¹³ Муфтий объявил фетву, которая разрешала уступить завоеванные территории, если к тому вынудят обстоятельства.¹¹⁴

На очередном диване, состоявшемся 28 января, почти все представители войсковых частей заявили о необходимости скорейшего заключения мира с Ираном.¹¹⁵

Однако такая неуступчивая позиция турецкого султана носила чисто декларативный характер. В начале 1732 г. Непюев и Вышняков передавали, что Ахмет паша, не дожидаясь ратификации договора, уже отдал Хамадан иранским войскам и собирается покинуть Кирманшах.

После получения текста договора, на диване, состоявшемся 18 февраля 1732 г., вновь было высказано опасение во поводу отдачи Тебриза.¹¹⁸ Неплюев и Вышняков писали, то султан открыто выражает свое недовольство по случаю уступки Тебриза, чтобы взвалить всю вину на везира Ибраима пашу, убитого в 1730 г., а также здравствующего муфтия Башмакчизаде за то, что они дали соответствующие полномочия Ахмет паше. Под этим предлогом султан и сменил муфтия. Что же касается договора, заключенного с шахом, то султан заявил, что

вынужден его ратифицировать, поскольку Ахмет паша заключил его на законном основании, исходя из предоставленных ему полномочий.¹¹⁹ Все эти высказывания султана умышленно разглашались, чтобы предотвратить новые волнения среди тебризских янычар. На самом же деле султан и весь двор были довольны заключенным договором. В пользу договора высказывались султан, везир, новый муфтий Дамагзаде и представители почти всех духовных,

187

гражданских и военных сословий. По одному представителю из каждого сословия было послано в Тебриз, что бы уговорить находившихся там воинов покинуть город.¹²⁰

Население Стамбула также было довольно заключением договора, поскольку мало кто хотел продолжать изнурительную войну против своих же единоверцев. При султанском дворе ожидали, какова будет реакция войска, находившегося в Тебризе, и потому официального сообщения о заключении мира не было.¹²¹

Русские резиденты Неплюев и Вышняков в марте 1732г., писали, что противник главного везира Осман паши—кизлар ага вместе с муфтием убеждали султана назначить великим везиром Али пашу, вызвать его в столицу и возложить на него тем самым как на главного везира ответственность за отдачу Тебриза. Таким образом, с одной стороны, можно было предотвратить бунт самого Али паши, который был против возвращения Тебриза Ирану, а с другой, если при сдаче Тебриза начались бы волнения янычар, свалить век вину за это на Али пашу. Если же Али паша не отдаст Тебриза, то население и войско в Стамбуле будут недовольны продолжением войны, и тогда в этом опять-таки можно будет обвинить Али пашу.¹²²

Султан, следуя совету кизлар ага и муфтия, сместил Османа и послал его пашою в Трапезунд, а главным везиром был назначен тебризский Али паша,

которому было приказано немедленно прибыть в Стамбул. При этом ему дали понять, что для скорейшего прекращения войны желательно передать Тебриз иранским войскам. Однако друзья Али паши из столицы писали ему, советуя ехать в Стамбул, не отдавая Тебриза, и сразу же по прибытии созвать диван для решения этого вопроса, чтобы избежать единоличной ответственности.¹²³

Опасения турецкого двора по поводу отдачи Тебриза имели основания. В Тебризе находилось несколько «серденгечи»¹²⁴—участников бунта 1730 года, многие из которых бежали сюда, спасаясь от преследований. Эти «серденгечи» считали, что после отдачи Тебриза их заберут в метрополию и там над ними учинят расправу за участие в восстании 1731 года. Поэтому они хотели снова поднять бунт в Тебризе, чтобы помешать сдаче города шахским войскам. Однако извещенный об их намерениях Али паша заранее собрал верных ему янычар и другие войска и, окружив бунтовщиков, находившихся в сераскерском дворе, перебил их. Развязав себе таким образом руки, Али паша немедленно сообщил

188

Заходившимся по соседству кызылбашским ханам что они могут войти в город. Таким образом, Тебриз был сдан¹²⁵ Али паша отвел свои войска к северу от Аракса и, разместив их в Иреване, сам уехал в Стамбул.¹²⁶

Возвратившийся 21 марта 1732 г. из Тебриза «казвинец» Дерях Гули-хан (вероятно, бывший бакинский правитель— т рассказывал, что османы в начале марта, оставив Тебриз, перешли через Араке и направились на север.¹²⁷

Мир между Ираном и Османской империей просуществовал недолго. Вернувшийся из Хорасана Тахмасиб Гули-хан (Надир) отказался признать договор, заключенный. Ахмет пашой с шахским представителем. Уже летом 1732 г. Тахмасиб II сообщил турецким властям, что Надир, отказываясь подчиняться ему, вооружается против Османской империи. Тахмасиб II призывал османский двор общими усилиями обуздать этого «возмутителя спокойствия». Однако турецкое правительство не поверило Тахмасибу II посчитало что, возможно, шах ведет

двойную игру, чтобы в случае неудачи Надира сохранить мир с Османской империей.¹²⁸

Турецкое правительство стало серьезно готовиться к отторжению ожидаемого наступления иранской армии. 2 июня 1732 г. были отправлены 10 капъчи баши во все азиатские провинции с приказом, чтобы все паши с войсками передислоцировались в течение 11 дней из Сирии в Багдад а из Анатолии в Иреван и Гянджу. Ослушавшимся грозила мертвая казнь. Сераскером в Багдаде был оставлен Ахмет паша, в Гяндже назначен был бывший везир Осман паша, а в Тифлисе—Шагин Мехмет паша.¹²⁹

19 августа 1732 г. Али паша привез из Стамбула в Шемаху 200 мешков денег на расходы по укреплению крепостей-Шемахи и Кабала и для раздачи жалованья воинам Сурхай-хана, а также 200 мешков сабель и другого оружия. Между тем борьба за власть между Тахмасибом II и

Надиром обострилась. Надо отметить, что русские власти не желали перерастания этого конфликта в открытую вооруженную борьбу, считая, что это серьезно ослабит Иран, а значит вновь приведет к усилению позиций Османской империи.¹³¹

По сообщению русского резидента С. Аврамова, 22 августа 1732 г. Надир арестовал Тахмасиба II и провозгласил его 3-месячного сына новым шахом под именем Аббаса III,¹³² себя же—векилом (регентом).¹³³ В донесении от 19 сентября 1732 г. он описывает эти события следующим образом. 15 августа 1732 г. Надир с 30 тысячами отборных воинов при-

189

был в Исфаган и разбил лагерь за городом в шахском саду. На третий день он встретился с шахом. Тахмасиб, вероятно, разгадав намерения Надира, принял его очень холодно. Тогда Надир взял под стражу несколько близких слуг шаха а когда 21 августа вечером Тахмасиб поехал к Надиру с целью освободить арестованных, Надир задержал и его самого.¹³⁴

22 августа Надир, прибыв в ставку, созвал всех ханов, минбаши (тысячников) и юзбаши и сказал им, что Тахмасиб—«беспутный пьяница», что он—виновник

поражения под Хамаданом, где погибли тысячи кызылбашей. Ханы молчали, потом гератский Рагим-хан и еще два других одобрили намерение Надира свергнуть Тахмасиба II. После этого привели шаха и по приказу Надира сняли с его головы корону и перо с мэндилом. Поцеловав эти атрибуты шахской власти, Надир положил их возле себя. После этого привезли жену шаха, родившую сына, и ей были отданы корона и перо с мэндилом. Вызвав резчика печатей, ему приказали сделать новую печать с именем шаха Аббаса. Представителям духовенства было приказано читать хутбу на имя нового шаха. Они попросили подождать до 17-го числа месяца по лунному календарю (т. е. до 28 августа по христианскому календарю) под тем предлогом, что это благоприятный день.¹³⁵ 28 августа Надир вошел с войском в Исфаган и расположился в шахском дворце. На трон была поставлена богато убранная колыбель, в которой находился трехмесячный сын шаха. Около колыбели положили маленький мэндил с пером и саблю. Надир, призвав ханов, минбаши, юзбаши и высшее духовенство, поздравил их с воцарением шаха Аббаса III и пожаловал всех от имени шаха «богатыми халатами»¹³⁶ Тахмасиба II выслали в Мешхед, где он был ослеплен.¹³⁷ Полностью узупировав власть. Надир вскоре проявил себя как жестокий и неразборчивый в средствах правитель, Он стал силой отбирать имущество у подданных, присвоил казну шаха в Исфагане и отправил ее в Хорасан.¹³⁹ После свержения Тахмасиба Надир расширил военные операции против Османской империи, надеясь, что победы помогут ему упрочить свою власть. Он отправил Угурлу хана в Гянджу, а сам со сотысячной армией двинулся в сторону Ирака.¹⁴⁰ В декабре 1732 г. Надир с войском вошел в Кирманшах и начал угрожать Багдаду.¹⁴¹

И. Неплюев 18 февраля 1733 г. писал из Стамбула, что Надир со всей армией и артиллерией подступил к Багдаду,

Реис-ул-киттаб ответил, что татарам дано указание в случае, если они окажутся на русской территории, чтобы они шли, не причиняя никому ущерба и согласуя свои действия с российскими властями.¹⁵⁰ В связи с этим реис-ул-киттаб просил Неплюева дать указание русским командирам «чтобы они это за противность не приняли», так как к таким действиям Османская империя была вынуждена прибегнуть из-за нехватки времени без предварительного согласования с русским правительством.¹⁵¹

2 марта Неплюев имел беседу по этому поводу уже с самим везиром, который также просил, чтобы русское правительство не препятствовало проходу татар, ибо эта вынужденная мера предпринимается лишь с целью ускорить переброску татарских войск в Ширван, где они объединятся с силами Сурхай-хана, чтобы нападать на тылы Надира. Везир отметил, что крымскому хану предписано действовать согласованно с русскими командирами. Однако, несмотря на все эти заверения, Неплюев продолжал противодействовать предстоящему походу татар и писал генералу Еропкину и фон Вейзбаху, «дабы они всячески тому походу препятствовали».¹⁵²

Крымский хан, несмотря на возражения с русской стороны, 9—10 марта отправил поход под командованием Фаты Гирея 10 тыс. татар; к ним по дороге должны были присоединиться 5 тыс. ногайцев и столько же кубанцев. По сведениям Неплюева, татары сначала направились в Ногай, а оттуда должны были продолжить путь через Кубань, мимо Кабарды в Кумыкию, намереваясь через кумыкские горы пройти прямо в Тифлис; если бы это им не удалось, они через уцмиевы земли в Кайтаге должны были попасть во владения Сурхай-хана и оттуда в Шемаху.¹⁵³

Русское правительство твердо решило силой оружия помешать переходу крымских татар через прикаспийские провинции в Ширван.

9 июня 1733 г. между речками Татартун и Сунджу (притоки Терека) произошло сражение между татарскими силами и русским отрядом, преградившим им дорогу. После упорного и кровопролитного боя крымцы, понеся большие потери, отступили.¹⁵⁴

В донесениях от 11 и 16 июля 1733 г. в коллегия иностранных дел командующий русскими в Прикаспье генерал Гессен-Гамбургский сообщал о том что крымские татары

подошли к Дербенду и, соединившись «с уцмием, намереваются наступать на город. Русское правительство срочно направило помощь дербендскому гарнизону, а Гессен-Гамбургский был заменен генералом Левашовым,—видимо, потому что последний был лучше знаком с обстановкой в Прикаспье.¹⁵⁵

Крымские татары, потерпев поражение, устремились в Ширван другим путем—через Аксай, Эндери и Койсу, но не смогли проникнуть туда, миновав Дербенд.¹⁵⁶

18 июля в полночь крымское войско вместе с силами уцмия и табасаранцами напало на отряд полковника Ломана, стоявший в

лагере у Дербенда. Перестрелка продолжалась около трех часов.¹⁵⁷ Понеся значительные потери у Дербенда, крымские войска по горным тропам через Табасаран проникли в Ширван.¹⁵⁸

В Стамбуле было торжественно объявлено, якобы татарский корпус разбил российское войско за Терекон и прибыл в Ширван. Согласно сведениям, полученным русскими офицерами, крымское войско переправилось через Куру и вступило в бой с шахсеванами и курдами, но потерпело поражение.¹⁶⁰

Подругам же данным, татары, разделившись на две части, направились к Тебризу и Хамадану.¹⁶¹

26 сентября 1733 г. в канцелярию русского командования в Баку явился из Гянджи шабранский житель Хаджи Мухаммед, который рассказал следующее. Будучи в Шемахе, он

узнал, что Сурхай и крымский хан вместе с 18-тысячным войском двинулись к Куре, откуда Сурхай вернулся в Шемаху, а хан и с ним наиб Сурхая—Карал-бей переправились через Куру выше Джавада, построив там мост. Туда же прибыл и гянджинский Али паша, имея под командованием 6 тыс. человек. Объединившись, они направились в Барду, где пробыли 3 дня, а затем через Карадаг к ардебильским летним пастбищам. Здесь они узнали, что иранцы уже покинули Апде-

биль. Али-паша, оставив татарское войско на летних пастбищах, отправил отряд турок в Ардебиль, а сам с отрядом в 700 человек возвратился в Гянджу.¹⁶²

П. Г. Бутков пишет, что прибывшие в Ширван крымские татары готовились к нападению на Гилян, однако, узнав о приближении Надира, отступили к Гяндже.¹⁶³

Столкновение между татарами и русскими войсками в Прикаспье резко обстроила российско-турецкие отношения. Обе стороны начали приготовления на случай войны. И. Неплюев писал в это время об отправке турками в Азов амуниции

и артиллерии и советовал своему правительству «во всех пограничных местах удобную осторожность иметь».¹⁶⁴

Обострились русско-турецкие противоречия и в других регионах, в частности, в Польше. После смерти польского короля Августа II Франция опять выдвинула кандидатом на польский престол Станислава Лещинского—сына шурина Людовика XV. Ставленником же России на польский престол был Станислав Август. Маркиз Вильнев, ставший с 1728 г. представителем Франции в Стамбуле, по словам А. Кочубинского, стремился турецкими руками вернуть Польше Смоленск и Киев. Вильнев всячески убеждал османский двор, что Австрия, Россия и «креатура» их—Август хотят изгнать турок из всех европейских провинций.¹⁶⁵

Активизировал свою антироссийскую деятельность при османском дворе уже упоминавшийся выше граф Боневал, который часто посещал везира и тот принимал его с «почтением».¹⁶⁶ В начале 1734 г. Боневал писал везиру и Вильневу «Москвиты своим быстрым ростом изменяют всю систему Европы. Их положение и интересы делают их неразлучными союзниками Австрии, следовательно врагами Порты и Франции. Поэтому крайне необходимо и для пользы Турции, и Франции, чтобы вернуть, если возможно, московитов в их старые границы и помешать им принимать участие в делах Европы».¹⁶⁷

27 июля 1733 г. последовал указ императрицы, в котором говорилось о столкновениях с крымскими татарами и о том, что едва ли можно будет избежать прямой войны с турками.

Потому интересы России требуют всячески подстрекать Иран к продолжению войны, а также произвести против- турок «сильную диверсию».¹⁶⁸

Переброской сил крымских татар в Азербайджан Османская империя не добилась преимущества в войне с Ираном. В сентябре, когда турецкие войска демобилизовались, Надир

появился под Каркуком. В происшедшем сражении турецкий сераскер Топал Осман паша получил раны и впоследствии умер.¹⁶⁹ Его преемником был назначен анатолийский вали Абдулла Копруллазаде паша.¹⁷⁰ Между тем Надир захватил Шахризур, Каркук и Дарну. В январе 1734 г. он уже приблизился к Багдаду и, отправив посланника к Ахмет паше, потребовал отдачи ему Иревана, Гянджи, Тифлиса и Кахетии. Поскольку Ахмет паша не был уверен в том, что ему удастся отстоять крепость, он попросил у Надира 70—80 дней для переговоров со своим правительством. Надир, согласившись с этим, вернулся в Иран.¹⁷¹

И. Неплюев и Вышняков 2 февраля 1734 г. писали, что Ахмет паша багдадский заключил с Надиром договор на условиях иранско-турецкого договора времен султана Мурада IV. т.е. на условиях возвращения всех захваченных территорий бывшей Сефевидской державы Ирану. Однако состоявшийся 28 января расширенный диван, несмотря на явное желание правительства добиться скорейшего мира, не утвердил договор, заключенный Ахмет пашой багдадским и Надиром, и было принято решение продолжать войну.¹⁷² Это было вызвано опасением нового бунта янычар, которые стали владельцами поместий и домов на завоеванных территориях, что явилось бы повторением событий 1730 года.

Надир из Мосула двинулся на Ширван и не без помощи шиитов, находившихся в городе, 24 августа 1734 г. Занял Шемаху.¹⁷³ По приказу Надира город был разрушен, а его население переселено к реке Ахсу.¹⁷⁴

Захватив Шемаху, Надир направил в Петербург своего посланника Гусейн-хана, потребовав оставления Россией всех прикаспийских провинций южнее р. Терека.¹⁷⁵ Однако еще до его прибытия русское правительство, уведомленное через С. Голицына о требованиях Надира, решило, что настал момент оставить все новозавоеванные прикаспийские провинции, как советовал и находившийся в то время в Баку генерал Левашов. 29 октября 1734 г. Левашову был отправлен указ, в котором предлагалось сообщить Надире о решении России вывести свои войска из Баку, но с условием, что Надиром будут признаны остальные пункты Рештского трактата.¹⁷⁶ Левашову было предписано покинуть Баку и перевести войска в Дербенд, не уничтожив ни одного военного укрепления. На него же была возложена подготовка к сдаче Дербенда.¹⁷⁷ Поспешность российского правительства при оставлении Баку и Дербенда объяснялась тем, что оно считало войну с Османской империей неминуемой и стремилось побыстрее перебросить войска из Прикаспья на Дон и Украину.¹⁷⁸ Между тем Надир, после захвата Шемахи, двинулся в Казикумык. Сурхай около Кабалы потерпел поражение от иранского отряда и бежал в Аварию.¹⁷⁹ В связи с приближением зимы Надир вернулся из Дагестана и в середине октября осадил Гянджу.¹⁸⁰ В это

время в городе находился большой гарнизон под командованием Гаджи Али паша и крымского султана Фаты Гирея.¹⁸¹

Осада Гянджи затянулась. В начале января 1735 г. Воины Надира сделали подкоп под крепостной стеной и подорвали ее, в результате чего образовалась яма глубиной около 20 саженьей.¹⁸²

195

В минировании крепостных стен иранским мастерам оказывали помощь русские артиллеристы.¹⁸³ Здесь следует отметить, что находившийся при дворе Надира русский посол

С. Голицын всячески подстрекал его к военным действиям против турок,¹⁸⁴ и русские власти тайно помогали Надиру. Гянджинская крепость с трех сторон была окружена валом, и в это замкнутое пространство было отведено русло реки Гянджачай. Однако, когда южные стены уже были серьезно повреждены, защитникам крепости удалось ядрами разбить вал и выпустить воду.¹⁸⁵

Османское правительство отправило на помощь к осажденным сераскера Абдулла пашу с 20 тысячным войском.¹⁸⁶

Это вызвало тревогу русского правительства. С. Голицын 21 января 1735 г. писал, что, если Абдулла паша подойдет с армией к Гяндже, то тогда уже Надир вряд ли сможет захватить город

Россия, стремясь побудить Иран к продолжению войны с Османской империей, уступила и остальные прикаспийские провинции, захваченные ею после 1722г. 10(21) марта 1735г.

в день Новруза—новогоднего праздника в лагере Надира был подписан договор между иранским правительством и находившимся здесь русским послом С. Голицыным. Согласно этому договору Россия обязалась оставить Баку через 2 недели, а Дербенд—через 2 месяца после его подписа-

ния.¹⁸⁸ Было оговорено, что эти города ни в коем случае не должны попасть в руки третьей державы. Кроме того, Россия признавала власть Ирана над шамхалом, уцмием и другими дагестанскими владетелями.¹⁸⁹ В свою очередь Надир

разрешил беспошлинную торговлю русских купцов в подвластных ему землях, открытие российских консульств в Иране и Азербайджане и т. п.¹⁹⁰ Гянджинский договор 1735 г., как и Рештский договор 1732 г., был целиком направлен против Османской империи. В ответ на «добрую волю» России Иран обещал быть «в вечном союзе с Российской империей и со всеми теми, кто противу России войну иметь похочеть»¹⁹¹ Стороны договорились не вести без ведома друг друга переговоры с Османской империей.¹⁹²

Признание Россией власти Ирана над Дагестаном, на который претендовала и Османская империя, естественно, вызвало крайнее раздражение турецкого правительства. На чрезвычайном диване у везира было решено послать в Дагестан войска крымского хана, чтобы организовать соп-

196

противление Надиру,¹⁹³ а также захватить возвращенные Ирану прикаспийские провинции южнее р. Терек. В то время, как отправленная на помощь гянджинскому гарнизону турецкая армия Абдулла паша вошла в пределы Закавказья, Надир, оставив часть своей армии у Гянджи, двинулся ей навстречу. Согласно сообщению находившегося при Надире капитана Полозова, 8 июля 1735 г. Абдулла паша, Сары Мустафа паша и Теймур паша с 40-тысячным войском остановились в четырех верстах от лагеря Надира на р. Зенги. На следующий день произошло большое сражение, продолжавшееся несколько часов. Надир, несмотря на упорное сопротивление турок, перешел в наступление по всему фронту и, разгромив османскую армию, захватил всю ее артиллерию (до 32 орудий и много пороха), а также обоз, после чего турки стали отступать. Сам Абдулла паша и Сары Мустафа паша пали на поле боя. Голову первого и тело второго доставили Надиру. Пехота, среди которой было много янычар, была вся перебита. Османские войска потеряли около 15 тысяч убитыми и несколько сот пленными.¹⁹⁴

Была захвачена и казна, отправленная Абдулле паше из Стамбула и состоявшая из 160 мешков денег.¹⁹⁵

Сведения русского капитана в основном подтверждаются другими источниками и турецкими историками. Так, И. Х. Узунджаршили пишет, что в июне 1735 г. недалеко от Иревана Абдулла паша с 40-тысячным войском напал на армию Надира, однако после 5-часового сражения был вынужден отступить « в обратную сторону Карсской реки». Надир оттуда направился в сторону Арпачая и в районе Базагерда 22 июня 1735 г. произошло крупное сражение между силами Надира и преследовавшим его турецким войском, в результате которого турки были разгромлены, а сераскер Абдулла паша, а также Сары Мустафа паша убиты. Иранцы захватили 32 пушки и много пленных. После смерти Абдулла паша сераскером снова был назначен Ариф Ахмет паша.¹⁹⁶

После ряда последовавших затем неудач турецкие войска покинули Тифлис, Иреван и Гянджу,¹⁹⁷ причем гарнизоны в Гяндже и Тифлисе, договорившись о том, что им дадут свободно уйти в Турцию, сдали без боя крепости Надиру.¹⁹⁸

Надир вынашивал дрезкие планы захвата столицы Османской империи и добивался от русского правительства помощи в этом деле. Прибывшее в первой половине 1735 г в Россию иранское посольство просило выделить суда для перевозки войск Надира по Черному морю, а также нас-

197

таивало на полном разрыве России с Османской империей.¹⁹⁹ В связи с этим императрица поручила С. Голицыну передать Надиру, что из-за дальности расстояния Такое большое количество судов отправить невозможно; Ускударь (куда по требованию Надира должны были прибыть русские суда) расположен на самом берегу пролива, где для переправы войск нужны малые суда, которые там всегда можно найти в большом количестве. С другой стороны, Россия на Черном море не имеет ни одной гавани и крепости, где можно было бы построить требуемые суда. Голицын должен был посоветовать Надиру захватить другие крупные города Турции,

лежащие на пути к Стамбулу, а потом подойти к столице.²⁰⁰ Кроме того, Надиру следовало разъяснить что если даже Россия объявит войну Османской империи, то главные военные действия развернутся не на Черном море, а со стороны Киева²⁰¹, и кроме того, Россия вообще не собирается вступать в эту войну.²⁰² Исторические источники свидетельствуют о том, что русское правительство отклонило просьбу Надира об открытой помощи не только потому, что не желало войны с Османской империей, но также и потому, что не хотело чрезмерного усиления Надира. Например, когда летом 1735 г. Надир потребовал для перевозки своих войск морем в Астарабад-скую провинцию продать ему суда и выделить судостроительных мастеров, корабельных плотников и людей, умеющих управлять кораблями («мюзуров»), то русские власти по указанию правительства отказали ему в этом под различными предложениями.²⁰³

Действия русских властей, направленные на ослабление позиций Османской империи в прикаспийском и других регионах, вызвали крайнее негодование турецкого правительства. Еще в 1734 г. турецкая сторона заявила протест, содержание которого сводилось к следующему: 1. Россия, нарушив договор, ввела свои войска в Польшу; 2. Присвоила часть земель-барьеров в Приднепровье—Подолию; 3 привлекла запорожских казаков на свою, сторону и они на турецкой стороне строят острог или крепость; 4. на реке Дон построено 4 корабля и собрано множество военных припасов; 5. в угоду персам не пропустила татар через Кавказ и многие из них погибли при вооруженных стычках с русскими войсками; 6. через сына Вахтанга призывает грузин к бунту против Османской империи, обещая им помощь; 7. подстрекает Надира продолжать войну против Османской империи; 8. учитывая все это, а также то, что Россия на Украине и в других местах проводит военные приготовления, Турция «принуждена находиться вооружиться».²⁰⁴

1 мая 1735 г. турецкий диван принял решение об отправке крымского хана в Дагестан и Ширван, чтобы укрепить влияние Османской империи в прикаспийском регионе.²⁰⁵

В связи с этим И. Неплюев писал графу А. Остерману, что османское правительство весь Дагестан объявляет находящимся под своей протекцией, в то время, «когда он находится под русской протекцией» и хочет, объединившись с дагестанцами, захватить территории, оставленные Россией, и таким образом утвердиться на Каспийском море, а затем принудить Надира заключить мир на условиях, предложенных турецким правительством. Далее И. Неплюев утверждал, что в случае отказа Надира от мира с Османской империей против него будут брошены в основном силы дагестанцев и ширванцев, а свои освободившиеся войска турки направят против России.²⁰⁶ Русский резидент А. Вышняков²⁰⁷ возражал против переброски татар, так как их маршрут, по его мнению, должен был проходить через подвластные России территории.²⁰⁸

Везир уверял Вышнякова, что крымские войска пройдут на расстоянии 20-ти часов езды от русских границ, не причинив никакого ущерба российской стороне. В заключение разговора он твердо заявил: «Напрасно более слов умножать, яко сня резоляция и указ его салтаново величества есть неотменен, диспозиции приняты и хан совершенно идти имеет без предупреждения российской дружбы».²⁰⁹

Французский посол добивался от османского двора объявления войны России, пугая неизбежным нашествием русских. «Эта жаркая борьба русской и французской дипломатии в первой половине 30-х годов XVIII столетия привела наконец к войне 1735 года...»,—писал А. Кочубинский.²¹⁰

Некоторые авторы считают, что в конце мая 1735 г. Россия, узнав, что Турция концентрирует свои войска в Закавказье, вынуждена была объявить ей войну.²¹¹ Отметим, что формального объявления войны со стороны России тогда не последовало, а было решено организовать поход в

Крым, что однако фактически означало начало русско-турецкой войны. С. Голицыну было поручено объявить Надиру, что Россия не допустит поражения Ирака и, хотя из-за отдачи прикаспийских провинций не сможет препятствовать походу татар, но сделает «диверсионный маневр»; в будущем же году, когда будут завершены все приготовления, Россия

и Иран могут начать совместные действия против Османской империи.²¹²

Осенью 1735 г., когда крымский хан двинулся к Дербенду, русские войска выступили, направляясь к Перекопу. Однако эта экспедиция генерала М. И. Леонтьева, подготовленная в спешке и начатая в неблагоприятное для похода осеннее время, окончилась неудачей. Русские войска, потеряв до 9 тысяч человек, главным образом в результате массовых заболеваний и падежа лошадей, не дойдя до Перекопа, вернулись на Украину.²¹³

Несмотря на это, поход русских войск в Крым все же оказал определенное влияние на ход военных действий. Отряды крымского хана, находившиеся уже у Дербенда, узнав о походе русских в Крым, сразу же повернули обратно.²¹⁴

Резидент Вышняков 24 февраля 1736 г. официально заявил османскому правительству, что крымский поход российских войск был предпринят с целью наказать татар за дерзкий поход их через территорию России²¹⁵ (имеется в виду упоминавшийся поход в Дагестан.—Г. М.). Как утверждал Вышняков, во время этого похода были совершены «разные неприятельские набеги» на русские границы и потому русские войска вступили в Крым, «чтоб хана от того похода удержать и тем к скорейшему возвращению привести».²¹⁶

12 апреля 1736 г. Россия объявила войну Османской империи. В тот же день вице-канцлер Остерман отправил турецкому везиру письмо, в котором перечислялись все обиды, нанесенные турками России, что якобы и привело к войне.²¹⁷

21 апреля 1736 г. состоялся диван, где было сообщено об обстреле Азова русскими войсками, приближении 100 тысячной российской армии к Перекопу, что вынудило крымского хана просить о помощи. Вслед за Россией, Османская империя также объявила войну. Главкомандующим турецких войск был назначен везир.²¹⁸

Таким образом, обострение русско-турецких отношений в конце концов привело к открытой войне между двумя державами. Как убедительно свидетельствуют приведенные выше факты, в крайнем обострении отношений между двумя империями немаловажную роль сыграло столкновение их интересов в Прикаспье, особенно в Азербайджане. Поэтому правомерно полагать, что русско-турецкие противоречия в Азербайджане в 20—30-х гг. XVIII в. явились одной из причин русско-турецкой войны 1735—1739 гг.; главная же причина этой войны заключалась, конечно, в борьбе за господство на Черном море.

Несмотря на возражения России, Надир после начала русско-турецкой войны начал односторонние переговоры с турецким правительством, нарушив тем самым одно из главных условий Гянджинского договора 1735 года.

Османский двор в это время, естественно, был крайне заинтересован в примирении с Надиром, чтобы избежать войны на два фронта и все свои силы перебросить на европейский театр военных действий, против России. Следует также учесть, что воинские части Османской империи, размещенные в Азии, были малобоеспособны. Все это заставило османское правительство согласиться на восстановление границ между Ираном и Османской империей времен Мурада IV.

На состоявшемся в начале 1735 г. диване большинство его членов высказало мнение об убыточности и бесполезности захваченных сефевидских территорий и было единогласно принято решение, «чтоб осмелившихся жителей турок и персиян вывести и в другом месте поселить... и быть токмо при обороне при их древних границах».²¹⁹ Приведенная цитата еще раз подтверждает, что турки расселились на захваченных ими иранских землях. Неплюев в начале 1735 г. писал: «Турки и сами не знают, как оныя места избыть и яко на отдаче ни салтан, ни везир, боясь бунту, поступить не могут и оборонять истощились и народ не идет».²²⁰

Турецкое правительство поручило вести мирные переговоры с Ираном Гянджали паше. В это время Надир находился в походе в Дагестане и посланнику пришлось сначала дожидаться в Тифлисе, а затем он отправился в муганский лагерь Надира.

В марте 1736 г. начались переговоры Гянджали паши с иранским представителем Мирза Мухаммедом. Была достигнута договоренность о восстановлении границ времен Мурада IV. Иранская сторона выдвинула 4 главных условия:

1. Не облагать налогом «бадж» иранских подданных, направляющихся для паломничества в Мекку.
2. Джафарийский толк шиизма, который исповедуют иранцы и азербайджанцы, принять как пятый толк суннизма и открыть место в Каабе для этого толка.
3. Оба правительства должны открыть представительства в Стамбуле и Исфагане, и иранский представитель должен совершить паломничество в Хиджаз с иранскими хаджи.
4. Обе стороны должны освободить военнопленных.²²¹

Гянджали паша объявил, что у него нет полномочий принять такие условия. Поэтому Надир для обсуждения договора, а также для объявления о своей коронации отправил

201

в Стамбул Абдулбаги хана Мирза Абдул-Касима и реисул-улема Али Акбер моллу.²²² Посланники Надира прибыли в Стамбул в июле 1736 г. и встретились с реис-ул-китабом Исмаил эфенди, а также с Мустафа эфенди и Рагиб эфенди.²²³

24 сентября иранские представители были уведомлены, что 1, 3, 4 условия принимаются. Что касается 2-го условия, касающегося признания джафарийского толка пятым толком суннитства, то было решено передать его на общее обсуждение турецких и иранских духовных ученых-улема.²²⁴

Для обсуждения второго условия и поздравления Надира по случаю его коронации в Иран была отправлена делегация под руководством Мустафа-бея—сына старшего мирахура Кара Мехмет паша. В это время Надир уже находился в индийском походе. Турецкие представители, узнав, что Надир настаивает на признании джафарийского толка в качестве пятого толка суннитства, вернулись из Кандагара обратно. Таким образом, турецко-иранский договор остался не заключенным. Однако, поскольку Надир находился в индийском походе, а Османская империя была занята войной с Россией, турецко-иранская война на время оказалась прерванной.²²⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1 Голиков И Я. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России Собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам (т. 9, изд второе, М., 1838; Бутурлин Д. Военная история походов россиян в XVIII веке. Часть вторая, заключающая в себе описание персидской войны с 1732 по 1834 гг. (перевод с французскою штабс-капитана Корниловича)СПб, 1833; Комаров В. Персидская война 1725—1822 (Материалы для истории царствования Петра йеликого). Русский вестник, т. 68, № 4, СПб., 1867; Туманский Ф.Описание похода государя Петра Великого к

море персидским провинциям. Российский магазин, ч. 3, СПб, 1793 Меликанов Г. В. Поход Петра Великого в Персию. Русский Вестник, 1874, т. 110.

2. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год , ч. 1-СПб., 1869 и др.

3.Соловьев С. М. Великий'Петр на Каспийском море. Вестник Европы, 1868,№3; Его же История Россия с древнейших времен; кн. IX—XI (тт. 17-22).— М., 1963.

4 Эзов Г. А Сношения Петра Великого с армянским народом:— , СПб 1898, с. XXI—XXIII.

5 Данное сочинение А. А. Бакихансра было издано в 1926 г. на русском языке в 1951 г. на азербайджанском а в 1971 г. опубликован критический и дополненный текст на персидском языке, на котором этот о руд и был написан автором.

6 Зевакин Е. С. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII века Известия общества обследования и изучения Азербайджана 1927 №5; Полиэвктов М. А. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией

- прикаспийских областей Кавказа. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. IV. Тбилиси, 1937.
7. Зевакин Я. С. Прикаспийские провинции..., с. 12; Полиэвктов М. А., Проект хозяйственной эксплуатации..., с. 259.
8. Левиатов В. Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, 1948.
9. Левиатов В. Н. Указ. раб., с. 86.
10. Абдуррахманов А. А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана.—Баку, 1964, с. 28—29.
11. Абдуррахманов Л. Л. Указ. раб., с. 34;
12. Абдуррахманов А. Л. Указ. раб., с: 43.
13. Алиев Ф. М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в 1-ой половине XVIII века.—Баку, 1975.
14. Там же, с. 48—49.
15. Там же, с. 57—62.
16. См.: там же, с. 56-57; 65-68; 71-73; 75-77.
- 17: Алиев Ф. М. Миссия посланника Русского государства А. П. Вольнского в Азербайджане.—Баку: ЭЛМ, 1979.
18. Его же Азербайджано-русские отношения XV—XVIII вв. (Первая часть) .—Баку: ЭЛМ, 1985.

203

19. Мамедов Л. М. Османская налоговая система в Азербайджане в 20—30 годах XVIII в. (на материалах эялета Гянджа и санджака Казах). Автореф. дис. .(.канд. ист. наук. Баку, 1985.
20. Юнусова Л. И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII в.—Баку: ЭЛМ, 1988.
21. Мамедов С. Л: Исторические связи азербайджанского и армянского народов (вторая половина XVII в. и первая треть XVIII в.).—Баку: ЭЛМ. 1977; Мамедова Г. Н. Русские консулы об Азербайджане (20—60-е гг; XVIII в.). Баку: ЭЛМ, 1989; Мустафаев Т. Т. Усиление русской ориентации в Азербайджане (на азерб. яз). Баку: ЭЛМ,, 1986.
22. Очерки истории СССР (Период феодализма. Россия во втррой четверти XVIII века).—М., 1957.
23. Там №е, с. 702;
24. Лысцов 5. Я. Персидский поход Петра I.—М., 1951.
25. Материалы для истории русского флота, ч. IV.—СПб., 1867, с. 308;
26. Гаджиев В. Роль России в истории Дагестана.—М.: Наука, 1965.

27. Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как источник по истории народов Кавказа—М.: Наука, 1979.
28. Маркова О. Я. Указ. раб., с. 4.
29. Там же, с. 16—63.
30. Там же, с. 48.
31. Там же.
32. Шульман Е. Я. Русско-турецкая война 1731—1739 гг. и политические связи Молдавии и Валахии с Россией Автореф. дис. ...канд. ист наук—М., 1963, с. 12.
33. Там же.
34. Пайчадзе Г. Г, Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в.—Тбилиси, 1970; его же Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII века. Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Тбилиси, 1967.
35. Боцвадзе Т. Дж. Северный Кавказ во внешней политике России XVI—XVIII веков. Автореф. дис. ...докт. ист. наук; Тбилиси, 1973.
36. Там же, с. 47.
37. Там же.
38. Некрасов Г. Л., Роль России в европейской международной политике 1725—1739 гг.—М., 1976, с. 74—81.
39. Арзуманян З. Л. Персидский поход Петра I и подъем освободительного движения в Закавказье. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1975.
40. Арутюнян П. Т. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века.—М., 1954.
41. Ашрафян К. З. Падение державы Сефевидов (1502—1722). В кн.: Очерки по новой истории стран Среднего Востока.—М., 1951.
42. Ашурбейли С. Б. Очерки истории средневекового Баку (VII—начало XIX в.).—Баку, 1964.
43. Бушев Я. Я. Посольство Артемия Волынского в Иране в 1715—1718 гг. (по русским архивам).—М., 1978.
44. Галоян Г. Л. Россия и народы Закавказья.—М., 1976.
45. Гулиев А, Я. Из истории азербайджано-русских отношений (XV—XVIII вв.)—Баку, 1958 (на азерб. яз.).

204

46. Гусейнов А, Азербайджано-русские отношения XV—XVII вв.—Баку, 1963.
47. Куканова Г, Я. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII-начале XVIII вв. Исторические записки, 1956, № 57.
48. Лебедев В. Я. Посольство Артемия Волынского в Персию. Изв. АН СССР, серия истор. и философ., 1948, ц. 5, №6.
49. Новосельцев А. 77. Из истории классовой борьбы в Азербайджанец Восточной Армении в XVII и XVIII вв. Исторические записки, 1960, №7; его же. Русско-иранские отношения XVII—йервой половины XVIII вв. в зарубежной историографии. История СССР, 1960, №3.
50. Петрушевский Я. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в ХУ1-начале XIX в.—Л., 1949.
51. Смирнов Я. Л. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв.—М., 1958.
52. История Азербайджана (в трех томах), т. 1—Баку, 1958.

53. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. (Под ред. Пигулевской А. и др.).—М.-Л., 1958.
54. *Uzungarsili Ismail Hakki. Osmanli tarihi V cilt, I kisim* – Ankara 1956, 1978
55. *Mehet Emni Beyefendini Rusya sefareti ve sefaretnamesi. Dr. Munir Aktepe* Ankara 1974 s.3
56. Там же, с. 4.
57. *Холасе-йе тарих-е Иран (та енгераз-е гаджари-йе)*, Тегеран, 1935.
57. *Danismend Izahli Ismail hami. Osmanli Tarihi kronologiası. IV cilt* –Istanbul, 1956 s.13
58. Али Акбар Ния. *Тарих-е сийаси-йе Иран. Т. I.*—Тегеран, 1337; Мухаммед Хеджази. *Холасе-йе тарих-е Иран (та енгераз-е гаджари-йе)*, Тег.—1335.
59. Lockart L. *The fall of the Safavi Dynasti and Afgan occupation of Persia.* – Cambridge, 1958
60. Там же, с. 219.
61. Там же.
62. Там же, 259.
63. Chance Y.F. *Geog J and Peer the Great after the peace of Nistad the English Historical review, vol. XXV. №102, april, p.191.*
64. *Jacob J. Reziehudgen England zu Rusland und zur Turkei in den Jahren 1718-1727.* – Basel, 1945
65. Там же, с. 75.
66. Журнал посланника Волынского 1715—1718 гг. См.: Я. С. Зевакин. *Азербайджан в начале XVIII века. Известия общества обследования и изучения Азербайджана, 1927, №5; Русско-дагестанские отношения XVII-первой четверти XVIII вв. (Документы и материалы), Махачкала, 1958; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века: Сборник документов (под ред. А. Ионисяна), т. 2. чч. 1—2: Ереван, 1964, 1967; Долили Г. А. Азербайджано-русские отношения в азербайджанских и персоязычных документах, 1722 (Сборник документов), Баку, 1976; Русско-индийские отношения в XVIII веке (Сборник документов).—М., 1965; Абрамян А. Г. Документы из истории совместной борьбы народов Закавказья против турецких агрессоров в первой четверти XVIII века. Историко-филологический журнал, 1964, № 2/25; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.; Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом.—СПб., 1898.*
67. АВПР, ф. СРП, оп. 77Д, 1744 г., д. 4, л. 35 и об.
68. Там же, 1730 г., д. 14, лл. 134—135.
69. Буниятов З., Мамедов Г. Дефтер-и муфэсэл-и санджак-и Накчиван. *Адабият ве индженсет*, 13 сентября 1985 г.; См. также: 21 июня 1985 г.: Мамедов Г. М. «Кайме» Бедреддинзаде Али-бея (статья 1—2). *Известия АН Азерб. ССР, серия истор, философ, и права*, 1988, № 3—4;

205

- Папазян А. Д. *Персидские, арабские и турецкие официальные документы Матенадарана XIV—XIX вв. и их значение для изучения социально-экономической жизни стран Ближнего Востока. XXV Международный конгресс востоковедов.*—Л1., 1960.
70. Гаджиев Б. *Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа.*—М., 1979, с. 16.

71. Поход императора Петра Великого в Персию с 1722 по 1735 гг. Составлен штабс-капитаном Селезневим.—СПб., 1863. ЦГВИА, ф. ВУА, д: 1540.
72. Эта работа была сначала издана в Ереване на армянском языке в 1868 г. В 1989 г. акад. З. Буниятов издал перевод на русский язык, сделанный Т. И. Тер-Григоряном.
- 73.. Ереванци А. История войн 1721—1736 гг.—Ереван, 1939.
74. Армянская анонимная хроника 1722—1736 гг. Изд. второе (Пер. с турецкого и примечания акад. Буниятова З. М.).—Баку, 1988.
75. Кючюк Челебизаде Асим Исмаил. Тарих-и Челебизаде.—Стамбул, X—1153 (ноябрь 1740).
76. Челебизаде Л. Указ. соч., л. 72.
77. Сочинение Дурри Эфенди написано на персидском языке; оно впоследствии было переведено на французский язык Тадеушем Крушинским и издано в Стамбуле Ибрагимом Мутеферике.
78. Мамедов Г. М. «Кайме» Бедреддинзаде Али-бея (статья 1). Из вестия АН Азерб. ССР, серия истор., философ, и права, 1988, №3, с.67-69.
79. Шейх Мухаммед Али Хазин. Тарих-е ахвал-е бе тазкире хал молланан.— Лондон, 1831.
80. Мухаммед Кязим. Наме-йи алам надири.—М., 1966.
81. Мирза Мехди Астрабади. Тарих-е надири.—Тебриз, 1268 г. х.

Глава I

1. Подробнее см.: Эфендиев О. А. Азербайджанское государство Сефевидов.— Баку: Элм, 1981, с. 148—200.
2. О перерождении Сефевидского государства подробнее см.: Рахмани А. А. Азербайджан в конце XVI и в начале XVII вв. (1590—1700гг).—Баку: Элм, 1981, с. 24—38.
3. Рахмани Л. Л. Указ. раб., с. 89.
4. Есаи Хасан Джалалян. Краткая история страны Албанской. (1702-1722) гг.). Пер. с древнеарм. языка Т. И. Тер-Григоряна; Предисловие и подготовка к изданию акад. З. М. Буниятова.—Баку: Элм, 1989, с. 18—19.
5. Там же. с. 20.
6. Миклухо-Маклай Я. Д. Из истории афганского владычества в Иране (20-е годы XVIII века). Уч. зап. ЛГУ, 1954, № 179, серия востоковед, наук; вып. 4, с. 138.
7. Есаи Хасан Джалалян. Указ. соч. с. 20.
8. ЦГАДА, ф. 77 (СРП), 1715 г., д. 2, л. 578 об.
9. Попов Л. Я. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом.—СПб., 1853, с. 43.
10. Есаи Хасан Джалалян. Указ. соч., с. 21.
11. Алиев Ф. М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII века.—Баку, 1975.
12. Там же, с. 16—17.
13. Есаи Хасан. Джалалян. Указ. раб., с. 36,

14. Есаи Хасан Джалалян. Указ. раб., с. 36; Алиев Ф. М. Антииранские выступления..., с. 17—18.

15 Тати А. Восстание 1711—1722 гг. в Азербайджане. Уч: зап: Института истории, языка и литературы им: Г: Цадасы Дагестанского ФАН СССР, т. 3.—Махачкала, 1957, с. 77—89.

16. Есаи Хасан Джалалян^Λ Указ. соч., с. 31. Примечание: Современник событий Бедреддинзаде Али-бей пишет, что сыновья Али Султ.ана и 200 людей ворвались в Гянджу, однако город взять им не удалось. В это время Сурхай и уцмий не смогли прибыть в Гянджу из-за разлива рек в тле весны. Прибывший Вахтанг VI «двинулся с огромным количеством против гянджинских неверных и, чтобы отомстить за Ширван, пролил кровь суннитов проживающих в нахийе Барда и Шеке (эялета) Гянджи и ограбил их имущество».— Мамедов Г. М. «Кайме» Бедреддинзаде Али-бея, с. 74.

17. Есаи Хасан Джалалян. Указ. соч., о. 32.

18. Там же, с. 33.

Λ

19 Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. VII, с. 128—129.

20 Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. Отрывок из рукописи подполковника Неверовского.—СПб., 1848, с. 9-10.

21 Это случилось во многом потому, что русские купцы, обнадеженные тем что они и их товары останутся неприкосновенными, воспользовались этим и приняли на хранение ценности шемахинских богачей. Разгневанная 2-тысячная толпа повстанцев, узнав, что ценности спрятали русские купцы к вечеру того же дня, когда была взята Шемаха, напала на лавки русских купцов и разграбила их (Соловьев С. Петр Великий на Каспийском море 1868 т. Пу с. 172). Это видно и из беседы С: Аврамова с Афис-беем, который был назначен посланником Сефевидского государства в России. однако шемахинские события помешали его отъезду. В беседе С. Аврамов. в частности, отметил, что в Шемахе убито было русских купцов 5 человек и на 100 тысяч тюменов их имущество было разграблено (т. е. примерно около миллиона русских рублей). «Русские купцы пропали во многом изза того-казал С. Аврамов,—что иранцы заставили их действовать против повстанцев». Афис-бей тоже считает, что повстанцы сперва благожелательно относились к русским. Он сам видел, как во время штурма города русский посланник флори стоял на Калахане, а повстанцы его не трогали.— АВПР, ф. СРП. оп. 77/1, 1721 г., д. 1, л. 34—35.

22. Тамай А. Восстание 1711—1722 гг. в Азербайджане, с. 87.

23. Мамедов Г. М. «Кайме» Бедреддинзаде Али-бея, с. 75. П. Г. Бутков тоже подтверждает захват ширванскими повстанцами Ардебиля. Так, он пишет: «Сурхай и Дауд, получив великое богатство, основали в Шемахе свое пребывание и отсель устремились на Ардевиль и другие города и оные опустошили...» (Битков Л. Г. Указ. соч. ч. 1, с. 9).

24. Миклухо-Маклай Н, Д. Из истории афганского владычества в Иране..., с. 139—140.

25. Там же, с. 140.

26. Osmanlı rus ilişkilerine ait iki kaynak. Petros di Ssarkis Gilanent'zin kronologiyasi (перю, на турецю Г. Андреасяна)— Стамбул, 1974, с. 14.
27. Миклухо-Маклай Н. Д. Из истории..., с. 141.
28. Боцвадзе Г. Дж. Указ. автореф., с. 43. ;
29. Цит. по раб. Ф. М. Алиева. Миссия посланника русского государства..., с. 24.
30. АВПР, ф. СРП. оп. 77/1, 1738, д. 10, лл. 320.

207

31. Галоян Г. Л. Указ. раб., с. 53, 55:
32. Куканова Г. Я. Ирано-русские торговые отношения в конце XVII-начале XVIII веков. Автореф. дис. ...канд. ист. наук.—М., 1950, с. 9.
33. Гусейнов Л. Указ. раб., с. 183:
34. Куканова Г. Н. Автореф. дис. ... канд. ист. наук, с. 9.
35. ЦГАДА, ф 77, 1715 г., д. 2. л. 587 и об.; Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. Т. 2. кн. 2—СПб., 1785
с. 51, 74. Примечание: в 1719 г. был издан указ (4 июля 1719г.), по которому через Астрахань зепрещалось вывозить железо в прутах и в крицах, дощатое олово и в прутах и слитках, медь дощатую и в слитках, всех видов ружья, стрел, гвоздей, военные припасы.—Чулков М. Указ. соч., т". 2, с. 59.
36. ЦГАДА, ф. 9 (Кабинет Петра I), от. 2, кн. 60. л. 456.
37. Там же, л. 456—461.
38. Штылко Л. Волжско-каспийское судоходство в старину.—СПб..1896, с. 33. .
39. Соловьев С. М. Петр Великий на Каспийском море, №3, с. 163.
40. Кафенгауз Б. Б. Внешняя политика России при Петре I—М., 1955, с 78- Лысцов В. П. Указ. раб., с. 69; Мельгунов Л. Я. Очерки по истории русской торговли (X—XVIII вв.).—М, 1905, с. 249.
- 41: Корнелий де Брюин. Извлечения из путешествий. Научн. арх. ИИ АН Азерб., инв. 480, с. 1.
42. Штылко Л. Волжско-каспийское судоходство... с: 37.
43. Чулков М. Д. Описание российской коммерции, т. 2, 'ч. 2, с. 71.
44. Штылко Л. Волжско-каспийское судоходство:., с. 37—39.
45. Там же.
46. Бутков Л. Г. Указ. раб., ч. 1, с. 4.
- 47 Итоги и задачи изучения внешней политики России, с. 127.
- 48: См.: Тер-Гукасов Г. Я. Экономические интересы России в Персии Петроград, 1916, с. 33—34.
49. Боцвадзе Дж. Т. Указ. раб., с. 47.
50. Смирнов Н. Л. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., с. 3.
51. Лысцов В. Л. Указ. раб., с. 15.
52. Там же, с. 205. I

53. Нагорели Л. Л. Сношения России с Кавказом в XVII—XVIII вв.—Тифлис, 1903, с. 37.
54. Голиков И. Я. Деяния., т. VIII, М., 1839, с. 263-264.
- 55: ЦГАДА, ф. 77 (СРП), 1715 г., д. 2, л. 34-35:
56. ЦГАДА, ф. СРП, 1715 г., д. 2, л. 35 и об.; Алиев Ф. М. Миссия посланника Русского государства..., с. 33.
- 57: ЦГАДА, ф. 77 (СРП), 1715 г., д. 2: л. 36.
- 58: Локкарт Л. Указ. раб., с. 123; Маркова О. Л. Указ. раб., с. 24.
59. Попов А. Д. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом, с. 288, 365.
60. Там же, с. 289, 366.
61. Локкарт Л. Указ. раб.; с: 123—125.
62. Там же, с. 215—216.
63. Там же,, с. 217.
64. Лысцов В. Л. Указ. раб., с. 106.
65. Русско-дагестанские отношения, с. 240—241; Гаджиев В, Указ раб., с. 107—108. с. 107—108. э в старину.—СПб., зий. Научи, арх. ИИ ХУ1-Х1Х вв., с. 3, < XVII-XVIII вв. лиев ф. М. Миссия Гаджиев В. Указ.
66. ЦГАДА, ф. Каб. Петра 1, от. 11, кн. 54, л; 667; Лысцов В. П. Указ; раб., с: 107:
67. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 6, ч: 1; л. 30 и об.
68. Там же, л. 33; Арм.-русс. отн. в 1 трети... т. 2, ч. 2, с. 122.
69. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 6, ч. 1, л. 73.
70. Там же, л. 31.
71. Там же, д. 4, лл. 3—5.
- 72 СИРИО т. 49 с. 63
73. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 6, ч. 1, л. 72 и об.
74. Там же, л. 99.
75. Там же, л. 99 и об.; см. также: Соловьев С. М: История России, кн.9 (тт. 17—18), с. 392.
76. История СССР (часть первая) (на азерб. яз.).—Баку: Маариф, 1985, с. 371.
- 77: Новичев Д. А. Турция (Краткая история).—М.: Наука, 1965, с: 30:
78. Подробнее см.: Базилевич К. «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М. Н. Покровского (Сб. статей «Против исторической концепции М. Н. Покровского»).—М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1989, с. 140—178; Реформы Петра I (Сборник документов. Составитель В. И. Лебедев).—М., 1930; Заозерская В. И. Мануфактура при Петре I.—М. —Л., 1947; Спиридонова Е. В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I—М., 1952; Очерки истории СССР (Период феодализма). Россия в первой четверти XVIII века.—М., 1954; Любомиров П. Г. Очерки истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX вв. М., 1947; Кафенгауз. Россия при Петре I.—М., 1955.
79. Мейер М. С. Новые явления в социально-политической жизни Османской империи во второй половине XVII—XVIII вв. В кн.: Османская империя (система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы).—М.: Наука, 1985, с. 158.
80. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 6. Госполитиздат, 1939, с. 189
81. Смирнов Я. Л. Указ. раб., с. 56—57:

82. Шенгелия Н. Н. Финансовое ведомство Османской империи и его документация (на примере анализа финансовых документов «себеб-и тахрир-и хюкюм»). В кн.: Османская империя (Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы). Сборник статей М 1986, а 45—46.
83. До 30-х годов XVII в. пополнение янычарского корпуса осуществлялось обращением христианских детей в ислам (девширме), а потом—в основном, за счет, сбора мусульман-добровольцев, умевших владеть мушкетом. См.: Мейер М. С. Новые явления..., с. 170.
84. Мейер М. С. Новые явления..., с. 169.
85. Будучи выходцем из низкого феодального сословия Али ага, благодаря своим способностям добрался до вершин феодальной иерархии. В марте 1709 г. он стал зятем (Дамадом) Ахмета III, женившись на его любимой дочери Фатме Султан и получил титул паши. Вследствие исключительного влияния на султана Али паша стал при дворе фактически более авторитетным лицом, чем великий везир, а с 1713 г. он стал и великим везиром. Будучи образованным человеком, он создал в Стамбуле библиотеки, только каталог которых состоял из четырех томов. См.: Витол А. В: Из истории Османской империи начала XVIII в. Деятельность Дамада Али паши (1713—1716). Уч. зап. ЛГУ, № 395. Серия востоковед, наук, вып. 20. Востоковедение, №4, с. 31—32.
86. Там же, с. 39.
87. Там же, с. 33.

209

- 88 Витол А. В. Османская империя в начале XVIII века, с. 34, 39.
89. Ибрагим паша с февраля 1717 г. являлся зятем султана, женившись на вдове Али паши—Фатме Султан. Данишменд И. Х. Указ. раб, с. 11.
90. Munir Aktepe: M.Nevsehirlı Ibrahim pasa Islam Ansiklopediyasi –Istanbul 1912s: 234-235
- 91 Цит по раб. Витол А. В. Из история турецко-французских отношений ' (посольство йирмисекиз Челеби Мехмеда Эфенди во Францию в 1720—1721 гг). Народы Азии и Африки, 1976, № 4, с. 125.
92. Мейер М. С. Восстание городских низов Стамбула в 1730 г., с.о1.
- 93 См. Арсеньев К. Статистические очер. и России.—СПб., 1848, с. 54—58- Революция и народы России: полемика с западными историками.М., 1898, с. 26; Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословие. Классы.—СПб., 1912. Маркова О. П. Указ. раб., с. 18.
95. Там же, с. 30.
96. Там же, с. 18.
97. Там же, с. 21.
98. Мамедов С. А. Указ. раб., с. 168.
- 99.Wood A.C. The English embassy at Constantinopol 1600—1762: The English historical review, vol. 40, 1925 №160, p.551

Глава II

1. Гаджиев В. Указ. раб., с. 103.

2. ЦГАДА, ф. 77. СРП, 1715. г., д. 1, л. 46; Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в., т. 2, ч. 1, с. 90-91; Корсаков Д. Л. А. П. Волынский. Биографический очерк, с. 53—54; Алиев Ф. М. Миссия посланника Русского государства., с. 19.
3. Армяно-русские отношения., т. 2. ч. 1, с: 92; Алиев Ф. М. Миссия посланника Русского государства., с. 20.
4. Армяно-русские отношения., т. 2, ч. 1, с. 93.
5. Алиев Ф. М. Миссия посланника Русского государства..., с. 21,29 50—51; Корсаков Д. А. Указ. раб., с. 54.
- 6 Алиев Ф. М. Миссия посланника Русского государства., с. 46—58; ЦГАДА, ф. 77, 1717 г., д. 1, лл. 8—14.
7. Обычно с прибывших русских купцов брали пошлины в нескольких местах. Например, Корнелий де Брюин пишет, что с прибывших в Ниязабадскую пристань купцов брали с тюка примерно весом в 400 фунтов (лошадиный выюк) 46 штиверов, и еще брали пошлину при входе в Шемаху (Путешествие Кориелия де Брюина через Московию. Чтения в император-ском обществе истории и древностей российских при Московском университете, т. 3, М.—1872, с. 213).
8. Ульяницкий В. А. Русские консульства за границею в XVIII веке, ч. 1 М.—1898, с. 103; Алиев Ф. М. Миссия посланника Русского государства..., с. 51—52.
9. Алиев Ф. М. Миссия посланника Русского государства., с. 53. 10. Там же, с 87.
11. ЦГАДА, ф. 77, СРП, 1715 г., д. 1, л. 52.
12. Там же, л. 420 об.
13. Алиев Ф. М. Миссия посланника Русского государства., с. 82—85.
14. Соловьев (? М. Петр Великий на Каспийском море, с. 167.
15. Соймонов Ф. Я. Описание Каспийского моря, с. 38; Лебедев В. Западный берег Каспийского моря при Петре Великом. Журнал Министерства народного просвещения, 1848. № 7, с. 4—13.

210

16. Бутков П.Г. Указ соч., 1, с.49
17. Соймонов Ф.И.Описаниею, с48-49
18. Там же, с.50-53
19. Там же, с.53-54 Лебедев В.Указ раб., с,16
- 20 Ульяницкий В. А. Русские консульства., ч. 1, с. 209; Соловьев С. М. Петр Великий на Каспийском море, с. 169; его же. История России, кн. IX тт 17—18 с 369. М. Д. Чулков приводит инструкцию, данную А. Баскакову, состоящую из 21 пункта. См.: Чулков М. Д. Описание российскойкоммерции, т. 2, ч. 2, с. 113—120.
21. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1722 г., д. 2, лл, 1—6а.
- 22 См; Лыццов В. П. Указ. соч., с. 113.
23. Цит. по указ. работе В. Гаджиева (с. 109); СИРИО, 49—СПб.,1885, с. 93.
24. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1. 1722 г., д. 6, ч. 1. л. 124:
25. Там же, л. 124 и об.; Shay M>Z The Ottoman Empire from 1720 to 17230 – Urbana 1944, p.28a
26. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 6, ч, 1, л. 190
27. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1722 г., д. 3, л: 4; ЦГВИА. ф: ВУА,д. 1539, л. 3 там же, ф. 20, оп. 1/47, д. 1, с. 19.
28. Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 19

29. ЦГАДА, ф. 110 Сношения России с Грузией (1556—1700 гг.), д. 15, л. 485 и об.; там же, ф. 4 (Госархив), д. 51, л. и об:
30. ЦГАДА, ф. 'СРГ (110), 1556-1700 гг., д. 15, л. 485.
31. Надо отметить, что еще 20 апреля 1722 г. из Москвы отправлена была грамота к иранскому шаху, в которой объявлялось о посылке русских войск в Прикаспье и отмечалось, что отправлены «конные не против шахово величества». Однако из-за противного ветра не удалось отправить эту грамоту до 1723 г., д. 4, л. 1 об.
32. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1723 г., д. 4, лл. 2—3 об.
33. Там же.
34. Бутков Л. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 11,
35. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 3; ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47 д. 1 л. 34; Голиков И. И. Деяния Петра Великого, т. 9, изд. 2, 1838, с. 131; Туманский Ф. Указ. раб., с. 11
36. Цалили Г. Л. Азербайджанско-русские отношения в азербайджанских и персоязычных документах, с. 9.
37. АВПР, ф.СРП, оп. 77/1, д. 14, 1722 г., л. 25—26.
38. АВПР, СРП, оп. 77/1, д. 14, 1722 г., л. 4, об-5; Русско-дагестанские отношения ХУП-первой четверти XVIII в. в., с. 244.
39. Голиков И. Я. Деяния., т. 9, с. 144; Мельгунов Г. В: Поход Петра Великого в Персию, с. 34.
40. Лысцов В. Л. Указ. раб., с. 118.
41. Материалы для истории русского флота, ч. IV, с. 308.
42. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 13. 1722 г., л. 44; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 3; Бутурлин Д. Указ. раб., с. 10—11; Туманский Ф. Описание похода Петра Великого, с. 1.
43. Бутурлин Д. Указ. раб., с. 10; Комаров В. Указ. соч., с. 567; Туманский Ф. Описание похода Петра Великого., с. 2; О Персидском походе пригосударе Петре Великом. Русский архив, М., 1899, № 12, с. 482—483
44. Бергман В. История Петра Великого, т. 5 (пер. с немецкого Е. Аладыш)—СПб., 1844, с. 65.
45. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1722 г., д. 13, л. 45.
46. Неверовский Л. Л. Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье —СПб., 1848, с. 13.
- 211
47. Бутков Л. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 25—26.
48. Материалы для истории русского флота, ч. IV, с. 327.
49. Неверовский А. А. Указ. раб. с. 14—15:
50. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1722 г., д. 18, лл. 5, 9 и об.
51. Там же, л. 13.
52. Там же.
53. ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, от. 2, кн. 54, л. 634 и об.
54. Соймонов Ф. Я. Описание Каспийского моря., с. 92; Материалы для истории русского флота, ч. IV, с. 328; Мельгунов Г. В. Указ. раб., с. 36.
55. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1722 г., д. 13, л. 79; ЦГВИА, ф.ВУА.д. 1539, л. 6 и об. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря., с. 92.
56. Бутков П. Г. Указ. раб., с. 26; Мельгунов Г. В. Указ. соч, с: 41:
57. Мельгунов Г. В. Указ. раб., с. 41.
58. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1722 г., д. 18, л. 90 и об.
59. Там же, л. 97 об—98; д. 13, л. 12.

60. Там же, д. 18, л. 97—98; Русско-дагестанские отношения, с. 260.
61. Материалы для истории русского флота, ч. IV, с. 328; Мельгунов Г. Г. Указ. раб., с. 36; Соловьев С. М.: История России, кн: IX (тт.17—18). с. 379.
62. Тиманский Ф. Указ. соч., с. 14—15.
63. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 13, 1722 г., л. 104 и об.
64. Там же, д. 24, л. 30.
65. Русский архив, М., 1899, № 12, с. 486; Это подтверждает и А. Бакиханов. См.: Полистан., с. 105.
66. Русский архив, М., 1899, № 12, с. 486.
67. См.: Алиева Ф. М. Антииранские выступления., с. 52.
68. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1722 г., д. 20, л. 9; Алиев Ф. М. Письмо бакинцев Петру I. 1722 г. Доклады АН Азерб. ССР, 1964, т. XX, с. 57—58.
69. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1722 г., д. 20, л. 12 и об.; Бутурлин Д. Указ. соч., ч. 2, с. 20; Алиев Ф. М. Антииранские выступления., с. 47; Мельгунов Г. В. Указ. соч., с. 23.
70. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1722 г., д. 20, лл. 14—16.
71. Там же, д. 13, л. 103.
72. Там же, д. 24, лл. 60—65.
73. Там же, л. 30.
74. Там же, лл. 31 об.—32, 60 об.
75. Там же, д. 24, лл. 67—68.
76. Бутурлин Д. Указ. соч., с. 21; АВПР, ф: СРП, оп. 77/1, 1722 г., д. 13, л. 102 об.—103.
77. Лысцов В. П. Персидский поход...» с. 124; Материалы для истории русского флота, с. 531.
78. Лысцов В. Л. Персидский поход..., с. 124.
79. Бутков Л. Г. Материалы.,-, с. 30.
80. В. Н. Левиатов считает, что одной из причин прекращения похода явилось то, что Петр считал целесообразным действовать мелкими экспедициями. Вряд ли можно согласиться с таким мнением. Даже если Петр I думал так, как считает Левиатов, все равно он сначала занял бы Баку, к чему очень стремился, и лишь потом вернулся бы в Россию.—В. Н. Левиатов. Указ. раб., с. 78.
81. Маркова О. Л. Указ. раб., с. 111.
82. См: Алиев Ф. М. Антииранские выступления., с. 50.
- 212
83. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 77; Бутурлин Д. Указ. соч., ч. 2, с. 22; Материалы для истории русского флота, ч. IV, с. 531.
84. Козубский Я. Я. История города Дербенда. Темирхан-Шура—1906, с. 79.
85. Армяно-русские отношения, т. 2, ч. , с. о.
86. Арутюнян Л. Т. Указ. раб., с. 159.
87. Армяно-русские отношения, т. 2, ч. 1, с. ЛХЛ1, Эзов I. л. «указ. соч., док. 213.
88. Лайчадзе Г. Г. Указ. кн., с. 31.
89. 19 апреля 1723 г. Петр I издал указ о посылке в Грузию на помощь к Вахтангу VI 2-тысячного отряда под командованием Баскакова. Однако, отправившись в мае 1723 г. из Астрахани в Грузию, Баскаков по дороге встретил уже возвращавшегося в Россию И. Толстого, от которого узнал, что весной того года противник Вахтанга

VI—Константин нанес поражение первому и занял Тифлис.—Пайчадзе Г. Указ. раб. с 31.

90. Крамаров В. Персидская война..., с. 577,

91. Там же, с. 576.

92. Там же, с. 577—578.

93. Там же, с. 578—579.

94. Там же, с. 582.

95. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 11 об, д. 1540, л. 47; Комаров В. Персидская война..., с. 599—601.

96. Комаров В. Персидская война..., с. 599—601.

97. АВПР. ф. СРП, оп. 77/1, 1723 г., д. 4, лл. 2 об—3; Голиков И. Деяния... т. 9, с. 142—143.

98. Армяно-русские отношения, т. 2, ч. 2, с. 10—11; Пайчадзе Г. Автореф. дис. ...канд. ист. наук, с. 13:

99. В конце 1722 г. шах Гусейн сдался афганцам и вынужден был возложить корону на голову их предводителя—Мир Махмуда, после чего старший сын шаха—Тахмасиб объявил себя шахом Тахмасибом II

100. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1^ 1727 г., д. 6, ч. 1. лл: 47 и об:

101. Там же, л. 48.

102. Там же.

103. Пайчадзе Г. Указ. кн. с. 32.

104. Там же. с. 33.

105. Буртурлин Д. Указ. соч., ч. 1. с. 215—216; Договоры России с Востоком. Политические и торговые (собрал и издал Т. Юзефович).—СПб., 1869, с. 186—187.

106. ЦГАДА, ф. 4 (Госархив), д. 51, л. 7.

107. Там же и об.

108. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1723 г., д. 5, л. 21.

109. Боцвадзе Т. Дж. Автореф. дис.; ..докт, ист. наук, с. 43.

110. Бутков П. Г. Указ. раб., ч. 1, с. 10.

111. Абдурахманов Л. Указ. раб., с. 26—27.

112. Гаджиев В. Роль России..., с. 110.

113. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1722 г^ д. 4, л. 5 об, 29; там же, д. 6, л. 51.

114. Там же, д. 4, л. 25 об, 29 об.

115. Там же, д. 6, лл. 26, 30 об.

116. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., с. 6; Алиев Ф. М. Антииранские выступления..., с. 43.

117. Хаммер Я. История Османской империи, т. 7, с. 297.

118. Соловьев С. М. История России, кн. IX (тт, 17—18), с. 393.

213

119. Якоб Л. Указ. Раб. с. 71—72.

120. Там же, с. 144.

121. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1. 1722 г., д. 4, л. 66.

122. Кочубинский А. А. Граф А. И. Остерман и раздел Турции:- Одесса, 1899, с. 15; Маркова О. П. Указ. раб., с. 109.

123. Постановлением чрезвычайного дивана от 6 августа 1722 г. (по новому стилю) шиитам была объявлена священная война. Три фетвы муфтия, опубликованные в связи с этим, призывали уничтожать мужчин шинитов и захватывать, в рабство

- женщин и детей. (Хаммер цитирует фетвы, т. 4, с. 207—208). Маркова О. П. Указ. раб., с. 115.
124. Шей Я. Указ. раб., с. 91.
125. Соловьев С. М. Указ. раб., кн. IX, гг. 17—18, с. 393—394.
126. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 6, ч. 2, л. 233 об—234.
127. Там же, д. 4, л. 51; Армяно-русские отношения, т. 2, ч. 2, с. 125—126.
128. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 4, л. 51.
129. Там же.
130. Шей М. Указ. раб., с. 93. Примечание. Эти слухи были не совсем безосновательны.
131. Шей М. Указ. раб., с. 95.
132. Там же, с. 94.
133. Там же.
134. Шей М, Указ. раб., с. 95; Соловьев С. М. История России, кн. IX (тт. 17—18), с. 394—395.
135. Узунджаршили И. Х. Османли тарихи, т. IV, с. 188; АВПР. ф. СРТ, ОП. 89/1, 1722 г., д. 6, 2, л. 287 и об.
136. Лысцов В, А. Указ. раб., с. 132.
137. Ключюк Челебизаде Асим Исмаил. Тарих-и Челебизаде, л. 6.
138. Узунджаршили И. Х. Указ. раб., с. 188.
139. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 6, ч. 2, л. 440 и об.
140. Узунджаршили Я. Х. Указ. раб., с. 188.
141. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 6, ч. 2, л. 402.
142. Там же, л. 403 и об.
143. Там же, 1723 г., д. 2, л. 211.
144. Дефтер-эмини—хранитель документов, относящихся к тимарам, зеаметам, хассам, вакфам, мюлькадару. Он руководил учетом всех доходов, получаемых сипахи и оформлением бераты. Дефтер-эмини, хотя непосредственно был подчинен баш-дефтердару, но все же имел самостоятельный вес при дворе.— См.: Шамсутдинов А. М. Проблемы становления Османского государства по турецким источникам XIV—XV вв. В кн.: Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы, с. 32.
145. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1. 1722 г., д. 6, ч. 2, л. 456.
146. Соловьев С. М. История России, кн. IX (тт. 17—18), с. 395; его же. Петр Великий на Каспийском море, с. 193.
147. Соловьев С. М. История России, кн. IX (тт. 17—18)» с. 395; АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 6, ч. 2, л. 452:
148. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 6, ч. 2, л. 496 и об.
149. СИРИО, т. 49, СПб., 1885, с. 295—296.
130. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 6, ч. 2, л: 456 об:
151. Соловьев С. М. Петр Великий на Каспийском море, с. 194.
152. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 6, ч. 2, л: 462 и об.
- 214
153. Там же, л. 440.
- 154: Узунджаршили И. Х. титул Мехмет, аги указывает как «миралем См. Узунджаршили И. Х. Указ. раб., с. 188; АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., д. 5, ч. 1, л. 11 об.

155. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., д. 5, ч. 1, л. 11 и об:
156. Варат—дбсЛовно означает «письмо». Давался султаном лицу, назначенному на должность, в качестве удостоверения. В нем указывались имя, должность, местность, жалованье.— Osmanlı devletinin saray teskilati. Prof. Ismail hakki. Uzungarsili—Ankara, 1945 s/285
157. Узунджаршили И. Х. Указ. раб., с. 195.
158. Соловьев С. М. Петр Великий на Каспийском море, с. 194.
159. АВПР, ф. СРТ, он. 89/1, 1723 г. д. 5, ч. 1, л: 59 и об.
- 160.. Там же, л. 56 и об.
161. Там же, л. 56 об.—57.
162. Там же, л. 57 об.
163. Там же, л. 55.
164. Там же.
165. Там же, 65 и об.
166. Маркова О. Л: Указ. раб.; с: 110:
167. АВПР, ф. СРТ, он. 89/1, 1723 г., д. 5, ч. 2, л. 412.
168. Там же.
169. Хаммер И. утверждает, что Нишли Мехмет ага был отправлен в Москву еще накануне похода и, прибыв, не застал здесь Петра I. См.:Хаммер И .Указ. раб., т. 7, с. 297.
170. Узунджаршили Я. Х. Указ. раб., с. 189; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв., с. 67; Маркова О. П. Указ. раб., с. 27.
171. Маркова О. Л. Указ. раб., с. 27.
172. Шей М. Османская империя от 1720 по 1734 гг., с. 105.
- 173.. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., д. 5, ч. 1, л. 73 и об; Армяно-русские отношения, ч. 2, т. 2, с. 130—131.
174. Якоб Я. Уаз. раб., с. 144.
175. Там же, с. 145.
176. СИРИО, т. 52, СПб.; 1886, с. 695; Соловьев С. М. История России, кн. IX, тт. 17—18, с. 397; Абдурахманов А. Указ. раб., с. 34.
177. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., д. 5, ч. 1, лл. 95 об-96:
178. Там же, л. 98 и об;
179. Там же, л. 99 и об.
180. Там же.
181. Там же, ч. 2, л. 100 и об.
182. Там же, л. 102.
183. Там же, л. 102 об.
184. СИРИО, т. 52, с. 44; Левиатов В. Н. Указ. раб., с. 85.
185. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., д. 5, ч. 2, л: 240 об.
186. Там же.
187. Там же, ч. 1, л. 192 об.
188. Там же, лл. 192 об.—193.
189. Там же, л. 193.
190. Шей М. Указ. раб.,-. 106.
191. Лысцов П. Г. Указ. раб., с. 137.
- 215
192. Там же, с. 138.

193. Собственноручный указ императора Петра генералу Матюшкину. См.: Комаров В. В. Указ. раб., Приложения, с. 602; См. также: Алиев Ф.М. Антииранские выступления., с. 57.
194. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., д. 2, л. 41—42; Армяно-рус отношения, т. 2, ч. 2, с. 131—132.
195. Соловьев С. М, История России, кн. X, тт. 17—18, с. 397.
196. Комаров В. В. Указ. соч., с. 601—602.
197. Лысцов В. Л. Указ. раб., с. 230—231.
198. Армяно-русские отношения в XVIII веке, т. 2, ч. 1, с. VIII.
199. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, д. 5, 1723 г, ч. 2, л. 240 об.
200. Там же, л. 241.
201. Там же, л. 241. и об.
202. Шей М. Указ. раб., с. 103.
203. АВПР, ф. СРТ, ол. 89/1, 1723 г., д. 5, ч: 2, л: 243.
204. Там же.
205. Там же.

Глава III

1. Данишменд И. Х. Указ. раб., с. 13.
2. АВПР, ф. СРТ, оп. 77/1, 1723 г., д. 8, л. 49.
3. Там же.
4. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1722 г., д. 6, ч. 1, л. 238, об.
5. Там же, ч. 2, л. 441.
6. Маркова О. П. Указ. раб., с. 97.
7. Отхмезури Т. Х. Восточная Грузия в 1722—1735 гг. (Осмалоба). Автореф. канд. дисс..., Тбилиси, 1975, с. 18.
8. Маркова О. Л. Указ. раб, с. 112.
9. Там же, с. 113.
10. Вахтанг VI, оказавшийся в безвыходном положении, 15 июля 1724г. с семьей, в сопровождении большой свиты (1200 человек) покинул Грузию и уехал в Россию. Отхмезури Т. Х. Указ. раб., с. 20; Пайчадзе Г. Указ. книга, с. 41; так же см.; Чичинадзе Т: В: Грузино-иранские отношения. Дис. ... канд. ист. наук, с. 107:
11. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., д. 5, ч. 2, л. 310.
12. Соловьев С. М. История России, кн. IX, тт. 17—18, с. 399.
13. Чейнс Дж. Ф. Указ. раб., с. 291.
14. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., 2. 5, ч. 2, л. 352.
15. Там же, л. 355.
- 16 Там же; Шей М. Указ. раб., с. 106.
17. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, '1723 г., д. 5, ч. 2, л. 356 об. 357.
18. Там же.
19. Там же, л. 357 и об; ч. 1, лл. 72—80.
20. Там же.
21. Там же, ч. 2, л. 475; Шей М. Указ. раб., с. 106; Узунджаршили И. Х. Указ. раб., с. 190.

22. Челебизаде А. Указ. раб., л. 38; Хаммер И. Ф. Указ. раб., т/ 7, ч. 1, с. 306—307. 216
23. Хаммер И. Ф. Указ раб., т. 7, ч. 1, с. 298; Узунджаршили И. Х; Указ. раб., с. 190.
24. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., д. 5, ч. 2, л. 366 и об.
25. Лысцов В. П. Указ. раб., с. 227.
26. Там же, с. 144.
27. Левиатов В. Н. Указ. раб., с. 86.
- 28: Лысцов В. Л. Указ.. раб., с. 129.
29. Комаров В. Указ соч., с. 602.
30. ЦГВИА. ф. ВУА.'д. 1539. л. 11. об. О действиях при взятии Баку русскими войсками в 1723 году, подробно см.: Бутурлин Д. Указ. раб., ч. 2, с. 45—48; Голиков И. Деяния Петра Великого., т. 9, с. 259—260; Комаров В. Указ. соч., с. 582—584; Туманский Ф. Указ. соч.. с. 36—41; Алиев Ф. М. Антииранские вы^упления..^ е. 58—61; Ашурбейли С: Указ. раб., с. 254—256; Панов В. А: Петр I как полководец:—М., 1940, с. 112; Лысцов В. П. Указ. раб., с. 142—144.
31. ЦГАДА, ф. Каб. Петра I, оп. 2, кн. 63, лл. 737—739.
- 32: Там же, ЦГВИА, ф. ВУА. д. 1539, л. 11 об; д. 1540, л. 68 об. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, с. 160.
- ..
33. ЦГАДА, ф. Каб. Петра I, от. 2, кн. 63, л. 737—739.
34. Там же, л. 740.
35. Там же, лл. 737—741; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 12; д: 1540 л. 60; Соймонов Ф. И. Указ. раб., с. 163..
36. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1723 г., д. 2, л. 60.
37. Алиев Ф. М. Антииранские выступления.., с. 62.
38. Комаров В. Указ. соч., с. 603; Приказы и письма императора Петра Великого и императрицы Екатерины I к генералу Матюшкину во время войны с Персией. Отечественные записки, ч. 32, с. 259—262.
39. СИРИО, т. 49, с. 384.
40. АВПР, ф. СРП, от. 77/1, 1723 г., д. 2, л. 6а.
41. ЦГАДА, ф. 9 (Кабинет Петра I), от. 2, кн. 63. л. 763 об.
42. Там же, л. 744 и об.
43. Гербе Г. Известия.., 1760, с. 301; Соймонов Ф. Описание Каспийского моря.., с. 185; Алиев Ф. М. Антииранские выступления.., с. 53.
44. Алиев Ф. М. Антииранские выступления.., с. 63. Бугков П. I. Указ. раб., с. 50.
45. Бутурлин Д. Указ. раб., ч. 2, с. 48; Комаров В. Указ. раб. с. 85
46. АВПР, ф. 100 (Сношения России с Арменией), 1723 г., д. 2, лл. 28—29. {7 АВПР. '4. СРП, оп. 77/1, 1724 г., д 4, л. 100 и об;
48. Там же; см. также: Алиев Ф. М. Антииранские выступления. с.56-57
49. АВПР, ф, СРП, оп. 77/1, 1724 г., д. 4, л: 100 и об.
50. Там же.
51. Данишменд И. Х. Указ. раб., с. 13—14.
52. Шей М. Указ. раб., с. ,106.
53. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., д. 5, ч. 2, л. 176.
54. Там же, л. 433.
55. Там же, л. 440 об.
56. Комаров В. Указ. соч^, с. 606.

57. Лысцов В. Л. Указ. раб., с. 226.
58. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., д. 5, ч. 2, лл. 433 об, 434; о Стамбульских переговорах см. еще: Узунджаршили И. Х. Указ. раб., с. 191—192.
59. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., д. 5, ч. 2, л. 434.
60. Там же, л. 444, 446.
61. Там же, лл. 450—452 об.
62. Там же, л. 460 об.
63. ЦГАДА, ф. 4 (Госархив), д. 51, л. 7 и об.
64. Там же.
65. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д. 8, л. 68.
66. Хаммер Ф. История Османской империи, т. 7, ч. 1, с. 303:
67. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1723 г., д. 5, ч. 2, л. 476 об. :
68. Там же, лл. 477 об—478.
69. Там же, д. 6, ч. 1, л. 34 об.
70. Там же, л. 41 об.
71. Там же, л.. 1.
72. Якоб Я. Указ. раб., с. 75; Маркова О. П. Указ. раб., с. 30.
73. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д. 6, ч. 1, л.: 231 об:
74. Якоб Я. Указ. раб., с. 75.
75. АВПР. ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д. д. 6, ч. 1, л. 14 об: Уб: ЦГАДА, Госархив, р. XV, д. Л, 1724—1726 гг. (Дневные записки коллегии иностранных дел), ч. 1, л. 82 об; Мадкова О. П. Указ. раб., с. 30.
77. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д. 6, ч. 1, л. 3.
78. ЦГАДА, ф. 15, д. 37, ч. 1, л. 81 об:
79. Маркова О. П. Указ. раб., с. 30.
80. Данишменд Я. Х. Указ. раб., с. 14.
81. ЦГАДА, ф. 15, д. 37 (1724—1726 гг.), ч. 1, л. 81 об:
82. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д. 6, ч. 1, л. 3.
83. ЦГАДА, ф. 15, д. 37, ч. 1, л. 82 об:
84. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г.» д. 3, л: 19:
85. Там же, л20 об.
86. Там же, л. 24.
87. СИРИО, т, 52, с. 198—199.
88. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, д. 6, 1724 г., ч. 2, л. 304.
89. Там же, л. 304 об.
90. Там же.
91. Там же, л. 305.
92. Там же, л. 306.
93. Там же, л. 307.
94. Там же, л. 307 об.
95. Там же, л. 308.
96. Там же, л. 309.
97. Там же, л. 309 об.
98. Там же, л- 389 об.
99. Там же, лл. 389 об.—390.
100. Там же, л. 391 об,
101. Там же

102. Там же. л. 392.
103. Там же. д. 11, лл. 1—2.
104. Там же, д. 6, ч. 2, лл. 366, 379 и об.
105. Там же, л. 379 об.—381.
106. Там же, лл. 380, 381 об.
107. Там же, л. 382.
108. Там же, лл. 381—382; Армяно-русские отношения, т. 2, ч. 2. с. 181—182.
109. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д. 6, ч. 2. л. 366 об.
110. Там же, л. 316 об., 366 об., 367.
111. Там же,, л. 317 об.
112. Там же, л. 371 об.
113. Там же, л. 372 об.
114. Там же, лл. 372 об.—373.
115. Я. Якоб приводит, неточную дату заключения договора—23 июня (3 июля) 1724 г. См.: Якоб Я. Указ. раб., с. 178. На самом деле договор был заключен не тогда и не 12 (23) июня 1724 г., как указано в исторической литературе, а 13 (24) июня. Хаммер тоже приводит эту дату (Хаммер. Указ. раб., с. 7, ч. 1, с. 307). Торжественное подписание договоров и обмен трактатами состоялся 27 июня (АВПР, ф. СРТ. оп. 89/1. 1724 г., д. 6, ч. 2, л. 410).
116. АВПР, ф. СРТ. оп. 89/1, 1724 г., д. 6, ч. 2, л. 374.
117. Там же.
118. Там же, л.375.
119. Там же, л. 376 об.
120. Там же, оп. 89/8, 1724 г., д. 7, лл. 1 об.—2; Согласно договору за Россией закреплялась прибрежная полоса шириной 119 верст у Дербенда и 43 версты у Шемахи.—Маркова О. П. Указ. раб. с. 30.

121. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/8, 1724 г., д. 7, лл. 3-7:
122. Там же, лл. 7—9.
123. Там же, л. 9 об.—11 об.
124. Там же, лл. 12—13 об.
125. Там же, лл. 13 об.—15.
126. Там же, лл. 15 и об.
127. В августе 1724 г. генерал Румянцев в качестве чрезвычайного посланника с ратифицированным текстом договора и полномочиями комиссара от русской стороны в предстоящем разграничении был послан в Стамбул—АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1724 г., д. 3, л. 73.
128. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д. 6, ч. 2, л. 410.
129. Хаммер Я. :Ф. Указ. раб., т. 7, ч. 1, с. 307—308.
130. Бутков Л. Г. Указ. раб., ч. 1, с. 181.
- 131: Алиев Ф. М. Антииранские выступления., ее. 56—57, 66—68, 70—77.
132. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д. 6, ч. 2, л. 274.
133. Там же,
134. Там же, л. 274 об.
135. Там же.
- 136: Армяно-русские отношения, т. 2, ч. 2, с. 16.
137. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д. 6, ч. 2, л. 433.
138. Там же, лл. 444—446; 433.
139. Osmanli –Iran –Rus iliskileri ait iki kaynak 2.Nadir sah devrine ait anonym kronologisi.Istanbul 1974, с. 65 русск. Пер. с 17
140. Узунджаршили Я. Х. Указ. раб., с. 178.
141. Хаммер И. Ф. Указ. раб., с. 321.
142. Узунджаршили Я. Х. Указ. раб., с. 304.
143. Хаммер И. Ф. Указ. раб., с. 181.
145. Шейх Мухаммед Али Хазин. Тарих-е ахвал-е бе тазкир-е хал мовланаи... Лондон, 1831, с. 120, 157.
146. Хаммер Я. Ф. Указ. раб., т. 7, ч. 2, с. 320.
147. Анонимная армянская хроника, с. 69; русск. гер., с. 23.
148. Мухаммед Али Хазин, Указ. раб., с. 137.
149. Анонимная армянская хроника, с. 69; русск. пер., с. 23; Хаммер И., Ф. Указ. раб., с. 319.
- 150 Хаммер Я. Ф. Указ. раб., х. 7, ч. 2, с. 319.
151. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д. 6, ч. 2, л. 451.
152. Там же, лл. 433, 451 об.
153. Там же, л. 446.
154. Там же, л. 433.
155. Там же,, л. 457 и об.
156. Там же, д. 4, л. 83.

157. ЦГАДА, ф. 15, д. 37, ч. 2, л. 120 об.
158. Данишменд Я. Х. Указ. раб., с. 15.
159. Хаммер Я. Ф. Указ. раб., т. 7, ч. 2, с. 323.
160. Там же, с. 324.
161. Там же, с. 325.
162. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д. 6, ч. 2, л. 492.
163. Челебизаде А. Указ. соч., л. 68 об.
164. Хаммер Я. Ф. ;Указ. раб., т. 7, ч. 2, с. 324.
165. Там же,, и. 325.
166. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д: 6, ч: 2, л. 512 и об.
167. Бутков Я. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 71.
168. Там же, с. 72—73.
169. ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 4, л. 1.
170. ЦГАДА, ф. 15, д. 37, ч. 1. лл. 3—4 об.; Соловьев С. М. История России, кн. IX (тт. 17—18), 1884, с. 403.
171. АВПР, ф. СРТ. оп. 89/1, 1725 г., д. 6, л. 17.
172. Там же, л. 7 об.
173. Там же, лл. 18 об.—19.
174. Там же, лл. 19 об.—20.
175. Бутков Я. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 90; Гербер И Г. Известия о находившихся с западной стороны...
с. 215
176. СИРИО, т. 58, с. 344.
177. Там же, с 340.
178. Шульман Е. Б., Указ. автореф., с. 5.
179. Очерки истории СССР, XVIII век, II четв., с. 336; Некрасов Г. Н. Указ. раб., с. 18.
180. Очерки истории СССР, XVIII век I четв., с. 336.
181. ЦГАДА, ф. 15, д. 37, ч. 3, л. 227.
182. Там же, л. 317.
183. Пайчадзе Г. Г. Указ. кн., с. 53—59
184. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1725. г, д: 5, л:' 134:
185. Абдурахманов Л. Указ. раб., с. 40; СИРИО, т. 75, с. 359—360.
186. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1725 г., д. 17, л. 2.
187. Хаммер И., Ф. Указ. раб., т. 7, ч. 2, с. 305.
188. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1725 г., д. 6, л. 258.
189. Хаммер Л. ф. Указ. раб., т. 7, ч. 2, с. 325.
190. Челебизаде А. Указ. раб., л. 67.
191. Там же
192. Левиатов В. Я. Указ, раб., с. 88, Алиев Ф. М. Антииранские..., с: 75;
193. Хаммер Я. Ф. Указ. раб., т, 7, ч. 2, с. 325.
194. Там же, с. 327; Челебизаде А. Указ. соч., л. 86:
- 195.. Анонимная армянская хроника, с. 65; русск. перевод, с. 18.
196. Хаммер И. Ф. Указ. раб., т . 7, ч. 2, с. 325.
197. Там же.
198. Там же:
199. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1725 г., д: 6: л: 258: Об обороне Тебриза подробно см.:
Алиев Ф М: Антииранские выступления..., с 72—76

200. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1725 г., д. 6, л. 258.
201. ЦГАДА, ф. 9 (Каб. Петра 1), от. 2, кн. 74, л: 849 об:
202. Ереванци Л. История войн 1721—1736 гг., с. 31.
203. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1725 г., д. 6, 258 об.
204. Там же.
205. Бутков Я. Г. Указ. раб., ч. 1, с. 84. -
206. Хаммер И. Ф. Указ. соч., т. 7, ч. 2, с. 327. Челебизаде А. Указ. раб., л. 76
207. Якоб Я. Указ. раб.. с. 146—147.
208. Там же, с. 148.
209. Там же с. 149.
210. Хаммер Я. Ф. Указ. раб., т. 7, ч. 2, с. 326.
211. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724, г, д. 6, ч. 2, л. 433 и об.
212. Там же, ф. СРП, оп. 77/1. 1725 г., д. 5, л. 365; Алиев Ф. М. Антииранские выступления., с. 77.
- 213.. ЦГАДА, ф. Каб. Петра 1. ой 2, кн. 66, лл. 551—552 об; АВПР. ф. СРП, оп. 77/1. 1724 г.. д. 4, л. 166 и об.
214. Арзуманян З. Л. Указ. автрреф., с. 17,
215. Арутюня Л. Т. Освободительная борьба армянского народа, с. 244, 246.
216. ЦГАДА, ф. Каб. Петра I, от. 11, кн. 66, л: 550:
217. Там же, лл. 520, 553 и об.
218. Там же, от. 2, кн. 74,)л. 849. Об этом подробно см.: Алиев Ф.М. Антииранские...; с: 77:
219. АВПР, ф. СРТ, оп. 77/1, 1726 г., д. 6, лл. 154 об—155.
220. Там же, д. 4. л. 273.
- 221 Там же, 1730 г., д. 14, л. 116.
222. Там же, л. 116 об.
223. Там же, ф., СРТ, оп. 89/1, 1726 г., д. 15, л. 78 об:
224. Там же, ф. СРП, оп. 77/1, 1726 г., д. 6, лл. 97 об—98.
225. Там же, л. 65.
226. Там же.
227. Хаммер И. Ф. Указ. раб. т. 7, ч. 2, с. 329.
228. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1726 г., д. 6, л. 83 и об.
229. СИРИО, т, 55, с. 18.
230. Там же.
231. Бутков П. Г. Указ. раб., ч. 1, с. 88.
232. СИРИО, т. 55,, с. 16.
233. Там же, с. 124.
234. Там (же, с. 18.
235. Цит. по Пайчадзе Г. Указ. кн., с. 99.
236. Там же.
237. Там же, с. 99—100.
238. Там же, с. 101.
239. Маркова О. Л. Указ. раб., с. 42.
240. Записка барона А И. Остермана о политических отношениях России в 1726 году. Русский вестник, 1841, т{, 2, с. 151—152.
241. Там же, с. 332.
242. ЦГАДА, ф. 15, д. 37, ч. 3, л. 382.

243. Там же, л. 225 об.
244. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1726 г., д. 5, л. 76.
245. Анонимная армянская хроника, с. 67.
246. Хаммер И, Ф. Указ. соч., т. 7, ч. 2, с. 336. 1
247. Там же, г.. 337.
248. Узунджаршили И. Х. Указ. раб., с. 184.
249. Там же, с. 185.
250. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1726 г., д. 11, л. 13.
251. Пайчадзе Г. Указ. раб., с. 66.
252. Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 99.
253. Хаммер Я, Ф. Указ. соч., т. 7, ч. 2, с. 339; Узунджаршили И. Х. Указ. раб., с. 186.
254. Там же.
255. Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1» с. 99.
256. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1726 г., д. 9, л. 28.
257. Там же, д. 15, л. 32.
258. Там же, л. 31 об.
259. Там же, л. 29 и об.
260. Там же, л. 32.
261. Там же, л. 32 и об.
262. Там же, л. 46 и об.
263. Там же.
264. Там же, лл. 61—62.
265. Там же, л. 55 и об.
266. Там же.
267. Там же, л. 55 и об.
268. Там же, л. 56 об.
269. Там же, л. 57 и об.
270. Там же, л. 93.
271. Там же, л. 93 об.
272. Там же, л. 93.
273. Кубинский Султан Ахмед-хан был убит в 1720 г. Сторонникам убитого хана удалось спасти его двухлетнего сына, которого они скрывали до 1726 г.—АВПР, ф. СРТ, оп. 77/1, 1728 г., д. 14, л. 9 об.—11; Бутков П. Г. Указ. раб., и. 96—97.
274. АВПР, ф. СРТ, оп. 77/1, 1728 г., д. 44, лл. 101—102.
275. СИРИО, т. 56, СПб. 1886, с. 418.
276. АВПР, ф. СРТ, оп. 77/1, 1728 г., д. 14, л. 11.
277. Гербер И. Г. Известия о находящихся зап., с. 118.
278. АВПР, ф. СРТ, оп. 77/1, 1726 г., д. 6, л. 65.
279. Там же, 1727 г., д. 9, л. 30.
280. Там же, 1726 г., д. 4, л. 377.
281. Там же, л. 377 об.
282. Там же, л. 290.
283. Там же, л. 290 об.
284. Там же.
285. Там же, л. 66.
286. Там же.
287. Там же.

288. ЦГАДА, ф. «Разряд XV (Дипломатический отдел)», д. 38, л. 6.
289. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г., д. 9, л. 102 об—ЮЗ.
290. Там же, ф. СРТ, оп. 89/1, 1727 г., д. 6, л. 55 об.—56.
291. Там же, ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г., д. 6, лл. 11—12.
292. Там же, лл. 16—18.
293. Там же, д. 9, л. 59 обл
294. Там же, л. 169.
- 295.. Там же.
296. Там же, л. 141 об.
297. Там же.
298. Там же, д. 7, л. 140; д. 9 (1727 г.), л. 141 об.—142; д. 8, л. 24.
299. Там же, д. 9, л. 141 об.
300. Там же, л. 94.
301. Там же.
302. Там же, лл. 171—172.
303. Там же, лл. 95. об.—96 об.
304. Там же, л. 94; ЦГАМВФ, ф. 233, оп. 1, д. 226, л. 131.
305. АВПР, ф. СРП, оп.: 77/1, 1727 г., д. 8, л. 24, 26 об.
306. Там же, л. 24 об.
307. Там же.
308. Там же, л. 26 об.
309. Бутков П. Г. Указ. раб., с. 90.
310. Локкарт Л. Указ. раб., с. 355.
311. АВПР, ф. СРП, оп. 89/ 1, 1726 г., д. 15, лл. 61—62.
312. Там же, оп. 77/1, 1728 г., д. 3, л. 26.
313. Там же, л. 26 об.
314. Там же, л. 30.
315. Там же, л. 30 об,
316. Пайчадзе Г. Указ. кн., с. 107.
317. Там же, с. 108—109
318. Там же, с. 116—117.
319. Там же, с. 108, 109, 117.
320. Бутков Л. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 99.
321. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г.; д. 8, л. 114.
322. Там же..
324. Там же, лл. 114 об.—115.

Глава IV

1. Слово «санджак», как и его часто употребляемый эквивалент «лива», в переводе означает, «знамя». См. С. Ф. Орешкова. Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры Османского общества. В кн.: Османская империя (система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы).—М., 1986, с. 14.

2. Об административном делении Тебризского бейлербейс-Лва см.: Минорский В. Комментарии к Тазкират-ал-мулюку, с. 165. Его же. Сазман-е едаре-йе хокумет-е сефеве.— Тегеран, 1334 г. (1956), с. 189—191.
3. Омар Лютфи Баркан. Указ. соч., с. 195, док. 30.
4. Бу.пштов З., Мамедов Г. Новый исторический документ. Газ. Адабият ве инджесенет, 1985, 21 июня.
5. Данишменд И. Х, Указ. соч., с. 15.
6. Там же.
7. Мамедов Г. М. Указ. дис., с. 31.
8. Папазян Л. Турецкие налоговые реестры села Вагаршапат. 1725—1728 гг. Вестник Матенадарана, 1960, №5, с. 463.
9. Мамедов Г. М, Указ. дис.;; с. 50.
10. АКАК, т. 5, с. 1121 (генеалогия илисуйских султанов).
11. АКАК, т. 2, дополн., док., 18, с. 1091.
12. АКАК, т. 6. ч. 2. Док. и прилож; д, 14, с. 775.
13. Там же, т. 2, док. 19, с. 1091—1092.
14. Там же,
15. Там же, т. 6, ч. 2. Доп., с. 775, док: 13:
16. Там же, т. 2, догг., док. 19, җс. 1091—1092; т. 6, ч. 2, доп., док. 16, с. 776.
17. Там же, т 6, ч. 2, доп., док. 16, с. 776.
18. АВПР, ф. СРП, огг. 77/1, 1723 г., д. 6, л. 1.
19. Там же, 1724 г., л. 31.
20. Там же, д, 4, л. 85 и об. С
21. Там же л. 66.
22. Там же, л. 66 и об.
23. Там же.
24. Там же.
25. ЦГАДА, ф. 9 (Каб Петра I), от. 2, кн. 68, л. 1176.
26. АВПР, ф. СРП, оп; 77/1. 1724 г., д. 4, л. 103 об.
27. Там же, л. 256.
28. ЦГАДА, ф. 9 (Каб. Петра I), от. 2, кн. 68, л. 1177.
29. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1725 г., д. 5, л. 256 об.
30. Там же.
31. Бутков П. Г. Указ. раб, ч. 1, с. 88; «История, география...», с: 103'; Гаджиев В. Указ. раб., с. 117.
32. Бутков Л. Г. Указ. раб., ч 1, с. 88—89
33. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1726 г., д. 15, л. 39.
34. Там же, л. 38.
35. Там же, ф. СРП, оп. 77/1 1728 г., д. 4 л. 89_
36. Там же, ф. СРТ, оп. 89/1, 1728 г., д. 4, л. 109 об.
37. Там же, 1726 г., Д. 15, л. 39.
38. Там же. 1728 г., д. 4, л. 198 об.— 09.)
39. Там же, оп. 77/1, 1728 г., д. 4, лл. 41 об.—42.
40. Там же, лл. 42 об.—43.
41. Там же, л. 86.
42. Там же 82

43. Гаджи 4 сыновьями, 2 братьями и всей семьей в октябре 1728 г. был перевезен на остров Родос, где жил до 1735 г (1147 г., месяц зюлкеде), после этого он был перевезен в Гелиболу (Кипр), где и умер-АВПР; ф: СРТ, оп. 89/1, 1729 г., д. 6, л. 212; Узунджаршили И.Х. Указ. раб., с 196. 44. АВПР; ф. СРП, оп. 77/1, 1728 г., д. 4, л. 109 об.
45. Там же, ф. СРП, д. 11, л. 112.
46. Там же, д. 6, 108; д. 11 л. 112
47. Петрушевский И.П. Указ раб, с .78, Гусейнов Ш. С Сельское хозяйство Азербайджана в первой половине XVIII в. Автореф дис. ...канд. ист. Наук. –Баку, 1970, с14
48. Типичным для османского феодализма был условный характер ленного владения Государство являлось верховным собственником, распоряжавшимся завоеванными, так называемыми «мирийскими» землями. Сохраняя над ними верховное право собственности, оно на определенных условиях отдавало большую их часть служилым людям. К вопросу о характере азиатского феодализма см.: К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1954, с.804
49. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1732 г., д. 7., л. 142 и об:
50. Там же, 1734 г., д. 5, л. 173 и об.
51. Там же, 1735 г., д. 5, лл. 292 об—293.
52. Буниязов З. М. Дефтер-и Нахичеван, «Адабият ве инджесенет», 1985, 13 сентября.
53. Там же.
- 54 Пачазян А Д Источниковедческое значение..., с.213
55. Гусейнзаде А: Документ, относящийся к экономической истории вилаете-е Гянджа (20-е гг. XVIII в.) (на азерб. яз.).-Изв. АН АзССРсер. Истор. Философ. И права, 1969 №4
56. См; Маммедов Г. Указ. Дис., с.54; Селянская И, М. Османское провинциальное управление и общественные институты в Сирии в XVIII в. В сб.: Государственная власть и общественно политические структуры в арабских странах. История и современность.-М.: Наука, 1984, с. 51-81
57. Орешкова С. Ф. Государственная власть и некоторые проблемы, формирования... с. 12:
58. Маммедов Г. Османская .налоговая система в 30-е гг. XVIII в. Автореф. дис... канд. ист: наук. Баку, 1985, с. 10
59. 1 тагар= 192,42 кг.
60. Баркан О. Л. Указ. раб., с. 195—196.
61. Донум==919,3 м2.
- 62 Гован—название пасеки.
- 63 Динг— название инструмента, которым молотили рис.
64. Буниязов З. М. Дефтер-и Нахичеван. Адабият ве инджесенет, 1985, 13 сентября.
65. Маммедов Г. М. Автореф. дис... канд: ист: наук, с: 14—15
66. Там же, с. 15.
67. Петрушевский И. П. Указ. раб., с. 272—277.
68. Маммедов Г. Л. Автореф. дис... канд. ист. наук, с. 17—18. '
69. Баркан О. Л. Указ. раб., с. 196.
70. Там же.
71. Буниязов З. М. Дефтер-и Нахичеван, Адабият, ве инджесенет, 1985, 13 сентября.
72. Там же.

73. Кадии подчинялись кадиаскерам и через них шейх-уль-исламу. Кадийские округа «каза» часто не совпадали с военно-административными районами.— Орешкова С. Ф. Государственная власть и некоторые проблемы формирования..., с: 14:
74. Мамедов Г. М., Шенгелия Н. Н. Документы о финансировании османских войск в Азербайджане (1724—1735 годы). Извест.ия АН Азерб. ССР, серия истор. филос. и права, 1984, № 2, с. 25—32.
75. Челебизаде А. Указ. соч., л. 77.
76. Там же.
77. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1724 г., д. 6, ч. 1, л. 190 об.
78. Там же, лл 190 об.—191.
79. Там же, л. 191 об,
80. Там же, л. 192 об.
81. Там же, л. 198 и об.
82. Узунджаршили И. Х. Указ. раб., с. 178—179.
83. Буниятов З, Дефтер-и Нахичеван. Адабият ве инджесенет, 1985, 13 сентября.
84. Там же.
85. Папазян А. Д: Роль армян в производстве шелка в Турции и договор, заключенный в 1729 году в Тавризе. Вестник Матенадарана, 1969, № 9, с. 250—252.
86. АКАК, т.. 1, дополн. док. 18, с. 1091.
87. Мамедов Г. Указ. дис.1., с., 60—61.
88. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 6, 1726 г., л. 83 и об.
89. Мамедов Г. М. Автореф. дис...: канд. ист. наук, с. 16.
90. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1731 г., д. 12, л. 6.
91. Там же, л. 6 об.
92. Там же, 1726 г., д. 4, л. 379 об.
93. Челебизаде А. Указ.. раб., л. 77.
94. Мамедов Г, М. Автореф. дис... канд. ист. наук, с. 19.
95. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1726 г., д. 4, л: 379:
96. Челебизаде А. Указ. соч., л. 72. об.
97. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1726 г., д. 6, л. 105.
98. Там же, л. 81 об.
99. Там же, л. 81 об.—82.
- 100 Там же, 1729 г., д. 4, л. 148 об.
101. Там же.
102. Хаммер И. Ф. Указ. соч., т. 7, ч 2, ". 328.
103. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1729 г., д' 3, л. 119.
104. Там же, д. 4, л. 374.
105. Там же.
106. Там же, д. 3, л. 119.
107. Там же, 1730 г.. д. 13, л. 4.

1. Бутков Л. Г. Указ. раб., ч. 1, с. 87—90.
- 2 История, география и этнография Дагестана, с. 86.
3. Гаджиев В. Указ. соч., с. 101; История, география и этнография Дагестана, с. 85.
4. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г., д. 9, л: 101 и об:
5. Бутков Л. Г. Указ. соч., ч. 1, л. 96.
6. Там же, с. 92.
7. Там же, с. 93.
8. Там же.
9. Там же, с. 138.- и
10. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1729 г., д. 1, л. 10 об.; Бутков П. Г: Указ:соч., ч. 1, с. 87. II»
Бутков П. Г. Указ. соч., ч. I, с. 88, 95—96.
12. Там же, с 96.
13. ПСЗРИ, т." VII, СПб., 1830, с. 113.
14. АВПР, ф .СРП, оп. 77/1, 1724 г., д. 5, л. 29.
15. Бутков П. Г. Указ. раб., ч. 1, с. 92.
16. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г., д. 8, л. 13 и об.
17. Бутков П. Г. Указ. раб., ч. Му с. 92.
18. Там же, с. 108.
19. Там же, с. 93.
20. Гербер Я. Г. Известия..., с. 207.
21. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1730 г., д. 16, л. 154.
22. ЦГАДА, ф. 15, д. 37, ч. 1, л. 18 об., АВПР, ф. СРП. оп.77/1, 1724г., д. 1, л. 1 об.
23. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1730 г., д. 3, л. 3.
24. Указы кубинских ханов (пер. Растопчина). Серия памяти Марра, кн. 3.— Тбилиси, изд. Груз. филиала АН СССР, 1937, док. 3, с. 20—21, 59.
25. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1726 г. ^ д. 15, л. 39 об.
- 26 Бутков Л. Г. Указ. раб., ч. 1, с. 98.
- 27 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1725 г., д. 5, л. 204 об.
28. Лысцов В. Л. Указ. раб., с. 141; Комаров В. Персидская война, с.52
29. АВПР, ф. СРП, оп'. 77/1, 1725 г., д. 5, л. 204 об.; ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 11, л. 8. }
30. СИРИО, т. 84, с. 245.
31. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г., д. 9. л. 26.
32. Там же, 1726 г., д. 4, л. 4; Комаров В. Указ. соч., с. 600—601.
33. Комаров В. Персидская война ., с. 606—607.
34. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1725 г, ' д. 16. л. 13.
35. ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. И, л. 92.
36. Там же, л. 92 об.
37. Там же, лл. 92 об.—93.
38. ПГАДА, ф. 15, д. 37, ч. 5, л. 264 об.
39. Куринская крепость находилась в 154 верстах от Кизилагача.— АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1729 г., д 1, л. 10.
40. ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 19, л. 21 об.
41. Там же.
42. Комаров В. Указ. соч., с. 606.
43. Там же.

44. Там же, б. 603—609.
45. Полиевктов М. А. Проект хозяйственной эксплуатации..., с. 261; Агаян Ц. П. Бакиханов.—Баку, 1948, с. 29.
46. ЦГАДА, ф. 9 (Каб. Петра I), от. 2, кн. 72, л., 357 и об.
47. Там же, я. 358.
48. Там же, кн. 63, л. 597, об.—598.
49. Там же, л. 691.
50. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1 1725 г., д. 5, лл. 21 об—22.
51. ЦГАДА, ф. 9 (Каб. Петра I), от. 2, кн. 72, л. 671 об—672
52. Там же, кн. 63, л. 789.
53. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г., д. 11, лл. 1 и об.
54. Гаджиев В. Указ. раб., с. 120.
55. Бутков Л. Г. Указ. раб., ч. 1, с. 147; Мельгунов Г. В. Указ. раб., 17.
56. ЦГАДА, ф. 9 (Каб. Петра I), от. 2, кн. 64, л. 1031.
57. Там же, кн. 68, л. 1188.
58. Там же, кн. 64, л. 1031.
59. Там же, кн. 68, л. 1188.
60. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1731 г., д. 10, л. 18; Зевакин Е. С. Прикасп. пров., таб. 4.
61. Гербер Я. Г. Известия..., с. 221; Бутков П. Г. Указ. раб., с; 95.
62. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1731 г., д. 10, л. 18.
63. Там же, л. 17.
64. Там же, л. 19.
65. Бутков П. Г. Материалы..., ч. 1, с. 97.
66. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1731 г., д. 10, лл. 10—18; Бутков П. Г. Указ. раб., ч. 1, с. 95.
67. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1731 г., д. 10, л. 17:
68. Там же, 1730 г., д. 3, л. 3.
69. Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 87.
70. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1728 г., д. 14, л. 10.
71. Бутков Л. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 146.
72. Там же.
73. Там же, с. 147; Гаджиев В. Г. Роль России..., с. 122; Куканова Г. Н: Русско-иранские отношения в конце ХУП-начале XVIII вв., с. 117.
74. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1723 г., д. 5, л. 4.
75. Алиев Ф. М. Торговля Азербайджана в первой половине XVIII в. (на азерб. яз.).—Баку, 1964, с. 76.
76. ЦГАДА, ф. 15, ч. 1, д. 37, л. 17; Чулков М. Д. Историческое описание... т. 2, кн. 2, с. 143—144.
77. ГААО, ф. 394 (Астраханская губернская канцелярия), оп. 1, д. 59-2, л. 39.
78. Бутков Л. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 147—148:
79. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1726 г., д. 4, л. 113—114.
80. ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 114, лл. 90 об—91.
81. Вес одного тая мог составлять 5, 10, 15, 20 и более пудов, а одного узла—2 и 4 пуда.
82. ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1, лл. 90 об.—91.
83. Там же, д. 529, лл. 1—32,
84. Там же, л. 31.

85. Там же.
86. АВПР, ф. СРП, оп 77/1, 1738 г., д. 3, лл. 297 об.—298.
87. ЦГАДА, ф. 15, д. 37, я. 4, л. -54.
88. СИРИО, т. 84, с. 51—52.
89. АВПР, ф. СРП, оп, 77/1, 1724 г., д. 4, л. 61.
90. Там же, 1728 г., д. 11, лл. 97—100.
91. Там же, 1735 г., д. 6, лл 95—и об.
92. Там же, 1732 г., д. 20, лл. 269—395; Зевакин Е. С. Прикаспийские провинции... таб. 3—5, 7.
93. См.: Лысцов В. Л. Указ. раб., с. 151
94. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Составитель Гамрекели В. Г- Тбилиси, 1968, с. 29; Киняпина М. М., Блиев В. В., Дегоев. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России.—М.: Изд-во МГУ, 1984, с. 16.
95. Цит по указ. раб. Г. Г. Пайчадзе (с, 71).
96. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1723 г., д. 8, л. 133 об.
97. Там же, л. 134.
98. Там же.
99. ЦГАДА, ф. 15, д. 37, ч. 2, л. 318 об.; Комаров В. Указ: раб.,606-607
100. ЦГАДА, ф- 15, д. 37, ч. 2л. 318 об.
101. Там же, лл. 318 об.—319.
102. Там же.
103. Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с 67
104. АВПР, ф. СРА, оп. 100, 1724 г., д. 2, лл. 46, 68.
105. Там же, л. 63.
106. Там же, лл.5 1-53; Эзов Г. А. Указ. соч., док. 265.
107. АВПР, ф. СРА, оп. 100, 1724 г.. д. 2, лл. 68-69; Эзов Г. А.Указ соч., док 259
- 108.АВПР. Ф, СПА оп. 100, 1724 г Д. 2, лл. 68-69.
109. ЦГАДА, ф., 15д.37 ч. 2л.234
110. АВПР. Ф, СПА оп. 100,(1725-26) л31 и об; Эзов Г. А.Указ соч., док. 277
111. АВПР. Ф, СПА оп. 77/1, 1725г. Д. 5. лл.41-42
112. СИРИО, т. 104, с. 74.
113. Пайчадзе Г. Г. Указ. кн., с. 71.
114. Там же ,с. 73.
115. ЦГАДА, ф. 15, д. 37, ч. 2, л. 324.
116. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1728 г., д. 6, л. 11.

Глава VI

- 1 АВПР, ф. СРП, оп 77/1, 1727 г., д. 9, л. 14.
2. Там же. 1728 г., д. 4, л. 71 и об.
3. Там же. л. 73 и об.
4. Там же, 1707 г., д. 9, л. 131 и об.
- 5 Там же, 1722 г.. д. 18, л 120.
6. ЦГАДА, ф. 9. (Каб. Петра I), от. 2, кн 63, л.б)9.
7. Там же, я. 689 об

8. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1722 г., д. 18, л. 137.
- 10 ЦГАДА, ф. 9 (Каб Петра I), от. 2, кн. 63 л. 690.
11. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1. 1726 г., д. 4. л. ;272 иоб.
12. Там же.
13. Там же, л. 273 об.
14. Гербер Я. Известия., с. 301.
- 15 АВПР, ф. СРП, оп1 77/1. 1723 г., д. 8. лл. 186—187.
16. Там же, 1724 г., д. 6. л. 28 об.
17. Там же, л. 30. -
18. Комаров В. Указ. раб.. Приложения., с. 585.
19. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1724 г.. д. 4, л. 137.
20. Гаджиев В. Указ. Раб., с.118
21. ЦГАДА, ф. 15, д. 37, ч. 2, л. 121.
22. Там же, д, 264.
23. Там же, д. 15 об.—16.
24. Там же, л. 20 об.
25. Там же, л. 120.
26. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1724 г., д. 4, ;л. 243.
27. Там же, л. 243 и об.
28. Там же, л. 226 об., 260.
29. Там же, л. 228 об.—229.
30. Там же, л. 292 об.
31. Там же, л. 261.
32. ЦГАДА, ф. 9, (Каб. Петра I), от. 2, кн. 67, л. 645 об.
33. Бутков Л. Г. Указ соч., ч. 1, с. 69—70.
34. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1724 г., д. 4, л. 235 и об.
35. Там же, л. 2?4.
36. Там же, л. 224 об.
37. ЦГАДА, ф. 9 (Каб. Петра I), оп. 2, кн, 67, л. 644 и об.
38. ЦГАМФ, ф. 233, оп. 1, д. 228, л. 94 об.; Гербер И. Г. Известия: с 294.
39. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1724 г., д. 4, л. 260 об.
40. Бутков 77. Г. Указ. соч., с. 70.
41. Ашурбейли С. Указ. раб., с. 259.
42. АВПР, ф. СРП. оп. 77/1, 1725 г., д. 5, л. 28.
43. Бутков Л. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 81:
- 44; Там же, с. 82—83.
45. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г., д. 5, лл. 96 об.—97.
- 46; Там же, д. 9, л. 468 и об. (По кн. Ф, М. Алиева. Азербайджанорусские отношения (XV—XIX вв), ч. 1, Баку, 1985, с. 131—132.
47. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г., д. 9, л. 468 об—469:
48. Там же, л. 496 и об.
49. Там же, л. 471; Алиев Ф. М. Антииранские выступления., с. 81—83
50. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г., д. 9, л. 469 об.—470;
51. Там же, л. 463—465.
52. Там же, л. 467 и об. Однако и Гюльяхмед не оправдал надежды русских. 20 марта 1730 г. Али Гули-хан сообщил Долгорукому, что Гюльяхмед переписывался с Сурхаем и бывшим сальянским наибом Мухаммед Хусейн-беем, за которого

- выдал замуж свою родственницу. Русское командование с 1730 г. управление Сальянской провинцией поручило вдове одного из влиятельных ханов (в источниках имена хана и его вдовы не указаны), а б 1732 г. Али Гули-хану.—АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1730 г., д. 9.лл.35, 60; Гербер И. Г. Известия..., -301.
53. Узунджаршили Я. Х Указ. соч., с 198.
54. Там же;
55. Цитируется по С. А. Мамедову. Указ. раб., с. 182:
56. Челебизаде А. Указ. соч., л. 107.
57. Там же, л. 96.
58. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1726 г., д. 15, л. 79 и об.
59. Челебизаде Л. Указ. раб., л. 96.
60. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г., д. 8, л. 4.
61. Там же, л. 23.
62. Там же.
63. Армяно-русские отношения в XVIII в., т. 2, ч. 1, с. ХС.
64. Петрушевский Я. Л. Указ. раб., с. 166—167.
65. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1726 г., д. 6, л. 109 об.
66. Там же, 1727 г., д. 9, л. 57.
67. Там же, 1728 г, д. 5, л. 1б.
68. Там же, л. 92.
69. Там же, л. 76 об.
70. Там же, л. 92.
71. Там же, л. 91.
72. Там же.
73. Там же, л. 91 об.
74. Там же, д. 8, л. 21 об.
75. Гербер Я. Г. Известия..., с. 299.
76. Челебизаде А. Указ. соч., л. 96.
77. Там же, л. 125.
78. Хаммер Я. История османской империи, т. VIII с 351—354; Левиатов В. Н. Указ. раб., с. 94.
79. Челебизаде А. Указ. раб., л. 125.
80. Распространению таких слухов способствовали убийства предводителями афганцев сыновей шаха Гусейна и других принцев, совершенные втайне от людей. Так, иранский историк Мухаммед Хеджази пишет что Махмуд, получив известие о восстании населения Казвина распорядился об убийстве 114 знатных иранцев и 31 сефевидского принца (Мухаммед Хеджази. Холасе-йе тарих-е Иран (та енгераз гаджирий-йе) Тегеран 1335 г. хуршуди, 1957 г. хр. эры с. 180, Сопровождавший туоецкого посла к Надир шаху некий армянин по имени Танбури Арутюн'писал, что шах Гусейн имел 34 детей, 27 из которых были убиты на глазах отца Мир Махмудом. (Tahmas kulu hanini tevarihi (Istanbulu Tanburi Arifin tarafindan ossmanli elcisi ile Acemistan yolculugunda yazilmi).— Ankara, 1942
81. Узунджаршили Я. Х. Указ. раб. с. 183
82. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1728 г., д. 4, л. 14.
83. См.: Алиев Ф. М. Антииранские выступления..., с. 90
84. АВПР, ф.; СРП, оп. 77/1, 1728 г., д. 4, л. 70 и об.

85. Миклухо-Маклай Я. Д. Записки С. Аврамова об Иране как исторический источник. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковед, наук, вып. 3, № 128. 1952, с. 88—103.
86. Миклухо-Маклай Н. Д. Записки С. Аврамова:::, с. 93. Примечание. Тахмасиб II сопротивлялся, не желая попасть в подчинение к Фетали-хану. Весной 1726 г. между ними произошло сражение, в результате которого шах был разбит и изгнан. Шах, однако, попросил помощи у туркмен.
- Зная об этом, Фетали-хан явился к шаху в Астрабаде как бы с повинною, повесив на шею саблю с Кораном. В результате шах очутился в конце концов в полной зависимости от Фетали-хана.—Н. Д. Миклухо-Маклай. Записки С. Аврамова., с. 91.
87. Согласно П; Г. Буткову, Надир (род. в 1688 г.) принадлежал к ветви гырхлу племени афшаров.—См.: Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 99.
88. Миклухо-Маклай Я. Д. Записки С. Аврамова..., с. 93.
89. Бутков Л. Г. Указ. соч., ч. 1. с. 99.
90. Миклухо-Маклай Я. Д. Записки С.; Аврамова... с. 93—94.
91. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1726 г., д. 14, лл. 71а—71б.
92. Челебизаде А. Указ. соч. л. 147.
93. АВПР. ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г., д. 9, л. 391.
94. Там же, л. 391 и об.
95. Там же, л. 564 об.
96. Там же, л. 391.
97. Мухаммед Кязим. Указ. соч., с. 81.
98. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1727 г., д. 9, лл. 553—554.
99. ЦГВИА, ф. 20, от 1/47, д. 1, л. 205.
100. Там же.
101. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1728 г. д. 4, л. 53 об.—54—об:
102. Там же, л. 116.
103. Там же.
104. Там же.
105. Там же, л. 117.
106. Там же.
107. Там же, 1729 г., д. 6, лл. 155—156.
108. Челебизаде Л. Указ. раб., л. 147.
109. Там же.
110. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1728 г., д. 11, л. 13 и об.
111. Там же, д. 4, л. 84 и об.
112. Там же, д. 11, лл. 13 об.—14; д. 4, л. 84 и об.
113. Там же. д. 4, л. 89.
114. Там же, д. '11, л. 21 об.
115. Там же, д. 9, л. 99.
116. Там же.
117. Там же, л. 125.
118. Там же, д. в, л. 126.
119. Там же, л. 150.
120. Там же, д. 11, л. 15.
121. Там же,
122. Там же, л., 127.
123. Там же, л. 127 и об.

124. Там же, л. 44 об,—45.
125. Там же, л. 28.
126. Там же, л. 28 об.
127. Там же.
128. Там же, л. 44.
129. Там же.
130. Там же, л. 44 об.
131. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1728 г., д. 5, л. 65 об.
132. Мухаммед Кязим. Указ. соч., с. 82—83.
133. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1728 г., д., 8, л. 127.
134. Там же.
135. Там же, л. 234.
136. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1728 г., д. 5, л. 105.
137. Там же, л. 105 об.
138. Там же, л. 106.
139. Там же, 1729 г., д. 6, л. 212.
140. Челебизаде Л. Указ. соч., л. 154 об.
141. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1729 г., д. 6, л. 82.
142. Там же, л. 103 и об.
143. Там же, д. 4, л. 125.
144. Там же, д. 1, л. 14.
145. Там же, д. 4, л. 147 и об.
146. Там же, л. 19.
147. Там же, д. 13, л. 107 и об.
148. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 111.
149. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1729 г., д. 3, л. 107 и об.
150. Мухаммед Кязим. Указ, соч., лл. 35—36.
151. В некоторых источниках пишется Масуслу—ЦГВИА, ф. д. 1540, л. III. Правильнее—Мое улу или Масула.
152. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1729 г., д. 3, л. 107 и об.
153. Там же, д. 4, л. 446 об.
154. Там же. Примечание: В Стамбуле было объявлено, что турки убили лжепринца Исмаила мирзу и отсекли ему голову. Любопытно, что одновременно халхалский Мухаммед Гули-хан, который раньше был сердаром (наместником) Тахмасиба, а затем перешел на службу к османам, тоже отправил в Тебриз отсеченную голову, якобы принадлежавшую лжепринцу.—АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1729 г., д., 4, л. 446: об:
155. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1729 г., д. 3, л. 118 об.
156. Там же, д. 4, л. 374.
157. Там же, 1730 г., д. 16, л. 49.
158. Там же, л. 49 об.
159. Там же, 1732 г., д. 6, л. 205.
160. Там же, д. 5, л. 224.
161. Мейер М. С. Восстание городских низов Стамбула в 1730 г., с. 81.
162. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1730 г., д. 16, лл. 12—13.
163. Там же, лл. 7 об.—12.
164. Там же, д. 9, л. 75.

165. Там же, д. 14, л. 225 об.
166. Там же, л. 97 и об.
167. Там же, л. 137 об.
- 168 Там же, л. 156 об.
169. Там же, 1731 г., д. 14, л. 10.
- 170: После возвращения в 1727 г: Дергях Гули-хан проживал в окрестностях Баку, в селении Маштаги, а сын его и жена содержались в бакинской крепости в качестве заложников. Впоследствии сыну было разрешено проживать в Маштагах у отца, а жене время от времени с разрешения русского коменданта предоставлялись свидания с мужем.—АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1731 г., д. 10, л. 323.
171. Там же.
172. Там же, 1730 г., д. 3. л 10. об.
173. Там же, л. 1.
174. Там же, 1731 г., д. 14, л. 106.
175. Там же 1730 г.. д. 3, л. 109.
176. Там же, л. 8.

Глава VII

1. Армяно-русские отношения в XVIII в., т. 2, ч. 1, с. ХС1—ХСП.
2. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1728 г., д. 8, л. 53 об.
3. Там же, лл. 53 об.—54.
4. Там же, лл. 54 об.—55.
5. Там же, ф. СРТ, оп. 89/1, 1728 г., д. 4, л. 347.
6. Там же.
7. Там же, ф. СРП, оп. .77/1, 1731 г., д. 10, л. 327.
8. Там же.
9. Там же, лл. 327 об.—328.
10. Там же, 1730 г., д. 14, л. 119 об.
11. Там же, л. 523.
12. Там же, лл. 124—126 об.
13. Там же, ф. СРТ, оп. 89/1, 1729 г. д. 7, л: 77, 232 и об.
14. Там же, д. 6, л. 296.
15. Там же, л. 79 об.
- 16 Куринская крепость, иногда называемая Екатеринбургом находилась на расстоянии одной версты от Кызылагача—АВПР. ф. СРП, оп. 77/1 1729 г, д. 1 л. 10 об.
17. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1729 г, д. 6, л. 79 об.-80..
18. Там же, л. 10 об.
19. Там же, л. 11.
20. Там же, л. 16 об.
21. Там же, л. 19 об.
22. Там же, л. 85 и об.

23. Действительно, в марте 1729 г. в Россию был отправлен курьер Мехмет Эфенди, чтобы передать упомянутое требование русскому правительству.—Там же, л. 13.
- 24 Там же, л. 290 об.
25. Там же, ф. СРП, оп. 77/1, 1729 г, д. 6, л. 109.
26. Там же, л. 86.
27. Там же, л. 77.
28. Там же, ф. СРТ, оп. 89/1, 1729 г., д. 6, л. 126.
29. Там же, л. 305 об.
30. Там же,)ц. 7, лл. 60 об.—61.
31. Там же, л. 113.
32. Там же
33. Там же, ф. СРП, оп. 77/1, 1729 г., д. 1, л., 4:
34. Некрасов Г. Указ. раб., с. 79.
35. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1729 г., д. 6, лл. 137—138.
36. Там же, л. 140.
37. Там же. д. 8 л. 142.
38. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, лл. 112—113.
39. Там же
40. Бутков П. Г. Указ соч., ч. 1, с. 101—102.
41. Там же, с. 102.
42. Там же.
43. Там же, с. 103.
44. Узунджаршили И. Х. Указ. раб., с. 218—219.
45. Об этом восстании подробно см.: Tansin Unal 1700 den 1958—e kadar turk siyasi Tarihi basku/ – Ankara, 1958, s.30-33.
46. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1731 г., д. 14, л. 6 об.—7.
47. Бутков Л. Г. Указ. соч., с. 104—105.
48. Там же.
49. Данишменд И. Х. Указ раб., с. 18.
50. Бутков Л. Г. Указ. соч., с. 105.
51. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1731 г., д. 12, л. 6.
52. Там же, 1730 г., д. 14, лл. 134 об—135:
53. Там же, л. 135.
54. Там же, лл. 135 об—136.
55. Иванов М. С. Очерки истории Ирана. М., 1958, с. 95; Алиев Ф. М. Антииранские выступления..., с. 99.
56. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1730, г., д. 14, л. 159 об.
57. Там же, л. 249.
58. Там же, л. 327 об.
59. Там же.
60. Там же, 1731 г., д. 6, л. 131.
61. Там же, л. 281.
62. Там же, ф. СРТ, оп. 89/1, 1731 г., д. 8, л. 110.
63. Там же, л. 405 и об.; Узунджаршили И. Х. Указ. раб. с 219—221.
64. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1731 г., д. 8, л. 405.

65. Там же, л. 405 об.; Узунджаршили И. Х. Указ. соч., с. 219.
66. Бывший влиятельным урмийским феодалом Биситун-хан еще в период правления шаха Султана Гусейна, пользуясь ослаблением центральной власти, отказался подчиняться шаху, а после занятия Ирана афганцами расширил свою власть в Тебризской и Хойской областях.—См.:
- Г. А. Далили. О позиции афшаров в политической жизни Азербайджана в XVIII веке. Изв. АН Азерб. ССР, сер. истор. философ, и права, 1969, № 3, с. 34—41.
67. Там же, ф. СРП, оп. 77/1, 1732 г., д. 5, лл. 98 об—99.
68. Там же, ф. СРТ, оп. 89/1, 1732 г., д. 7, л. 8.
69. Там же, д. 8, 1731 г., л. 293 об
70. Там же, л. 226.
71. Там же, ф. СРП, оп. 77/1, 1732 г., д. 5, л. 98.
72. Там же, ф. СРТ, оп. 89/1, 1732 г., д. 7, л. 141 и об.
73. Там же, л. 218 об., 241 об.
74. Там же, л. 141 и об., 218 об.
75. Там же, ф. СРП, оп. 77/1, 1730 г., д. 14, л. 52 об.—53.
76. Там же, л. 53 и об.
77. Там же, д. 5, л. 1.
78. Там же, лл. 1 об.—2.
79. Там же, л. 14 об.
80. Там же, 1730—1733 гг., д. 10, л. 1 и об.
81. Там же, л. 10 и об.
82. Там же, л. 23 об.
83. Там же, л. 24 (об.
84. Там же, л. 25.
85. Там же, л. 25 об.
86. Там же, л. 26 и об.
87. Там же, л. 33 об.
88. Там же, л. 29 и об.
89. Там же, л. 30.
90. Там же, л. 227.
91. Бутков Л. Г. Указ соч., с. 107.
92. АВПР, ф, СРП, оп.. 77/1, 1730 г., д. 4, лл. 249, 267:
93. Там же, 1730—1733 гг., д. 10, л. 237.
94. Там же, 1732 г., д. 5, л. 36.
95. Там же, л. 37.
96. Там же.
97. Там же, л. 38.
98. Там же.
99. Там же, л. 38 об.
100. Там же, л. 39.
101. Там же, 39 об.
102. Там же, л. 40 об.
103. Там же, ф. СРТ, оп. 89/1. 1732 г., д. 8, л. 174.
104. Там же, д. 9, лл. 68—69.
105. Там же, ф. СРП, оп. 77/1, 1732 г.. д. 3, л. 44.
106. Бутков Я. Г. Указ. соч., с. 139—141.

107. Там же, с. 153.
108. Там же, с. 141. '
109. АВПР, ф. СРТ, оп. 77/1, 1732 г., д. 3, лл. 45 и об.
110. Там же, СРТ, оп. 89/1, 1732 г., д. 7, л. 156 об.
111. Там же, л. 142 и об.
112. Там же, л. 14 и об.
113. Там же, л. 143 об.
114. Там же, л. 144.
115. Там же.
116. Там же, л. 144 об.—145.
117. Там же, л. 218 об.
118. Там же, л. 219.
119. Там же, л. 220.
120. Там же, л. 1220 об.
121. Там же, л. 221 об.
122. Там же, л. 256 об—257.
123. Там же, л. 257 об.
124. Серденгечти—ударные отряды, набиравшиеся из янычар. См.: Г. М. Мамедов, Н. Н. Шенгелия. Документы о финансировании османских войск в Азербайджане (1724—1735 гг.). Изв. АН Азерб.ССР. сер, истор., философ, и права, 1984, № 2, с. 31.
125. АВПР, ф. СРТ, он. 89/1, 1732 г., д. 7, лл: 334—335.
126. Там же, л. ,235 об.
127. Там же, д. 5, л. 103.
128. Там же, ф. СРП, оп. 77/1, 1732 г., д. 5, л. 44 об.
129. Там же, ф. СРТ, оп. 89/1, 1732 г., д. 8, л. 174.
130. Там же, ф. СРП, оп. 77/1, 1732 г., д. 6, л. 413.
131. Там же, д. 5, л. 248.
132. Согласно П. Г. Буткову, сыну Тахмасиба II было 8 месяцев.—П. Г. Бутусов. Указ. со., с. 114:
133. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1732 г., д. 5, лл 54; 248, д. 6, лл185—187.
134. Там же, л. 186 об.
135. Там же, д. 6, л. 187 об.
136. Там же, л. 189 об.
137. Алиев Ф. М. Антииранские.., с. 106; Иванов М. С. Очерки.., с. 35,
138. АВПР, ф. СРП, оп. 77/, 1 1732 г., д. 6. л. 189 об.
139. Там же, л. 201 об.
140. Узунджаршили Я. Х. Указ. раб., с. 223.
141. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1733 г., д. 5, л. 73 об.
142. Там же, л. 226 об.
143. Там же, л. 26 об.
144. Там же, л. 73 об.
145. Алиев Ф. М, Антииранские выступления.., с. 106; Абдуррахманов А. Указ. раб., с. 61.
146. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1733 г., д. 5, лл. 226 об:—227:
147. Там же, лл. 58, 226.
148. Там же, л. 230.

149. Там же, л. 158 и об., 230.
150. Там же, лл. 271 об.—272.
151. Там же, лл. 271 об.—272.
152. Там же, лл. 483 об.—484.
153. Там же, 1734 г., д. 6, л. 8 об.
154. Там же, ф. СРП, оп. 77/1; 1733 г., д. 5, л. 57.
155. Там же, лл. 88—90; Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с- 125
156. Бутков П. Г. Указ. соч., с. 121.
157. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1733 г., д. 5, л. 321 и об
158. Там же л. 326.
159. Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с: 121:
160. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1733 г., д. 5, л. 387.
161. Там же, л. 402. Примечание. Некоторые авторы считают, что ввиду заключения османо-иранского договора 1733 г. крымцы, не дойдя до Дербенда, вернулись обратно.—См.: Гаджиев В. Указ раб., с 126
162. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1733 г., д. 5, л. 419 и об.
163. Бутков П. Г. Указ. соч., с. 125.
164. АВПР, д. СРТ. оп. 89/1, 1733 г., д. 5, л. 409 об.—410.
165. Кочубинский Л. Указ. раб., с. 9.
166. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1732 г., д. 7, л. 156 об.
167. Цит. по указ. раб., А. Кочубинского (с. 10).
168. Бутков П. Г. Указ. раб., с. 124—125.
169. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1734 г., д. 4, л. 1.
170. Узунджаршили Я. Х. Указ. раб., с. 226.
171. Там же, с. 227.
172. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1734 г., д. 4, 173 и об.
173. Узунджаршили Я. Х. Указ. раб., с. 228.
174. Там же.
175. Бутков П. Г. Указ. соч., с. 125—126. Примечание: С. Голицын официально был направлен для поздравления по случаю восшествия на престол младенца Аббаса III и был уполномочен вести переговоры о подготовке нового договора о прикаспийских провинциях.—АВПР, А СРП. оп. 77/1, 1733 г., д 4, л. 1.
176. Бутков П. Г. Указ. соч., с. 127.
- 177 Там же.
178. Там же.
179. Левиатов В. Указ. раб., с. 101; Алиев Ф. М. Антииранские выступления., с, 114.
180. Левиатов В. Указ. раб., с. 102.
181. Абдуррахманов А. Указ. раб., с. 65.
182. АВПР ,ф. СРП, оп. 77/1, 1735 г., д. 4, л. 17.
183. Там же, д. 4, л. 4 и об.; д. 6, л. 61 об:
- 184: Там же, д. 14, л. 14.
185. Мирза Мехти -хан Астрабади. Тарих-е Надири, с. 205—208-Левиатов В. Н. Указ. раб., с. 104.
186. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1735 г., д. 6, л. 58.
187. Там же, л. 58 об.
188. Там же, л. 9.

189. Бутков Я. Г. Указ. соч., с. 131.
190. Там же, с. 132.
191. Там же, с. 131.
192. Там же, с. 131—132.
193. Маркова О. Я. Указ. раб., с. 49.
194. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1735 г., д. 6. л. 345 ц об.
195. Там же, л. 355.
196. Узунджаршили Я. Х. Указ. раб., с. 229; См. также ЦГВИА, ф ВУА д. 45. л, 142 об.
197. Алиев Ф. М. Антииранские выступления.., с. 117—118. СИРИО. т 76 с 243
198. АВПР ф. СРП, оп. 77/1, 1735 г., д. 6, л. 38.
- 199: Там же, д. 4. л. 10 об.
200. Там же, л. 11 об.
201. Там же, д. 4, лл. 11 и об.
202. Там же, л. 12.
203. Там же, лл. 7, 12; 1735 г., д. 3, л. 65 ц об.
204. Там же, 1734 г., д. 6, лл. 38 об.—39.
205. Там же, 1735 г., д. 6, л. 10 об.
206. Там же, л. 10 и об.
207. В связи с преклонным возрастом И. Неплюев был заменен. А. Вышняковым и 8 сентября 1735 г. вернулся в Россию.—АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1735 г., д. 7. л. 56 и об.
208. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1735 г., д. 7, л. 28.
- 209: Там же, д. 6, лл. 35 об.—36.
210. Кочубинский Л. Указ раб., с. 13.
211. Киняпина Н. С., Влиев М. М., Дегоев В. В: Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, с. 20.
212. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1735 г., д. 4, лл. 17 об.—18.
213. Очерки истории СССР, XVIII в., П четв., с. 375.
214. Маркова О. П. Указ. раб., с. 49.
215. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1736 г., д. 5, лл. 2, 268 об.
216. Там же.
217. Бутков Я. Г. Указ. соч., с. 181, 365—379.
218. АВПР, ф. СРТ, оп. 89/1, 1736 г.; д. 6, ч, 2, л. 470.
219. Там же, 1735 г., д. 5, лл. 292 об—293.
220. Там же, л. 297.
221. Узунджаршили Я. Х. Указ. раб., с. 231.
222. Там же, с. 232.
223. Там же.
224. Там же, с. 233.
225. Там же, с. 234—239.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение

Глава I. Азербайджан к началу 20-х годов XVIII в. и его место в

политике России, и Османской империи	18
Глава II. Поход Петра I в Прикаспье и обострение русско-турецких отношений (1722—1723 гг).	39
Глава III. Раздел Азербайджана между Россией и Османской империей	67
Глава IV. Азербайджан в период османской оккупации (1723—1735гг.)	111
Глава V. Прикаспийские провинции Азербайджана в период русской оккупации (1722—1735 гг.)	129
Глава VI. Борьба против иноземной оккупации в Азербайджане в 20-х годах XVIII века	145
Глава VII. Русско-османское, русско-иранское и османо-иранское соперничество в Прикаспье в конце 20-х—первой половине 30-х гг. XVIII в.	171
Примечания	203

Тофик Теюб оглы Мустафазаде

АЗЕРБАЙДЖАН И РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ
ТРЕТИ XVIII в.

Tofiq Teyyub oğlu Mustafazadə

XVIII əsrin qərinəsində
Azərbaycan və türk-rus münasibətləri

Редактор и корректор Я. Хатунцев
Художник В, Устинов
Технический редактор Т. Агаве

Сдано в набор 30.04.93. Подписано к печати 03.11.93. Формат бумаги.
60X84У16. Бумага типографская № 1. Гарнитура шрифта литературная.
Печать высокая. Усл. печ. лист. 15,0. Усл. кр.-отт. 13,95. Уч-изд. лист. 14,52.
Тираж 2000. Заказ 181. Цена договорная.

Издательство «Элм».

370143 Баку-143, проспект Гусейн Джавида, 31, Академгородок, Главное здание.

Типография АН Азербайджана Баку, проспект. Гусейн Джавида, 31.